

Том 24, номер 86
Volume 24, number 86

ISSN 2413-9645 (print)

2022

IZVESTIYA OF THE SAMARA SCIENCE CENTRE RAS.
Social, humanitarian, medicobiological sciences

ИЗВЕСТИЯ САМАРСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

IZVESTIYA
OF THE SAMARA SCIENCE CENTRE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Главный редактор Ф.В. Гречников
Editor-in-chief F.V. Grechnikov

www.ssc.smr.ru

Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки
Social, humanitarian, medicobiological sciences

Самарский федеральный исследовательский центр Российской академии наук
Samara Federal Research Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Самарский федеральный исследовательский центр Российской академии наук
«ИЗВЕСТИЯ САМАРСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК.
Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки»

Том 24 № 86, 2022

Основан в 2002 году в составе Известий СамНЦ РАН. Выходит 6 раз в год
ISSN 2413-9645 (print) * ПИ № ФС77-64960 * Индекс: 80808
Учредитель: Ученый совет Самарского федерального исследовательского центра
Российской академии наук

Главный редактор: Ф.В. Гречников

Заместитель главного редактора: О.М. Буранок

Научный редактор: Э.А. Радаева. E-mail: radaeva@ssc.smr.ru

Редакционная коллегия: Е.В. Абрамовских, А.Ю. Агафонов, Г.В. Акопов, А.С. Бакалов,
Дж.Ф. Бейлин, О.М. Буранок, А.Л. Бусыгина, В.П. Бездухов, Н.И. Воронина, Ф.В. Гречников,
Й. Догнал, М.А. Дударева, Д.А. Дятлов, В.И. Ионесов, Т.В. Каракова, О.А. Кострова,
М.А. Кулинич, Э.А. Куруленко, В.Б. Малышев, А.А. Масленникова, И.Д. Немировская,
В.И. Немцев, О.К. Позднякова, И. Рёблинг, М.Б. Сабыр, С.В. Соловьева,
О.Н. Солдатова, М.М. Халиков, В.Д. Шевченко

Электронная версия журнала: http://www.ssc.smr.ru/izvestiya_human.html

Адрес издательства: Самарский федеральный исследовательский центр Российской академии наук.
443001 Самара, Студенческий переулок, 3а.

Тел.: 8 (846) 337-53-81, факс 8(846) 332-66-79. E-mail: presidium@ssc.smr.ru

Samara Federal Research Scientific Centre of Russian Academy of Sciences
«IZVESTIYA SAMARSKOGO NAUCHNOGO TSENTRA ROSSIYSKOY AKADEMII NAUK.
Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki»
[BULLETIN OF THE SAMARA SCIENTIFIC CENTRE OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES.
Social, Humanitarian, Medicobiological Sciences]

Volume 24, no 86, 2022

Published since 2002. Issued 6 times a year.

ISSN 2413-9645 (print) * PI № FS77-64960 * Index: 80808

Founder: Academic Council of the Samara Federal Research Scientific Centre
of Russian Academy of Sciences

Editor-in-chief: F.V. Grechnikov

Deputy editor-in-chief: O.M. Buranok

Scientific editor: E.A. Radaeva. E-mail: radaeva@ssc.smr.ru

Editorial board: E.V. Abramovskiykh, A.Yu. Agafonov, G.V. Akopov, A.S. Bakalov,
John Frederick Bailyn, O.M. Buranok, A.L. Busy`gina, V.P. Bezduxov, N.I. Voronina, F.V. Grechnikov,
J. Dohnal, M.A. Dudareva, D.A. Dyatlov, V.I. Ionesov, T.V. Karakova, O.A. Kostrova,
M.A. Kulnich, E.A. Kurulenko, V.B. Malyshev, A.A. Maslennikova, I.D. Nemirovskaya,
V.I. Nemtsev, O.K. Pozdnyakova, Irmgard Roebeling, M.B. Sabyr, S.V. Solovyova,
O.N. Soldatova, M.M. Khalikov, V.D. Shevchenko.

Electronic version of the journal: http://www.ssc.smr.ru/izvestiya_human.html

Address of the Publishing House: Samara Federal Research Scientific Centre of Russian Academy of Sciences.
443001 Samara, Studenchesky pereulok, 3a.

Ph.: 8 (846) 337-53-81, fax 8(846) 332-66-79. e-mail: presidium@ssc.smr.ru

СОДЕРЖАНИЕ «ИЗВЕСТИЯ САМАРСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки»	
Том 24, номер 86, 2022	
СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ	
Использование инструментария медиа-аналитики в вузе: форматы, векторы, потенциал <i>Агеева Г.М.</i>	3
Особенности отношения студенческой молодежи к суициду как виду девиантного поведения <i>Гридина В.В.</i>	10
Эффективность смешанного обучения при подготовке будущих технических специалистов в условиях пандемии <i>Гридина В.В., Чеканушкина Е.Н.</i>	19
Общая характеристика качества перевода романа Филипа К. Дика “Do Androids Dream of Electric Sheep?”: перевод безэквивалентной лексики <i>Журавлев А.П.</i>	25
К вопросу о подготовке к служебному биатлону во ФСИН России <i>Никеров Д.И.</i>	31
Самообразовательная деятельность студентов при изучении дифференциальных уравнений <i>Черницына Р.Н.</i>	36
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ	
Психофизические эффекты активного использования технических средств экранной коммуникации <i>Григорьев С.Л.</i>	42
Мифологема пути в поэтической книге А. Орлова «Ожившее солнце»: культурологический комментарий <i>Дударева М.А., Арипова Д.А.</i>	51
Вариации мимесиса в поэтической книге А. Шацкова «Сказы Куликова поля» <i>Дударева М.А., Никитина В.В.</i>	57
Последний опус Александра Скрябина как музыкальный «эскиз» Мистерии <i>Дятлов Д.А.</i>	63
К понятию культурфилософской интерпретации литературно-художественного произведения <i>Макарчук И.Ю.</i>	74
Литературная критика романа-эпопеи А.И. Солженицына «Красное колесо»: культурфилософский аспект <i>Макарчук И.Ю.</i>	82
Кейсы экспрессионизма в современной драматургии и театре (на примере пьес Т. Леттса, В. Сигарева) <i>Радаева Э.А.</i>	91
Влияние событийных фото-порталов на формирование пользовательской культуры <i>Романов О.Ю., Сиротина И.Л.</i>	100
Интертекстуальность в семейном формате: Карамазовы цитируют Шиллера <i>Халиков М.М.</i>	105

CONTENTS «IZVESTIYA OF THE SAMARA SCIENCE CENTRE OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES. Social, Humanitarian, Biomedical Sciences»	
Volume 24, number 86, 2022	
SOCIAL SCIENCES	
Usage of Media Analytics Tools at The University: Formats, Vectors, Potential <i>Ageeva G.M.</i>	3
Features of The Attitude of Youth Students to Suicide as a Kind of Deviant Behavior <i>Gridina V.V.</i>	10
The Efficiency of Blended Learning in Training Future Technical Specialists in Pandemic Conditions <i>Gridina V.V., Chekanushkina E.N.</i>	19
Analyzing Philip K. Dick's "Do Androids Dream of Electric Sheep?" Translation into Russian: Translation of Non-Equivalent Lexis <i>Zhuravlev A.P.</i>	25
To The Question of Preparation for Service Biathlon in The Federal Penitentiary Service of Russia <i>Nikero D.I.</i>	31
Self-Educational Activity of University Students in The Study of Differential Equations <i>Chernitsyna R.N.</i>	36
HUMANITIES SCIENCES	
Psychophysical Effects of Active Use of Technical Means of On-Screen Communication <i>Grigoryev S.L.</i>	42
The Mythologeme of Path in A. Orlov's Poetic Book "The Resurgent Sun": a Culturological Commentary <i>Dudareva M.A., Aripova D.A.</i>	51
Mimesis Variations in A. Shatskov's Poetry Book "Kulikovo Field Tales" <i>Dudareva M.A., Nikitina V.V.</i>	57
The Last Opus of Alexander Scriabin as a Musical "Sketch" of The "Mystery" <i>Dyatlov D.A.</i>	63
To The Concept of Cultural-Philosophical Interpretation of a Literary-Artistic Work <i>Makarchuk I.Yu.</i>	74
Literary Critique of The Epic Novel A.I. Solzhenitsyn «Red Wheel»: Cultural Philosophical Aspect <i>Makarchuk I.Yu.</i>	82
Cases of Expressionism in Modern Dramaturgy and Theater (on The Example of Plays by T. Letts, V. Sigarev) <i>Radaeva E.A.</i>	91
The Influence of Event Photo Portals on The Formation of User Culture <i>Romanov O.Y., Sirotina I.L.</i>	100
Intertextuality in Family Context: Karamazov's Citing Shiller <i>Khalikov M.M.</i>	105

УДК 070:378.1 (Газеты. Пресса. Журналистика / Организация высшего образования. Организация работы высшего учебного заведения)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНСТРУМЕНТАРИЯ МЕДИААНАЛИТИКИ В ВУЗЕ: ФОРМАТЫ, ВЕКТОРЫ, ПОТЕНЦИАЛ

© 2022 Г. М. Агеева

*Агеева Галина Михайловна, доктор культурологии, доцент,
профессор кафедры культурологии и библиотечно-информационных ресурсов*

E-mail: ageevagm@rambler.ru

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева
Саранск, Россия

Статья поступила в редакцию 01.09.2022

Предмет статьи: методическая составляющая и функционал системы «СКАН-ИНТЕРФАКС» для студенческих исследований. Объект статьи: инструментарий медиааналитики в вузе. Цель проекта: показать возможности медиаанализа для оценки PR-деятельности вуза, роли образовательного учреждения и системы высшего образования в целом в общественном сознании и конкурентной среде (среди других вузов), с методической точки зрения осмыслить функционал и исследовательский инструментарий автоматизированной системы мониторинга СМИ и социальных медиа «СКАН-ИНТЕРФАКС», оценить привлекательность системы для студенческих научных изысканий. Методы исследования – статистический, инфографический, мониторинг, контент-анализ – позволили представить развернутую интерпретацию сгенерированных информационно-аналитической системой числовых данных. Область применения результатов: полученные данные имеют ключевое значение для вуза в контексте репутационной политики, проведения приемной кампании и шире – оценки привлекательности высшего образования для общества в целом. Проведенное исследование позволило получить данные для корректировки работы, выработки рекомендаций. Материалы исследования могут быть востребованы аналитическими и PR-службами вуза, органами управления образованием разного уровня, органами государственного и муниципального управления. Вывод: анализ методической составляющей и функционала системы «СКАН-ИНТЕРФАКС» позволил высоко оценить ее исследовательский инструментарий и сделать выводы о перспективности медиааналитики и ее привлекательности для студенческих научных изысканий. Опыт, наработанный в области медиааналитики, может быть полезен в информационно-коммуникационных, социально-политических и других междисциплинарных исследованиях.

Ключевые слова: медиа, медиааналитика, медиаанализ, медиаисследования, медиатехнологии, медиастатистика
DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-86-3-9

Автор благодарит информационную группу «Интерфакс» за демо-доступ к системе мониторинга и анализа СМИ и соцмедиа «СКАН-ИНТЕРФАКС».

Введение. Широкое дискуссионное поле вокруг медиа, создаваемое многообразием исследовательских подходов и концепций, в последние годы расширилось за счет аналитической проблематики.

Медиаанализ (в большинстве случаев это исследование присутствия организации и ее руководителя в СМИ – медиаприсутствия) используется для оценки имиджа компании на рынке и в своей профессиональной области. Он является объектом интереса сразу нескольких отраслевых направлений – журналистики, статистики, социологии, маркетинга и PR, эконометрики. Применительно к вузу – это оценка деятельности

образовательного учреждения и системы высшего образования в целом в общественном сознании и конкурентной среде (среди других вузов) с целью анализа имиджевых угроз и коррекции стратегии «продвижения и коммуникационной политики образовательного учреждения» [8, с. 78].

Обучение исследовательским технологиям важно для подготовки будущих специалистов в любой сфере. Именно работа с практическим материалом, анализ эмпирических данных позволяют выстроить целостную картину, понять закономерности и специфику явления, более

отчетливо увидеть перспективы и проблемные моменты.

Поэтому практической и исследовательской работе в образовательном процессе отводится серьезная роль. Данной работой нельзя пренебрегать, более того, нужно постоянно искать новые формы, предлагать студентам разнообразный инструментарий, увлекать современными приемами ведения исследований.

Студенты-гуманитарии самостоятельно проводят социологические, психологические, инфометрические исследования, ими активно используются для интерпретации разнообразные статистические данные. Медиаметрический инструментарий пока применяется не очень широко. Между тем это современный цифровой исследовательский ресурс, не только расширяющий палитру методов научных изысканий на стыке гуманитарного знания и компьютерных технологий, но и открывающий перед учеными широкие возможности в постановке научных задач, определении границ исследования, расстановке акцентов и др.

Конечно, можно использовать готовую авторитетную фактическую и статистическую информацию, сравнивать показатели в динамике, строить графики.

Но гораздо интереснее самостоятельно определять задачи и, исходя из них, получать цифровые данные. Т.е. не ограничиваться опорой на обнародованную статистику и инфографику, а генерировать их самостоятельно, задействуя современный инструментарий, и представлять их развернутую интерпретацию.

Для этого сегодня есть все условия: на российском рынке представлен ряд медиааналитических систем – Brand Analytics (<https://brand-analytics.ru>), «Медialogия» (www.mlg.ru), СКАН-ИНТЕРФАКС (<https://scan-interfax.ru>), iBIC (<https://ibic.ru>), YouScan (<https://youscan.io/ru>) и др., – позволяющих оперативно и репрезентативно вести исследовательскую работу.

Четырехлетний опыт проведения студенческих мини-исследований в рамках лабораторных занятий на направлении подготовки «Медиакоммуникации» (бакалавриат) в Национальном исследовательском Мордовском государственном университете им. Н. П. Огарёва свидетельствует о доступности аналитических систем в рамках образовательного процесса (ряд компаний

позволяют ограниченный период времени без оплаты тестировать свои ресурсы).

Методы исследования. В этой связи представляются репрезентативными ресурсы автоматизированной системы управления репутацией и анализа эффективности PR «СКАН-ИНТЕРФАКС» (<https://group.interfax.ru>).

Системой обрабатывается более 60 000 источников, включая новостные ленты ведущих информационных агентств. Широко представлены региональные российские СМИ (более 35 000 наименований) (SCAN [2022]. URL: <https://group.interfax.ru/products/systems/scan>). Система предоставляет диверсифицированный объектный поиск, сервисный инструментарий.

В исследовании помимо статистического метода (медиастатистика) и метода мониторинга (отслеживание изменений в освещении деятельности Мордовского университета им. Н.П. Огарёва в СМИ и социальных медиа в соответствии с выбранными параметрами анализа, подготовка базы для принятия управленческих решений) использовались инфографический метод (визуализация результатов исследования посредством таблиц, диаграмм, схем, других современных форматов представления знания, в данном случае автоматически выстраиваемых системой) и контент-анализ (изучение полных и сокращенных текстов публикаций, генерируемых системой по запросу, инфографического отчета).

Вышеназванные методы положены и в основу функционала и инструментария ресурсной базы информационной группы «Интерфакс», широко применяемой в медиааналитике.

История вопроса. Проблематика медиаисследований в разных аспектах широко осмысливается в трудах отечественных и зарубежных авторов. Тезис классика теории коммуникации, немецкого социолога Н. Лумана: «То, что мы знаем о нашем обществе, о мире, в котором мы живем, мы знаем благодаря массмедиа», – объясняет активный исследовательский интерес к медиапроблематике [13, с. 9].

Возникают новые методы и теории, формируются новые научные области, изучающие взаимоотношения между индивидами и виртуальными сообществами, многие работы носят выраженный интегративный характер.

В работах зарубежных ученых осмысливаются возможности использования методологии дискурса в изучении динамики массмедиа (Т. Карис

[12], Д. Силвер [15], К. Сколари [14], М. Фуко [16]), опыт анализа аудитории традиционных СМИ применительно к цифровым медиа (К. Сколари) [14], способы конструирования и репрезентации публики – медиаобщественности, изменения ее конфигурации (С. Коулмен, К. Росс [11], К. Сколари [14]),

Проблематика медиааналитики в трудах российских авторов представлена еще более диверсифицированно: разработкой теоретических основ медиаисследований занимаются Е. Л. Вартанова, М.Е. Аникина, А.Н. Гуреева, Д.В. Дунас [2, 3], Н.В. Урина [9].

Специфику медиаисследований в России и историю становления направления в нашей стране и за рубежом изучают М.С. Сибин [7], А.Ф. Файзетдинова и А.А. Никитин [10], практики исследования аудитории в ведущих российских телекомпаниях анализирует Н.В. Адемукова [1]. Как считает М.С. Сибин, «существенной особенностью этого рынка является тот факт, что большинство из этих компаний сосредоточили свою деятельность на крупных городских аудиториях и не всегда обладали достаточно развитой региональной базой» [7, с. 323], а Н.В. Адемукова отмечает, что «экономия на исследовательской отрасли может привести не только к непониманию телеканалами своей целевой аудитории, оттоку рекламодателей, но и к недоверию ко всем исследователям...» [1, с. 64]. Понятийный аппарат медиаисследований изучают М.И. Дзялошинская и И.М. Дзялошинский [4]. В их работе наряду с другими исследовательскими практиками в сфере медиа представлен медиаобразовательный подход: «С позиций этого подхода медиа рассматриваются в качестве инструмента формирования социального опыта школьников и студентов. Этот опыт приобретается ими в процессе изучения истории, структуры и теории средств массовой информации, овладения умениями самостоятельного отбора и критического анализа информации, поступающей по различным каналам, а также самостоятельного создания ими сообщений с использованием различных знаковых систем и информационных технологий» [4, с. 24].

В трудах российских авторов получили осмысление и вопросы использования автоматизированных систем мониторинга СМИ и медиаанализа, в частности, системы «СКАН-ИНТЕРФАКС». Так, например, К.А. Милорадов оценивает возможности системы в учебном процессе [5], а Н.А. Померанцева и Л.Л. Делицын раскрывают ее потенциал для журналистов и аналитиков [6].

Таким образом, медиаанализ большей частью востребован в качестве инструмента анализа медиаполя и управления репутацией. Учитывается отраслевая специфика, устанавливается заметность компаний в СМИ.

Все это имеет ключевое значение и для вуза в контексте репутационной политики, проведения приемной кампании и шире – оценки привлекательности высшего образования для общества в целом.

Обращает на себя внимание факт междисциплинарного интереса к медиаисследованиям, интеграция результатов не только в область журналистики, рекламы и PR, но и в сферу социологии, политологии, медиаобразования.

И в данной статье хотелось бы сконцентрировать внимание не столько на стратегической значимости медиааналитики, сколько на ее инструментарии – его инновационности, удобстве использования, доступности и потенциале для вовлечения студенчества в исследовательский процесс.

Результаты исследования. Приведем примеры получения (а не простого использования готовых) данных медиаизмерений посредством применения инструментария системы мониторинга и анализа СМИ и соцмедиа «СКАН-ИНТЕРФАКС» Международной информационной группы «Интерфакс».

Демо-доступ к системе, предоставляемый организацией без оплаты образовательным учреждениям в учебных целях, позволяет познакомиться не только с характеристиками системы – многоуровневым поиском, системой фильтров, но и автоматически сформировать по заданным исследователем параметрам отчет – логичный, структурированный, оформленный, содержащий таблицы, графики, с логотипом компании на каждой странице. Система снабжена обширными методическими материалами, обучающими видео. Регулярно проводятся вебинары по работе с системой, доступные по регистрации.

Например, выгружаемый из системы за период исследования (1–18 февраля 2022 г.) отчет включает таблицы, графики, тексты новостей федеральных и региональных СМИ, упоминающих Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва. Временной период для анализа сознательно выбирался небольшой (чуть больше двух недель), т.к. целью преимущественно был показ возможностей и потенциала автоматизированной системы «СКАН-ИНТЕРФАКС» для студенческих исследований.

Структура сформированного системой отчета следующая:

1. Динамика публикаций
2. Динамика индекса заметности
3. Сравнение с аналогичным периодом
4. PR-индексы
5. Основные события
6. Тональность публикаций
7. Топ источников

8. Категории источников

9. Уровни источников

10. Регионы источников

11. Сравнение с конкурентами

Из отчета следует, что МГУ им. Н.П. Огарёва за указанный период в СМИ упоминался 205 раз. Динамика упоминаний представлена на графике (рис. 1).

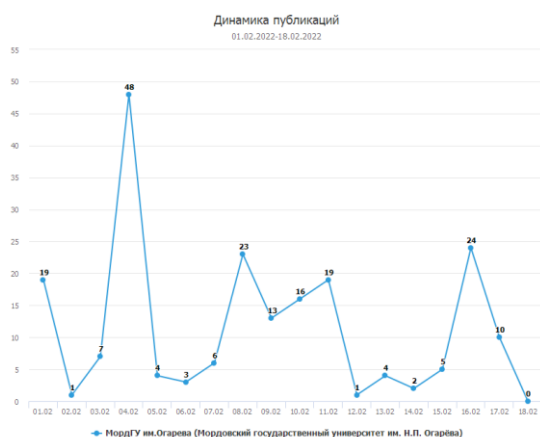

Рис. 1. Динамика публикаций
(Publication dynamics)

Рис. 2. Динамика индекса заметности
(Dynamics of the visibility index)

Пик активности 4 февраля 2022 г. связан с упоминанием вуза в новостях в связи с участием его студентов во всероссийской олимпиаде «Я – профессионал». Максимальное значение индекса заметности вуза в СМИ также приходится на эту дату (рис. 2). Упоминания ранжируются в порядке убывания, фиксируется топ-10 событий.

Система высчитывает PR-индексы исследуемого объекта в СМИ – индекс прямой речи, индекс репутационного риска и индекс заметности (ключевые показатели анализа медиаполя, разработанные Международной информационной группой «Интерфакс», каждый из которых – отдельный критерий оценки PR-деятельности организации), однако эти численные значения приобретают наглядность только в сравнении – с предшествующим периодом или с аналогичным объектом, например, другим вузом.

Определяется тональность публикаций об университете – позитивные, негативные, нейтральные (в исследуемый период доминируют нейтральные материалы (201), есть позитивные (4 материала), негативных нет).

Выстраивается топ-10 СМИ, публикующих новости о вузе (верхние позиции – у изданий «БезФормата» и «Известия Мордовии»). Источники группируются по категориям (преобладают сайты СМИ и площадки-агрегаторы новостей). Сравнивая данные федеральных и региональных СМИ, публикующих новости о региональном вузе, обнаруживаем, что ожидаемо превалируют последние (174 публикации против 31). Система ранжирует источники по регионам (1-я позиция – у Республики Мордовия, далее – Москва и граничащая с Мордовией Нижегородская область).

По вышеперечисленным параметрам возможно сравнение университета с другими вузами, их выбор остается за исследователем.

Выводы. В статье затронуты вопросы, связанные с проведением прикладных медиаисследований, – анализ методической составляющей и функционала системы «СКАН-ИНТЕРФАКС» (алгоритма выполнения запроса, формата представленных сведений и др.), оценка исследовательского инструментария и привлекательности системы для исследований в целом.

Результаты исследования позволили сделать следующие выводы:

1. Медиаанализ с использованием систем автоматизированного мониторинга – исследование медиаприсутствия компании или физического лица – современное средство оценки коммуникационной политики и PR-деятельности организации. Для системы высшего образования активность вузов в СМИ – фактор создания общественного резонанса, привлечения внимания к конкретному образовательному учреждению и высшей школе в целом.

2. В учебных целях резонно производить мониторинг инфополя на предмет упоминания собственного вуза или учреждения, являющегося крупным игроком профессионального пространства, и сравнивать показатели, например, с

другими вузами или организациями, близкими по роду деятельности. И тогда аналитическая работа будет для молодого поколения интересной.

3. Выбор автоматизированной системы мониторинга СМИ и медиаанализа «СКАН-ИНТЕРФАКС» как базы для исследования оправдан современным функционалом системы по определению параметров и ведению в соответствии с ними самостоятельного поиска и анализа информации за любой выбранный период времени.

Таким образом, использование инструментария медиааналитики представляется перспективным форматом исследовательской работы, вызывающим живой отклик у молодого поколения.

1. Адемукова, Н. В. Практики исследования аудитории в ведущих российских телекомпаниях // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2016. – №1. – С. 61–66.
2. Вартанова, Е. Л. Теория и экономика медиа как актуальные направления медиаисследований // МЕДИ@ЛЬМАНАХ. – 2020. – №2–3. – С. 8–16.
3. Вартанова, Е. Л., Аникина, М. Е., Гуреева, А. Н., Дунас, Д. В. Предметно-объектное поле отечественных медиаисследований: метатеоретический подход // Вопросы теории и практики журналистики. – 2019. – Т. 8. – №3. – С. 455–468.
4. Дзялошинская, М. И., Дзялошинский, И. М. К вопросу о понятийном аппарате медиаисследований // Медиаскоп. – 2014. – №4. – С. 24.
5. Милорадов, К. А. Система СКАН-ИНТЕРФАКС в учебном процессе // Проблемы и перспективы развития образования в России. – 2012. – №15. – С. 78–83.
6. Померанцева, Н. А., Делицын, Л. Л. Ресурсы баз данных информационных агентств для журналистов и аналитиков. (Аналитическая характеристика) // Научные и технические библиотеки. – 2018. – №10. – С. 44–56.
7. Сибин, М. С. Специфика медиаисследований в России // Динамика систем, механизмов и машин. – 2012. – №5. – С. 321–324.
8. Сиротина, М. А., Егорова, О. Ю. Использование медиастатистики для оценки активности вузов в СМИ // Вестник российского химико-технологического университета имени Д. И. Менделеева: Гуманитарные и социально-экономические исследования. – 2018. – №9-2. – С. 77–89.
9. Урина, Н. В. Теоретические основы медиаисследований: процесс развития и результаты // МЕДИ@ЛЬМАНАХ. 2020. – №2–3. – С. 132–136.
10. Файзетдинова, А. Ф., Никитин, А. А. Роль медиааналитики в современном мире (на примере киноиндустрии) // Инновационные подходы в решении научных проблем. - Уфа, 2019. - С. 274–279.
11. Coleman S., Ross, K. The media and the public: «Them» and «us» in media discourse. – Chichester; Malden (MA): Wiley-Blackwell, 2010. – 200 p.
12. Karis, T. Foucault, Luhmann und die Macht der Massmedien: Zur Bedeutung massenmedialer Eigenlogiken für den Wandel des Sagbaren // Diskursiver Wandel / Hrsg. von A. Landwehr. – Wiesbaden, 2010. – S. 237–251.
13. Luhmann, N. Die Realität der Massenmedien. – Wiesbaden: Springer VS, 2017. – 219 s.
14. Scolari, C. A. Mapping conversations about new media: The theoretical field of digital communication // New media & society. – L., 2009. – Vol. 11. – №6. – P. 943–964.
15. Silver, D. Looking backwards, looking forwards: Cyber studies, 1990–2000 // Web. studies: Rewiring media studies for the digital age / Ed. by D. Gauntlett. – L., 2000. – P. 19–30.
16. Foucault, M. Archäologie des Wissens // Foucault M. Die Hauptwerke / Hrsg. von A. Honneth, M. Saar. – Frankfurt a. M., 2016. – S. 471–700.

USAGE OF MEDIA ANALYTICS TOOLS AT THE UNIVERSITY: FORMATS, VECTORS, POTENTIAL

© 2022 G.M. Ageeva

Galina M. Ageeva, Doctor of Cultural Studies, Docent, Professor of the Department of Cultural Studies and Library and Information Resources

E-mail: ageevagm@rambler.ru

**Mordovia State University N.P. Ogareva
Saransk, Russia**

Subject of the article: analysis of the methodological component and functionality of the «SCAN-INTERFAX» system for student research. Object of the article: usage of media analytics tools at the university. The goal of the project: is to show the possibilities of media analysis for assessing the PR activities of a university, the role of an educational institution and the higher education system as a whole in the public mind and competitive environment (among some other universities), from a methodological point of view, to comprehend the functional and research tools of an autonomous media and social media monitoring system «SCAN-INTERFAX» and to estimate the attractiveness of the system for student scientific research. Methodology of work: statistical, infographic, monitoring method, content analysis, that made it possible to present a detailed interpretation of the numerical data generated by the informational and analytical system. Field of application of the results: the data obtained has the key importance for the university in the context of reputation policy, holding an admission campaign and, more broadly, estimating the attractiveness of higher education for a whole society. The study made it possible to obtain data needed for adjusting the work and developing the recommendations. Research materials can be demanded by the analytical and PR services of the university, education authorities of various levels, state and municipal governments. Conclusion: analysis of the methodological components and functionality of the «SCAN-INTERFAX» system made it possible to highly appreciate its research tools and draw conclusions about the perspectives of media analytics and its attractiveness for student scientific research. The experience gained in the field of media analytics can be useful in informational, communicational, socio-political and other interdisciplinary research.

Keywords: media, media analytics, media analysis, media research, media technologies, media statistics

DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-86-3-9

The author thanks «Интерфакс» information group for demo access to the «SCAN-INTERFAX» monitoring and analysis system for mass and social media.

1. Ademukova, N. V. Praktiki issledovaniya auditorii v vedushchikh rossiyskikh telekompaniyakh (Audience Research Practices at Leading Russian TV Companies) // Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta (Science vector of Togliatti State University). – 2016. – № 1. – S. 61–66.
2. Vartanova, E. L. Teoriya i ekonomika media kak aktualnye napravleniya mediaissledovaniy (Theory and economics of media as topical areas of media research) // MEDI@L'MANAH (MEDI@LMANAC). – 2020. – № 2–3. – S. 8–16.
3. Vartanova, E. L., Anikina, M. E., Gureeva, A. N., Dunas, D. V. Predmetno-obektnoe pole otechestvennykh mediaissledovaniy: metateoreticheskiy podkhod (The subject-object field of the Russian media studies: the metatheoretic approach) // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki (Theoretical and Practical Issues of Journalism). – 2019. – Vol. 8. – № 3. – S. 455–468.
4. Dzyaloshinskaya, M. I., Dzyaloshinskiy, I. M. K voprosu o ponyatiynom apparate mediaissledovaniy (On the question of the conceptual apparatus of media research) // Mediaskop (Mediascope). – 2014. – № 4. – S. 24.
5. Miloradov, K. A. Sistema SKAN-INTERFAKS v uchebnom protsesse (The SCAN-INTERFAX system in the educational process) // Problemy i perspektivy razvitiya obrazovaniya v Rossii (Problems and prospects for the development of education in Russia). – 2012. – № 15. – S. 78–83.
6. Pomerantseva, N., Delitsyn, L. Resursy baz dannykh informatsionnykh agentstv dlya zhurnalistov i analitikov (Analytical characterization) // Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki (Scientific and technical libraries). – 2018. – № 10. – S. 44–56.
7. Sibin, M. S. Spetsifika mediaissledovaniy v Rossii (The specifics of media research in Russia) // Dinamika sistem, mekhanizmov i mashin 2012 (Dynamics of systems, mechanisms and machines). – 2012. – № 5. – S. 321–324.
8. Sirotina, M. A., Egorova, O. Yu. Ispolzovanie mediastatistiki dlya otsenki aktivnosti vuzov v SMI (The use of media statistics for assessment of higher educational institution activity in the media) // Vestnik rossiyskogo himiko-tekhnologicheskogo universiteta imeni D.I. Mendeleeva: Gumanitarnye i social'no-ekonomicheskie issledovaniya (Bulletin of the

- D.I. Mendeleev Russian University of Chemical Technology: Humanitarian and socio-economic research). – 2018. – № 9-2. – S. 77–89.
9. Urina, N. V. Teoreticheskie osnovy mediaissledovaniy: protsess razvitiya i rezultaty (Theoretical foundations of media research: development process and results) // *MEDI@L'MANAH (MEDI@LMANAC)*. – 2020. – № 2–3. – S.132–136.
10. Fayzetdinova, A. F., Nikitin, A. A. Rol mediaanalitiki v sovremennom mire (na primere kinoindustrii) (The role of media analytics in the modern world (on the example of the film industry) // *Innovacionnye podhody v reshenii nauchnyh problem (Innovative approaches to solving scientific problems)*. – Ufa, 2019. – S. 274–279.
11. Coleman, S., Ross, K. The media and the public: «Them» and «us» in media discourse. – Chichester; Malden (MA): Wiley-Blackwell, 2010. – 200 p.
12. Karis, T. Foucault, Luhmann und die Macht der Massmedien: Zur Bedeutung massenmedialer Eigenlogiken für den Wandel des Sagbaren // *Diskursiver Wandel / Hrsg. von A. Landwehr*. – Wiesbaden: VS, 2010. – S. 237–251.
13. Luhmann, N. Die Realität der Massenmedien. – Wiesbaden: Springer VS, 2017. – 219 s.
14. Scolari, C. A. Mapping conversations about new media: The theoretical field of digital communication // *New media & society*. L. – 2009. – Vol. 11. – № 6. – P. 943–964.
15. Silver, D. Looking backwards, looking forwards: Cyber studies, 1990–2000 // *Web. studies: Rewiring media studies for the digital age / Ed. by D. Gauntlett*. – L., 2000. – P. 19–30.
16. Foucault, M. Archäologie des Wissens // *Foucault M. Die Hauptwerke / Hrsg.von A. Honneth, M. Saar*. – Frankfurt a. M., 2016. – S. 471–700.

УДК 378 (Высшее образование. Высшая школа. Подготовка научных кадров)

ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ К СУИЦИДУ КАК ВИДУ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

© 2022 В.В. Гридина

*Гридина Вера Валерьевна, кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры «Философия и социально-гуманитарные науки»*

E-mail: samavera@mail.ru

**Самарский государственный технический университет
Самара, Россия**

Статья поступила в редакцию 25.08.2022

Предмет статьи: анализ особенностей отношения студенческой молодежи к суициду как виду девиантного поведения. Объект статьи: студенты Самарского государственного технического университета. Цель работы: изучение особенностей отношения российской молодежи к суициду как виду девиантного поведения. Методология работы: неформализованный анализ документов, статистический анализ, социологический опрос с использованием комбинированной двухступенчатой выборки. Результаты работы свидетельствуют о зависимости восприятия и оценки этого явления от сферы его проявления. Разные виды отклонений от нормы вызывают разную реакцию на них, свидетельствующую о степени приемлемости такого вида поведения для решения личностных проблем человека. Наименее толерантны молодые люди к таким отклонениям, проявляющимся в обществе, как наркомания и алкоголизм. Уровень толерантности повышается по мере его приближения от больших социальных групп к малым, от формальных - к неформальным. При отсутствии гармоничных отношений в семье молодые люди демонстрируют более эмоциональное отношение к проблеме суицида и больше ориентированы на оказание помощи, что отчасти связано с изменениями ценностных ориентаций в обществе и открытостью информационного пространства. Вывод: полученные данные позволяют утверждать, что социализация играет определяющую роль в механизме формирования толерантного отношения к девиантному поведению в целом и суицидальному в частности.

Ключевые слова: девиантное поведение, суицид, студенческая молодежь, толерантность, семья, социализация, социальные связи

DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-86-10-18

Введение. Современная Россия относится к модернизирующимся обществам, что предполагает эволюционное вытеснение традиционных устоев и замену их современными. Стадии модернизации российского общества сопутствуют такие процессы, как изменение экономических, политических и социокультурных отношений. Трансформация российского общества остро ставит вопрос об осознании индивидуальной и групповой социальной идентичности, интеграции и дезинтеграции, месте в социальной иерархии, солидарности, уровне сплоченности, системе ценностей. Но меняются ли в ходе общего процесса модернизации модели девиантного поведения, и становится ли отношение к ним со стороны общества более толерантным?

Среди многообразия моделей девиантного поведения нас интересует аутоагрессия, или суицид. Сегодня суицид продолжает оставаться

актуальной проблемой как всего человечества в целом, так и России в частности, а уровень суицида и его динамика – общепринятым показателем социально-психологического благополучия страны. В мире ежегодно около миллиона человек пополняют статистику самоубийств. При этом подростковое самоубийство является общей проблемой во всем мире, а самоубийство молодежи в возрасте до 29 лет занимает второе место среди основных причин смерти [24, с. 47].

Целью настоящего исследования является изучение особенностей отношения российской студенческой молодежи к суициду как виду девиантного поведения.

История вопроса. Проблемой суицида занимаются психиатры, психологи, медики, философы, социологи, что подчеркивает ее сложность и актуальность. Для философии проблема самоубийства всегда была связана с проблемой

смысла жизни и свободы личности, ибо в кризисные минуты жизни от решения этих, казалось бы, абстрактных, философских вопросов, в прямом смысле слова зависит сама жизнь [9, с.1]. Психология и социальная психология рассматривают мотивационные аспекты суицида [6, с. 854; 16, с.193; 17, с.126; 20, с. 76], социологию интересуют, прежде всего, закономерности возникновения и развития этого явления в обществе, его социальные причины и последствия [5, с. 11; 7, с. 163; 15, с. 110]. Следует отметить, что социальные причины, повышающие риск совершения суицида, должны оцениваться и рассматриваться наравне с психологическими, а профилактические мероприятия, направленные на ликвидацию обозначенных факторов, поддержка со стороны социальной среды (близкие, друзья, родители, сотрудники, религиозные общины, профессиональные службы, группы самопомощи) могут существенно снизить риск суицидальных мыслей [11]. Влияние социальной среды на повышение риска возникновения суицидальных мыслей раскрыто недостаточно полно и нуждается в дальнейших исследованиях, в связи с чем повышается и необходимость междисциплинарного подхода к данной проблеме как со стороны врачей-психиатров и психотерапевтов, так и психологов, педагогов, социологов, этнографов, юристов и др.

Настораживает то, что за последнее десятилетие в России выросло число самоубийств среди молодежи [1; 2; 3]. Стрессогенный характер жизненной ситуации и фрустрация ведущих потребностей приводят к поиску выхода из ситуации, переживанию ее безнадежности и собственной беспомощности, амбивалентному отношению личности к суициду, и как следствие, к сужению выбора до бегства в «суицид». При этом суицидальное поведение, как правило, соответствует общему стилю жизни и личностным установкам [8, с. 82; 19, с. 70]. По мнению исследователей, основные причины суицида среди молодежи не только психологические, но также и злоупотребление алкоголем, курение, наркотики, но и социально-экономические причины (социальная и эмоциональная изоляция, чувство одиночества, низкая самооценка, депрессия, низкий уровень образования, стресс, межличностные разногласия, проблемы в отношениях с окружающими, и особенно членами семьи; высокие социальные ожидания) [21; 23, с. 6]. Безусловно, семья является одновременно и фактором риска, и фактором профилактики суицидального поведения.

Сплоченность семьи препятствует развитию психических расстройств, депрессии, и опосредованно - суицидальному поведению.

Особое место среди причин суицида занимают депрессии, поэтому проблема самоубийств — это проблема депрессий индивида в современном обществе, где отношения между людьми становятся поверхностными и сугубо функциональными. Кроме того, в молодежной среде все большее значение начинает приобретать такая модель суицида, как подражательный суицид (киберсуицид) под влиянием СМИ [4; 10, с. 23]. Интернет упрощает и демократизирует контакты, поэтому неслучайно занимает первое место в списке тех, к кому молодежь обращается за помощью, в том числе, если речь идет о суицидальном поведении. Интернет, социальные сети, киберзапугивание оказывают серьезное влияние на личность, ее психическое здоровье. В исследовании Е.Б. Любова и Р.И. Палаевой отмечается двоякая роль интернета – как провоцирующего суицидальное поведение, так и профилактического средства в случае его правильного использования. Между тем, стоит помнить, что увлечение интернетом и сайтами социальных сетей в 2-3 раза повышает риск депрессии и суицидального поведения [12, с. 73].

Методы исследования: неформализованный анализ документов, социологический опрос. Статистический анализ и обработка данных проводилась с помощью стандартного пакета программы SPSS. В исследовании была использована комбинированная двухступенчатая выборка. Из 10 факультетов случайным образом были отобраны теплоэнергетический и химикотехнологический факультеты. На следующем этапе была использована кластерная выборка, т.е. в случайно отобранных группах на 1, 2 и 3 курсах каждого факультета был проведен сплошной опрос. Объем выборочной совокупности составил 252 человека, в том числе 120 женщин.

Материалы исследования. В нашей стране ситуация с самоубийствами остается одной из наиболее сложных. Развал СССР, социально-экономическая нестабильность в стране, сокращение численности населения, высокая смертность, новые ценности, пришедшие с Запада, утрата и разочарование в традиционных нормах, разрушение государственной идеологии дезориентировали многих россиян и способствовали появлению у них состояния неуверенности. В результате показатели убийств и самоубийств в

России стали одними из самых высоких в мире [13, 14].

Специфика общественного восприятия суицида в России носит в основном осуждающий характер, что способствует формированию и закреплению социального стереотипа о психической и духовной неполноценности людей, совершающих самоубийства и не ориентирована на интеграцию их в общество. С точки зрения общества, мы все должны осуждать нарушителей, однако к некоторым отклонениям от норм мы относимся спокойно, другие нас возмущают, а третьи вызывают чувство жалости. Именно эта мысль о многообразии реакций на девиации легла в идею конструирования опросника. Так как одной из задач исследования было определение уровня толерантности к суициду на фоне других отклонений от социальной нормы, мы не стали концентрировать внимание респондентов только на суициде. Разрабатывая опросник исследования толерантности к социальным отклонениям, мы исходили из того, что толерантность к отклонениям зависит от степени психологической близости девианта к индивиду. По данному критерию нами выделены 4 зоны: общественная (такие люди есть в нашем мире); социальная (я встречал такого человека); личная (это один из моих друзей); интимная (это член моей семьи). Нас интересовали также нюансы отношений к тому или иному виду девиации, которые могут меняться от резкого осуждения до желания помочь человеку. Таким образом, по каждому виду отклонения от нормы респонденты должны были выбрать определенную позицию с учетом сферы проявления.

Мы предполагали также, что отношение к девиантному поведению может быть детерминировано не только личностными характеристиками человека, но и его принадлежностью к

семейной группе, посредством которой из поколения в поколение передаются традиции, обычаи, привычки и отношения. Поэтому серия вопросов была направлена на выявление специфики межличностных отношений: семейных правил общения, степени конфликтности, открытости или закрытости для обсуждения сложных и неудобных тем. В качестве основного понятия этой части исследования было выбрано понятие «благополучная семья». Логическая операционализация этого понятия реализовывалась через такие индикаторы, как: взаимоуважение, открытость коммуникации, разделяемая система убеждений и ценностей, а также эффективность разрешения проблемных и конфликтных ситуаций. В результате типы семей наших респондентов мы разделили по уровню гармоничности социально-психологических отношений:

- Высокий уровень – семья, где царит взаимное уважение и любовь, конфликты разрешаются эффективно, на основе консенсуса, открыто обсуждаются интересующие членов семьи темы.
- Средний уровень – семья, где на внешнем уровне демонстрируется взаимоуважение и общая система ценностей, но реально сложные и проблемные темы табуированы для открытого обсуждения, а конфликты разрешаются чаще авторитарными методами.
- Низкий уровень – семья только по принципу совместного проживания, коммуникации только на бытовые темы, отсутствует общая система ценностей, высокий уровень конфликтов в форме скандалов.

Результаты анализа данных исследования позволяют оценить сформировавшиеся в студенческой среде модели отношения к разным типам девиантного поведения в зависимости от зоны их проявления (таблицы 1-4).

Таб. 1. Отношение к проявлению девиантного поведения в обществе (в % к числу опрошенных)
(Attitude towards the manifestation of deviant behavior in society (in % of the number of respondents))

Виды отклоняющегося поведения	Какие чувства Вы испытываете к нарушителям социальных норм в обществе в целом?					Итого по строке
	Активное осуждение	Молчаливое осуждение	Равнодушные	Сочувствие	Желание оказать помощь	
Алкоголизм	38,0	19,0	10,0	19,0	14,0	100,0
Наркомания	68,0	14,0	4,0	14,0	-	100,0

Суицид	30,0	20,0	5,0	30,0	15,0	100,0
Проституция	9,0	32,0	9,0	36,0	14,0	100,0
Гомосексуализм	32,0	5,0	50,0	13,0	-	100,0

Таб. 2. Отношение к проявлению девиантного поведения в формальных группах
(в % к числу опрошенных) (Attitude towards the manifestation of deviant behavior in formal groups
(in % of the number of respondents)

Виды отклоняющегося поведения	Какие чувства Вы испытываете к нарушителям социальных норм в своем учебном или трудовом коллективе?					Итого по строке
	Активное осуждение	Молчаливое осуждение	Равнодушные	Сочувствие	Желание оказать помощь	
Алкоголизм	43,0	29,0	14,0	14,0	-	100,0
Наркомания	64,0	9,0	9,0	14,0	4,0	100,0
Суицид	19,0	29,0	-	33,0	19,0	100,0
Проституция	19,0	38,0	5,0	33,0	5,0	100,0
Гомосексуализм	24,0	14,0	38,0	24,0	-	100,0

Таб. 3. Отношение к проявлению девиантного поведения в дружеских группах
(в % к числу опрошенных) (Attitude towards the manifestation of deviant behavior in friendly groups
(in % of the number of respondents)

Виды отклоняющегося поведения	Какие чувства Вы испытываете к нарушителям социальных норм среди ваших друзей?					Итого по строке
	Активное осуждение	Молчаливое осуждение	Равнодушные	Сочувствие	Желание оказать помощь	
Алкоголизм	59,0	5,0	9,0	5,0	22,0	100,0
Наркомания	68,0	-	-	5,0	27,0	100,0
Суицид	32,0	14,0	-	5,0	49,0	100,0
Проституция	32,0	18,0	-	23,0	27,0	100,0
Гомосексуализм	23,0	23,0	26,0	19,0	9,0	100,0

Таб. 4. Отношение к проявлению девиантного поведения в семье (в % к числу опрошенных)
(Attitude towards the manifestation of deviant behavior in the family
(in % of the number of respondents)

Виды отклоняющегося поведения	Какие чувства Вы испытываете к нарушителям социальных норм в своей семье?					Итого по строке
	Активное осуждение	Молчаливое осуждение	Равнодушные	Сочувствие	Желание оказать помощь	

Алкоголизм	54,0	5,0	-	-	41,0	100,0
Наркомания	59,0	-	-	-	41,0	100,0
Суицид	45,0	-	-	5,0	50,0	100,0
Проституция	52,0	-	-	-	48,0	100,0
Гомосексуализм	45,0	-	9,0	5,0	41,0	100,0

Полученные данные позволяют утверждать, что по мере приближения к личному миру респондентов не происходит значительного уменьшения осуждения девиантов, но зато постепенно исчезают промежуточные, «неопределенные» позиции и нарастает желание активных действий, реальной помощи. Особенно ярко это проявляется в отношении суицида. Так, если доминирующая реакция на проявление суицида в обществе и формальных группах – лишь сочувствие (30,0 и 33,0% соответственно), то суицид среди друзей или в семье вызывает совсем другие чувства, стремление что-то сделать лично, помочь, поддержать, а может быть, и предотвратить (49,0 и 50,0% соответственно). Также можно отметить, что суицид – единственный вид отклонения от нормы, по отношению к которому среди молодежи нет равнодушных, даже если это происходит в обществе и не касается ближнего мира человека.

Среди респондентов СамГТУ невелика доля тех, кто оценивает свою семью как неблагополучную, негармоничную – 8,0%, но и в

гармоничных семьях проживает не более трети опрошенных – 28,0%. Таким образом, у большинства молодых людей семейная среда конфликтна и мало располагает к обсуждению проблем, выходящих за рамки бытового уровня. Спецификой социализации молодежи является то, что она включает одновременно завершение первичного и начало вторичного её этапов. Именно в ходе первичной социализации, главным институтом которой является семья: человек усваивает и учится подчиняться социальным нормам. Иными словами, индивид в процессе первичной социализации не может сам конструировать социальную реальность, а принимает ее в интерпретации родителей, причем принимает некритично, считая единственно возможной.

Для анализа взаимосвязи эмоционального отношения к суициду и типа семейных отношений в качестве зоны проявления были выбраны формальные и неформальные группы. Полученные данные свидетельствуют о наличии связи между этими признаками (см. табл. 5, 6).

Таб. 5. Взаимосвязь отношения к проявлению девиантного поведения в формальных группах и типа семьи респондента (Relationship between attitudes towards the manifestation of deviant behavior in formal groups and the type of respondent's family)

Уровень гармоничности отношений в семье	Какие чувства Вы испытываете к человеку, имеющему намерение или совершившему самоубийство среди коллег по учебе или труду?					Итого по строке
	Активное осуждение	Молчаливое осуждение	Равнодушные	Сочувствие	Желание оказать помощь	
Высокий	20,0	30,0	-	39,0	11,0	100,0
Средний	24,0	27,0	-	32,0	17,0	100,0
Низкий	13,0	30,0	-	28,0	29,0	100,0
В целом по выборке	19,0	29,0	-	33,0	19,0	100,0

Таб. 6. Взаимосвязь отношения к проявлению девиантного поведения в дружеских группах и типа семьи респондента (The relationship between attitudes towards the manifestation

of deviant behavior in friendly groups and the type of respondent's family)

Уровень гармоничности отношений в семье	Какие чувства Вы испытываете к человеку, имеющему намерение или совершившему самоубийство среди ваших друзей?					Итого по строке
	Активное осуждение	Молчаливое осуждение	Равнодушные	Сочувствие	Желание оказать помощь	
Высокий	36,0	12,0	-	5,0	47,0	100,0
Средний	38,0	10,0	-	2,0	50,0	100,0
Низкий	22,0	20,0	-	8,0	50,0	100,0
В целом по выборке	32,0	14,0	-	5,0	49,0	100,0

Однако связь эта противоречива и неоднозначна. Реакции на случаи суицида в формальных группах демонстрируют явную линейную зависимость от психологического климата в семье – чем слабее семейные связи, тем острее реакция на «случившееся где-то». Однако приближение такого явления, как суицид, к ближнему миру респондентов нивелирует все отличия, и молодые люди готовы прийти на помощь вне зависимости от того, какие отношения сложились в семье.

Разные виды отклонений от нормы вызывают разную реакцию на них, свидетельствующую о степени приемлемости такого вида поведения для решения личностных проблем человека. Наименее толерантны молодые люди к таким отклонениям, проявляющимся в обществе, как наркомания и алкоголизм.

Психологическая дистанция девиаций играет существенную роль при их оценке. По мере психологического приближения осуждение по отношению ко всем видам девиаций уменьшается, причем в интимной зоне (семья) осуждение становится почти полностью активным. По мере приближения к личному миру респондентов не происходит значительного уменьшения осуждения девиантов, но зато постепенно исчезают промежуточные, «неопределенные» позиции, и нарастает желание активных действий, реальной помощи.

Результаты исследования. Динамика изменения отношения к суициду подтверждает идею о зависимости восприятия и оценки этого явления от сферы его проявления. Уровень толерантности повышается по мере его приближения от больших социальных групп к малым, от формальных к неформальным. Практически каждый третий студент вуза имеет в своем круге

общения лицо, совершившее суицидальную попытку, что указывает на высокую распространенность этого явления в данной возрастной группе.

Выводы. Суицид, по отношению к которому нет равнодушных, среди всего многообразия девиаций занимает особое место, даже если он имеет место в мире и не касается ближнего мира человека. Это единственное отклонение от нормы, осуждение которого ни в ближнем, ни в дальнем жизненных мирах индивида не превышает сочувствия и желания помочь. Анализ взаимосвязи эмоционального отношения к суициду и типа семейных отношений свидетельствует о наличии связи между этими признаками. При отсутствии гармоничных отношений в семье, дефиците взаимопонимания молодые люди демонстрируют более эмоциональное отношение к проблеме суицида, они менее категоричны и больше ориентированы на оказание реальной помощи. Вместе с тем не следует забывать, что в данном контексте речь идет не только о преемственности ценностей от старшего поколения, но и об изменении ценностных ориентаций в обществе под влиянием такого глобализирующего фактора, как открытость информационного пространства. Таким образом, полученные данные позволяют утверждать, что социальные трансформации и разрыв социальных связей, семейные отношения, а также социализация оказывают решающую роль в формировании отношения индивида к суицидальному поведению.

Однако при наличии значительного количества работ, посвященных суициду, именно этот аспект остается малоизученным, хотя и является неоспоримо важным для выработки методов воздействия на социальное поведение, социальной профилактики суицидов.

1. В России выросло число детских суицидов и их попыток [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rbc.ru/society/07/07/2022/62c594289a7947eece23ead6> (дата обращения: 01.06.2022).
2. В России выросло число детских суицидов [Электронный ресурс]. – URL: <https://news.ru/society/v-rossii-vyroslo-chislo-detskih-suicidov/> (дата обращения: 01.06.2022).
3. В России выросло число попыток суицида среди подростков [Электронный ресурс]. – URL: <https://karelinform.ru/article/general/15-07-2022/v-rossii-vyroslo-chislo-popytok-suitsida-sredi-podrostkov> (дата обращения: 01.06.2022).
4. Гридина, В. В. Отношение студенческой молодежи к распространению суицидального контента в социальных сетях // Социология. – 2018. – №3. – С. 148-154.
5. Дюркгейм, Э. Самоубийство: Социологический этюд / Пер. с фр. с сокр. Под ред. В.А. Базарова. – М.: Мысль, 1994. – 399 с.
6. Епанчинцева, Г. А., Козловская, Т. Н., Марченко, Т. В. Ретроспектива социально-психологической природы суицидального поведения // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 6. – С. 854.
7. Зотов, П. Б., Зырянов, А. В., Зотова, О. П., Севастьянов, А. А., Грачёв, С. И., Родяшин, Е. В. Образ суицидента в представлении студентов медицинского и технического ВУЗов // Суицидология. – 2017. – №1 (26). – С. 77-83.
8. Иванова, А.Е., Сабгайда, Т.П., Семенова, В.Г., Запороженченко, В.Г., Землянова, Е.В., Никитина, С.Ю. Факторы искажения структуры причин смерти трудоспособного населения России // Социальные аспекты здоровья населения. – 2013. – №4 (32). [Электронный ресурс]. – URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/491/30/lang.ru/> (дата обращения: 01.08.2022).
9. Красненкова, И. П. Философский анализ суицида [Электронный ресурс]. – URL: http://svitk.ru/004_book_book/15b/3350_krasnenkova-filosofskiy_analiz_suicida.php (дата обращения: 01.08.2022).
10. Любов, Е. Б. СМИ и подражательное суицидальное поведение. Часть I. // Суицидология. – 2012. – №3. – С. 20-28.
11. Любов, Е.Б., Зотов, П.Б. Диагностика суицидального поведения и оценка степени суицидального риска. Сообщение II // Суицидология. – 2018. – № 2 (31). – С.16-30.
12. Любов, Е. Б., Палаева, Р. И. «Молодые» суициды и интернет: хороший, плохой, злой // Суицидология. – 2018. – №9 (2). – С. 72-81.
13. Россия вымирает: власти назвали неожиданную причину демографического кризиса // Московский комсомолец №27836 от 17 ноября 2018. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mk.ru/economics/2018/11/16/rossiya-vymiraet-vlasti-nazvali-neozhidannuyu-prichinu-demograficheskogo-krizisa.html> (дата обращения: 01.06.2022).
14. Самоубийства в России: 15 фактов // Демографический еженедельник. – № 783. – 784. 24 сентября - 7 октября 2018. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2018/0783/suicide.php> (дата обращения: 01.06.2022).
15. Сорокин, П. А. Самоубийство как общественное явление // СОЦИС. – 2003. – № 2. – С. 104-115.
16. Старшенбаум, Г. В. Аддиктология: психология и психотерапия зависимостей – М.: Когито, 2005. – 288 с.
17. Ушакова, Е. С. Суицидальные риски // СОЦИС. – 2008. – № 2. – С. 106-110.
18. Шереги, Ф. Социология девиации: прикладные исследования. – М.: Центр социального прогнозирования, 2004. – 344 с.
19. Шнейдер, Л. Б. Девиантное поведение детей и подростков. – М.: Академический Проект; Трикста, 2005. – 336 с.
20. Шнейдмен, Э. Душа самоубийцы. – М.: Смысл, 2001. – 144 с.
21. Bussu, A., 1. Bussu, D., Claudio & Sterzi, V. "Social conformity and suicide" // Journal of Behavioral and Experimental Economics (formerly The Journal of Socio-Economics), Elsevier. – 2013. – Vol. 42(C). – P. 67-78.
22. De Leo, D., & Krysinska, K. Suicide and Self-Directed Violence. In K. H. and S. Quah (Ed.), International Encyclopedia of Public Health (1st ed., Vol. 6, pp. 267–275. San Diego, United States of America: Elsevier Inc.
23. Gulbas, L. E., Zayas, L. H. Examining the interplay among family, culture, and latina teen suicidal behavior // Qualitative health research. – 2014. – 25(5). – P. 689-99.
24. Liu, X., Huang, Y., Liu, Y. Prevalence, distribution, and associated factors of suicide attempts in young adolescents: School-based data from 40 low-income and middle-income countries. PLoS. – 2018. – ONE 13(12): e0207823.

FEATURES OF THE ATTITUDE OF YOUTH STUDENTS TO SUICIDE AS A KIND OF DEVIANT BEHAVIOR

© 2022 V.V. Gridina

*Vera V. Gridina, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of «Philosophy and social Sciences and Humanities»*

E-mail: samavera@mail.ru
Samara State Technical University
Samara, Russia

Subject of the article: analysis of the peculiarities of the attitude of students to suicide as a type of deviant behavior. Object of the article: student youth of the Samara State Technical University. Purpose of the work: to study the peculiarities of the attitude of Russian students to suicide as a type of deviant behavior. Methodology of work: non-formalized analysis of documents, statistical analysis, sociological survey using a combined two-stage sample. The results of the work indicate that the dependence of the perception and evaluation of this phenomenon on the scope of its manifestation. Different types of deviations from the norm cause different reactions to them, indicating the degree of acceptability of this type of behavior for solving a person's personal problems. Young people are the least tolerant of such social deviations as drug addiction and alcoholism. The level of tolerance rises as it approaches from large to small social groups, from formal to informal. In the absence of harmonious relationships in the family, young people demonstrate a more emotional attitude towards the problem of suicide and are more focused on helping, which is partly due to changes in value orientations in society and the openness of the information space. Conclusion: the data obtained suggest that socialization plays a decisive role in the mechanism of formation of a tolerant attitude towards deviant behavior in general and suicidal behavior in particular.

Keywords: deviant behavior, suicide, student youth, tolerance, family, socialization, social relations

DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-86-10-18

1. V Rossii vyroslo chislo detskih suicidov i ih popytok (In Russia, the number of child suicides and their attempts has increased) [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://www.rbc.ru/society/07/07/2022/62c594289a7947eece23ead6> (data obrashcheniya: 01.08.2022).
2. V Rossii vyroslo chislo detskih suicidov (The number of child suicides has increased in Russia) [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://news.ru/society/v-rossii-vyroslo-chislo-detskih-suicidov/> (data obrashcheniya: 01.08.2022).
3. V Rossii vyroslo chislo popytok suicida sredi podrostkov (The number of suicide attempts among teenagers has increased in Russia) [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://karelinform.ru/article/general/15-07-2022/v-rossii-vyroslo-chislo-popytok-suicida-sredi-podrostkov> (data obrashcheniya: 01.08.2022).
4. Gridina, V. V. Otnoshenie studencheskoj molodezhi k rasprostraneniyu suicial'nogo kontenta v social'nyh setyah (The attitude of students to the dissemination of suicidal content in social networks) // Sociologiya. – 2018. – №3. – S. 148-154.
5. Dyurkgejm, E. Samoubijstvo: Sociologicheskij etjud (Suicide: A Sociological Study) / Per. s fr. s sokr. Pod red. V. A. Bazarova. – M.: Mysl', 1994. – 399 s.
6. Epanchineva, G. A., Kozlovskaya, T. N., Marchenko, T. V. Retrospektiva social'no-psihologicheskoy prirody suicidal'nogo povedeniya (Retrospective of the socio-psychological nature of suicidal behavior) // Sovremennye problem nauki i obrazovaniya. – 2013. – № 6. – S.854.
7. Zotov, P. B., Zyryanov, A. V., Zotova, O. P., Sevast'yanov, A. A., Grachyov, S. I., Rodyashin, E. V. Obraz suicidenta v predstavlenii studentov medicinskogo i tekhnicheskogo VUZov (The image of a suicide in the view of students of medical and technical universities) // Suicidologiya. – 2017. – №1 (26). – S.77-83.
8. Ivanova, A. E., Sabgajda, T. P., Semenova, V. G., Zaporozhchenko, V. G., Zemlyanova, E. V., Nikitina, S.Y. Faktory iskazheniya struktury prichin smerti trudosposobnogo naseleniya Rossii (Factors of distortion of the structure of causes of death of the able-bodied population of Russia) // Social'nye aspekty zdorov'ya naseleniya. – 2013. – №4 (32). [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/491/30/lang.ru/> (data obrashcheniya: 01.08.2022).
9. Krasnenkova, I. P. Filosofskij analiz suicida (Philosophical analysis of suicide) [Elektronnyj resurs]. – URL: http://svitk.ru/004_book_book/15b/3350_krasnenkova-filosofskiy_analiz_suicida.php (data obrashcheniya: 01.08.2022).
10. Lyubov, E. B. SMI i podrazhatel'noe suicidal'noe povedenie (Media and mimetic suicidal behavior). CHast' I. // Suicidologiya. – 2012. – №3. – S. 20-28.
11. Lyubov, E. B., Zotov, P. B. Diagnostika suicidal'nogo povedeniya i ocenka stepeni suicidal'nogo riska (Diagnosis of suicidal behavior and assessment of the degree of suicidal risk). Soobshchenie II // Suicidologiya. – 2018. – № 2 (31). – S. 16-30.
12. Lyubov, E. B., Palaeva, R. I. «Molodye» suicidy internet: horoshij, plohoj, zloj ("Young" suicides and the Internet: good, bad, evil) // Suicidologiya. – 2018. – №9 (2). – S. 72-81.
13. Rossiya vymiraet: vlasti nazvali neozhidannuyu prichinu demograficheskogo krizisa (Russia is dying out: the authorities called the unexpected cause of the demographic crisis) // Moskovskij komsomolec №27836 ot 17 noyabrya 2018.
14. Samoubijstva v Rossii: 15 faktov (Suicide in Russia: 15 Facts) // Demograficheskij ezhenedel'nik Demoskop weekly. № 783 – 784. 24 sentyabrya – 7 oktyabrya 2018. [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2018/0783/suicide.php> (data obrashcheniya: 01.06.2022).

15. Sorokin, P. A. Samoubijstvo kak obshchestvennoe yavlenie (Suicide as a social phenomenon) // SOCIS. – 2003. – № 2. – S. 104-115.
16. Starshenbaum, G. V. Addiktologiya: psihologiyai psihoterapiya zavisimostej (Addictology: psychology and psychotherapy of addictions) – M.: Kogito, 2005. – 288 s.
17. Ushakova, E. S. Suicidal'nye riski (Suicidal risks) // SOCIS. – 2008. – № 2. – S. 106-110.
18. Sheregi, F. Sociologiya deviacii: prikladnye issledovaniya (Sociology of Deviation: Applied Research). – M.: Centr social'nogo prognozirovaniya, 2004. – 344 s.
19. Shnejder, L. B. Deviantnoe povedenie detej i podrostkov (Deviant behavior of children and adolescents). – M.: Akademicheskij Proekt; Triksa, 2005. – 336 s.
20. Shnejdmen, E. Dusha samoubijcy (Suicide Soul). – M.: Smysl, 2001. – 144 s.
21. Bussu, A., Bussu, D., Claudio & Sterzi, V. Social'nyj konformizm i samoubijstvo (Social conformity and suicide) // Zhurnal povedencheskoj eksperimental'noj ekonomiki, Elsevier. – 2013. – Chast'. 42(C). – S. 67-78.
22. De Leo, D., & Krynska, K. Samoubijstvo i nasilie nad soboj (Suicide and Self-Directed Violence) Mezhdunarodnaya enciklopediya obshchestvennogo zdravoohraneniya. Chast'. 6. – S. 267–275.
23. Gulbas, L. E., Zayas, L. H. Izuchenie vzaimodejstviya mezhdu sem'ej, kul'turoj i suicidal'nym povedeniem latinoamerikanskikh podrostkov (Examining the interplay among family, culture, and latina teen suicidal behavior) // Kachestvennye issledovaniya zdorov'ya. – 2014. – 25(5). – S. 689-99.
24. Liu, X., Huang, Y., Liu, Y. Rasprostranennost', i svyazannye s nimi factory suicidal'nyh popytok sredi podrostkov: shkol'nye dannye iz 40 stran s nizkim i srednim urovnem dohoda (Prevalence, distribution, and associated factors of suicide attempts in young adolescents: School-based data from 40 low-income and middle-income countries). – PLoS. – 2018. – ONE 13(12): e0207823.

УДК 378:004.77 (Высшее образование. Университеты. Академическое обучение)

ЭФФЕКТИВНОСТЬ СМЕШАННОГО ОБУЧЕНИЯ ПРИ ПОДГОТОВКЕ БУДУЩИХ ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

© 2022 В.В. Гридина, Е.Н. Чеканушкина

*Гридина Вера Валерьевна, кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры «Философия и социально-гуманитарные науки»*

E-mail: samavera@mail.ru

*Чеканушкина Елена Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры «Педагогика, межкультурная коммуникация и русский как иностранный»*

E-mail: elenacheka@mail.ru

Самарский государственный технический университет
Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 25.08.2022

Возникшие экстремальные условия в период самоизоляции привели к появлению ряда проблем адаптации к дистанционному формату обучения. Важным в экстремальных условиях, со стороны преподавательского состава, является способность и готовность к конструктивному проектированию образовательного процесса будущих специалистов и выработке стратегии возможных изменений. Предмет статьи: формирование паттернов поведения обучающихся в условиях пандемии. Объект статьи: система смешанного обучения при подготовке будущих технических специалистов в условиях пандемии. Цель работы: выявление положительных и отрицательных сторон дистанционного, очного и смешанного обучения, а также возможности их сочетания в учебном процессе для повышения эффективности обучения. Методология работы: при выполнении исследования использовались такие эмпирические методы, как социологический опрос и метод статистической обработки данных. Результаты работы свидетельствуют о том, что в период пандемии обучающиеся научились приобретать новые способы реагирования на вызов смены форм обучения, взаимодействия с окружающим миром, что способствовало формированию новых паттернов в предлагаемых условиях. Областью применения результатов является практическая педагогическая деятельность в условиях пандемии. Вывод: оценка предпочтений студентами той или иной формы обучения свидетельствует, что будущее за смешанным обучением, включающим в себя как дистанционные, так и аудиторные формы занятий.

Ключевые слова: образование, дистанционное обучение, неопределённость, смешанное обучение

DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-86-19-24

Введение. Пандемия, вызванная коронавирусной инфекцией, внесла серьезные изменения в жизнь всего человечества. Система высшего образования также вынуждена была перестроить учебный процесс в дистанционный формат. Учёные отмечают, что «и студенты, и преподаватели были вынуждены быстро приспособиваться к новым условиям и прилагать усилия для обеспечения эффективности образовательного процесса, реализуемого в необычных условиях» [4]. Важным в экстремальных условиях, со стороны преподавательского состава, является способность и готовность к конструктивному проектированию образовательного процесса будущих специалистов и выработке стратегии возможных изменений. Целью исследования является выявление положительных и отрицательных сторон дистанционного, очного

и смешанного обучения, а также возможности их сочетания в учебном процессе для повышения эффективности обучения.

История вопроса. В научной литературе в последние годы много внимания уделяется вопросам дистанционного обучения. Возникшие экстремальные условия в период самоизоляции привели к появлению ряда проблем в период адаптации к дистанционному формату обучения. Появились исследования учёных, которые были посвящены выявлению готовности преподавателей вузов, работающих на разных направлениях подготовки к дистанционной работе в период пандемии [6], преимуществам и рискам реализации онлайн-обучения, оценке адаптации обучающихся к новым образовательным практикам [10], рассмотрению возможностей использования различного ин-

струментария для качественного удаленного обучения студентов различных специальностей [9]; анализу психологических и педагогических факторов, влияющих на личностные характеристики студентов [7]; осмыслению опыта использования оптимальных моделей образовательных дистанционных технологий, прогнозированию траекторий развития организации учебного процесса, а также её адаптации в ситуациях неопределённости [14; 11]. Дистанционное обучение предполагает «использование компьютерных и телекоммуникационных технологий, обеспечивающих интерактивное взаимодействие преподавателей и студентов на разных этапах обучения с материалами информационной сети» [2], а также учитывает практику электронного обучения [12; 13]. Пандемия способствовала всеобщему переходу на удалённые способы работы: преподаватели были вынуждены искать способы передачи знаний на расстоянии, продумывать и осуществлять новые образовательные подходы, разрабатывать новые педагогические технологии.

Методы исследования. При выполнении исследования были использованы такие эмпирические методы, как социологический опрос и метод статистической обработки данных. Была разработана авторская анкета, направленная на выявление отношения студентов к внедрению дистанционного обучения в университете, его достоинств и недостатков, а также возобновлению смешанного формата занятий. Опросник был составлен и размещен в приложении Google Форма. Выборка составила 4000 респондентов. В опросе участвовали студенты технических направлений подготовки I-IV курсов восьми факультетов ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет» (СамГТУ).

Материалы исследования. Большинство участников опроса отметили, что после возвращения к очным занятиям они испытывали определенные трудности (70% соответственно). Лишь около трети отметили, что им было совсем несложно вернуться к аудиторным занятиям. Данные сложности респонденты связывают с рядом причин: произошло отвыкание от очного формата занятий, приходилось заново адаптироваться и иначе планировать свой рабочий день (72,4%), сбился ритм «учебного труда» и

«отдыха» (55,1%), ощущалось снижение работоспособности (36,2%), чувствовалось, что за время карантина произошло «эмоциональное выгорание» преподавателей (16,3%). Половина опрошенных отметила, что после возвращения в очный формат обучения у них сохранились дистанционные занятия с преподавателями старше 65 лет. 43% студентов отметили, что после возвращения к очным занятиям учебная нагрузка на студентов увеличилась. Более 40% студентов указали, что преподаватели с возвращением в очный формат обучения стали задавать больше заданий, при этом сохранилась необходимость выполнения заданий в Личном кабинете, что значительно повысило их учебную нагрузку.

Отдельный блок вопросов анкеты был посвящен достоинствам и недостаткам очного, дистанционного и смешанного обучения, а также предпочтениям студентов к обучению в каждом из указанных форматов обучения.

Как показали результаты исследования, наиболее удобной и эффективной формой занятий студентам представляется смешанное обучение (63,8%). В настоящее время существуют различные подходы к определению данной формы обучения. Понятие «смешанное» предполагает сочетание различных элементов обучения. Под смешанным обучением понимается учебный процесс, совмещающий в себе элементы очного и дистанционного обучения. Этой же точки зрения придерживаются многие отечественные авторы [1; 5].

Предпочтения только очному обучению высказали 24,5% студентов, а дистанционную форму обучения поддержали лишь 10,7%. При этом более предпочтителен для студентов такой вариант смешанного обучения, когда лекции проводятся дистанционно, а практики и лабораторные занятия очно. Об этом студенты неоднократно писали и в открытых вопросах. Удобнее всего воспринимать учебный материал студентам именно в аудитории (43,4%). Таким образом, большинство студентов после возвращения к аудиторным занятиям высказывает свои предпочтения смешанному или очному обучению.

Рассмотрим, какие достоинства и недостатки выделяют студенты в каждой из форм обучения.

Ответы респондентов о преимуществах очного обучения были нами распределены по сте-

пени убывания. Студенты могли выбирать несколько вариантов ответов. Очное обучение привлекательно для студентов тем, что оно:

- 1) предоставляет возможность личного общения с одногруппниками и преподавателями – 66,8%
- 2) позволяет получать консультации преподавателей – 65,3%
- 3) формирует более качественную базу знаний – 44,4%
- 4) дает возможность закреплять получаемые знания на групповых практических занятиях и получать необходимые практические навыки – 44%
- 5) позволяет лучше усвоить учебный материал – 43,4%
- 6) дает возможность получения помощи в учебе от других студентов – 39%
- 7) дисциплинирует студентов – 30%
- 8) предоставляет возможность находиться в стенах вуза – 25,5%.

Лишь для 17% студентов аудиторные занятия не имеют большого значения.

Обращает на себя внимание то, что наибольший процент респондентов выбрал вариант ответа, касающийся возможности личного общения с преподавателями и другими студентами. Уточняющий вопрос о степени значимости личной консультации с преподавателями также показал, что для более чем трети студентов этот показатель крайне важен.

К наиболее важным преимуществам дистанционного обучения респонденты отнесли:

- 1) возможность планировать свое время – 75,5%
- 2) экономия времени и денежных средств на транспортные передвижения – 74%
- 3) возможность совмещать работу с учебой – 66,3%
- 4) возможность получать знания в комфортной обстановке – 57,7%
- 5) равные возможности получения образования независимо от места проживания, состояния здоровья – 53,1%
- 6) повышение навыков самостоятельной работы – 50%

В качестве недостатков обучающиеся отметили, что ...:

- 1) существует целый ряд практических навыков, которые можно получить только при выполнении реальных работ – 58%

- 2) при удаленном обучении вся ответственность за усвоение информации лежит на обучающемся, что требует от него сильной мотивации и самодисциплины – 48%
- 3) не хватает очного общения с сокурсниками и преподавателями – 45%
- 4) происходит информационная перегруженность студентов – 39%
- 5) сильно сокращается и ужимается материал (урезанный формат обучения) – 32%
- 6) отсутствует контроль за обучающимися – 28%

Снова можно наблюдать у студентов потребность в личном общении и приобретение практических навыков, которые возможно получить лишь при очном обучении.

Насколько студенты СамГТУ видят в недалеком будущем необходимость полной замены очного обучения на дистанционное? Ответ на данный вопрос показал, что будущее образования только в дистанционном обучении видят лишь 10% респондентов. Большая часть обучающихся (42%) считает, что дистанционные технологии будут активно использоваться в обучении, но не станут основными; уверены в том, что обучение будет скорее смешанным – 33,7%, сторонники тезиса, что «будущее – за личным общением преподавателя и студента» – 13%.

Респондентам также было предложено выразить свое согласие/несогласие с достоинствами и недостатками смешанного обучения (дистанционное/очное). Среди наиболее интересных ответов о данной форме обучения можно выделить следующие:

- снижает затраты на поездки в вуз – 86%;
- предоставляет возможность часть заданий выполнять в удобное время – 82%;
- минимизирует взаимодействие с большим количеством людей – 79,5%.

Респондентам был предложен открытый вопрос об отношении к смешанному обучению. Основными достоинствами были названы: свободное время, сокращение затрат на проезд, возможность для иногородних чаще бывать дома, чувствовать себя увереннее в ответах, обработать полученную информацию в удобное время и в нужном объеме, лекционный материал дистанционно усваивается лучше, не нужно тратить много времени на поездку в транспорте.

Среди недостатков студенты назвали: недостаточное количество учебной информации по предметам, перерыв между дистанционной и очной парой, за который они не успевают вовремя доехать в вуз, большая требовательность преподавателей, высокая зависимость от техники, плохое усвоение материала, неудобное выполнение заданий и лишние отчёты в ЛК.

Как и в предыдущем исследовании, студенты много замечаний высказали по нестабильной работе сайта университета и ЛК, несвоевременной загрузке заданий в ЛК и отсутствию обратной связи с преподавателями при их выполнении, а также просьбы не ставить в один день дистанционные и очные занятия, выставлять более длительные сроки выполнения заданий в ЛК.

Результаты исследования. Из результатов исследования следует, что обучающиеся вырабатывали новые способы реагирования на вызов смены форм обучения, взаимодействие с окружающим миром, шаблон поведенческих реакций, последовательность учебных действий, что способствует формированию паттернов в предлагаемых условиях [7].

Выводы. Рассмотренная система обучения основана на адаптации имеющихся образовательных подходов и методов к новым условиям. Считаем, что будущее за смешанным обучением, включающим в себя как дистанционные, так и аудиторные формы занятий. Преподавателям заранее необходимо продумать и подготовить паттерны (схемы, шаблоны и т.п.), наиболее приемлемых вариантов учебных модулей, как аудиторного, так и дистанционного характера.

1. Глотова, А. В. Смешанное обучение как оптимальная форма современного высшего образования // Гуманитарно—педагогическое образование. – 2019. – № 2. – С. 85.
2. Глузман, А. В., Горбунова, Н. В. Дистанционное образование: реалии и перспективы // Гуманитарные науки. – 2020. – № 2. – С. 51–57.
3. Гридина, В. В., Чеканушкина, Е. Н. Выявление и анализ отношения студентов технического университета к дистанционному обучению // Известия Самарского научного центра РАН. – Социальные, гуманитарные и биологические науки. – 2020. – №75. – С. 21–27.
4. Ларионова, В. А., Семенова, Т. В., Шмелева, Е. Д., Дайнеко, Л. В., Юрасова, И. И. Вынужденный переход на дистанционное обучение: ожидания и опасения студентов // Университетское управление: практика и анализ. – 2020. – №4. – С.22–29.
5. Нагаева, И. А. Смешанное обучение в современном образовательном процессе: необходимость и возможности// Отечественная и зарубежная педагогика. – 2016. – №6. – С.56–67.
6. Пучкова, Е. Б. Темнова, Л. В., Сорокоумова, Е. А., Чердымова, Е. И. Готовность преподавателей вузов к дистанционной работе в период пандемии COVID—19 // Перспективы науки и образования. 2020. – №6. – С. 89–102.
7. Рябинова, Е. Н. Чеканушкина, Е. Н., Пирова, Д. Ф. Применение математического моделирования при формировании социально—экологической компетентности будущих технических специалистов в области здоровьесбережения. – URL: http://bio-conferences.org/articles/bioconf/full_html/2020/10/bioconf_pes2020_00036/bioconf_pes2020_00036.html (дата обращения: 25.08.2022).
8. Рябова, Т. В. Исследование влияния дистанционного формата обучения на личностные характеристики студента//Казанский педагогический журнал. – 2020. – №5. – С. 196–201.
9. Сорокина, Л. Н. Дистанционное обучение: настоящее и будущее //Столыпинский вестник. – 2020. – №2. – С.412–420.
10. Фролова, Е. В., Рогач, О. В., Рябова, Т. М. Преимущества и риски перехода на дистанционное обучение в условиях пандемии // Перспективы науки и образования. – 2020. – №6 (48). – С. 78–88.
11. Хлебникова, Н. А., Оконникова, Т. И., Баталова, Л. В. Анализ и оценка педагогическим сообществом вузов опыта дистанционного обучения в условиях пандемии // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». – 2021. – №1. – С. 83–93.
12. Dwidienawati, D. Revisit the implementation of E—Learning: Lesson Learned from COVID—19 pandemic // Revista virtual universidadcatolica del norte. – 2021. – №64. – P. 1–4.
13. Mahmoud, E. A. The effect of e—Learning practices during the Covid—19 pandemic on enhancing self—regulated learning skills as perceived by university students // Amazonia investiga. – 2021. – №10. – P. 129–135.
14. Rueda, RAS, Martinez, R. C, Ortega, JR, Madrigal, AMG Educators' opinion about technology and web platforms during the Covid—19 pandemic // Revista gestion de las personas y tecnologia. – 2021. – №14. – P. 21–37.

THE EFFICIENCY OF BLENDED LEARNING IN TRAINING FUTURE TECHNICAL SPECIALISTS IN PANDEMIC CONDITIONS

© 2022 V.V. Gridina, E.N. Chekanushkina

*Vera V. Gridina, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of «Philosophy and social Sciences and Humanities»*

E-mail: samavera@mail.ru

*Elena N. Chekanushkina, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of «Pedagogy, Intercultural Communication and Russian as a Foreign Language»*

E-mail: elenacheka@mail.ru

Samara State Technical University
Samara, Russia

The extreme conditions that arose during the period of self-isolation led to a number of problems during the period of adaptation to the distance learning format. Important, on the part of the teaching staff in extreme conditions, is the ability and willingness to constructively design the educational process of future specialists and develop a strategy for possible changes. Subject of the article: the formation of patterns of behavior of students in a pandemic. Object of the article: a system of blended learning in the preparation of future technical specialists in a pandemic. The purpose of the work: to identify the positive and negative aspects of distance, full-time and blended learning, as well as the possibility of combining them in the educational process to improve the effectiveness of learning. Methodology of work: in the course of the study, such empirical methods as a sociological survey and the method of statistical data processing were used. The results of the work indicate that during the pandemic, students learned to acquire new ways of responding to the challenge of changing forms of education, interaction with the outside world, which contributed to the formation of new patterns in the proposed conditions. The scope of the results is practical pedagogical activity in a pandemic. Conclusion: an assessment of students' preferences for choosing one or another form of education indicates that the future belongs to blended learning, which includes both distance learning and classroom forms.

Keywords: education, distance learning, uncertainty, blended learning

DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-86-19-24

1. Glotova, A. V. Smeshannoe obuchenie kak optimal'naya forma sovremennogo vysshego obrazovaniya (Blended learning as an optimal form of modern higher education) // Gumanitarno—pedagogicheskoe obrazovanie. – 2019. – № 2. – S. 85.
2. Gluzman, A. V., Gorbunova, N. V. Distancionnoe obrazovanie: realii i perspektivy (Distance education: realities and prospects) // Gumanitarnye nauki. – 2020. – № 2. – S. 51–57.
3. Gridina, V. V., Chekanushkina, E. N. Vyyavlenie i analiz otnosheniya studentov tekhnicheskogo universiteta k distancionnomu obucheniyu (Identification and analysis of the attitude of students of a technical university to distance learning) // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN. – Social'nye, humanitarnye i biologicheskie nauki. – 2020. – № 75. – S. 21–27.
4. Larionova, V. A., Semenova, T. V., Shmeleva, E. D., Dajneko, L. V., Yurasova, I. I. Vynuzhennyj perekhod na distancionnoe obuchenie: ozhidaniya i opaseniya studentov (Forced Transition to Distance Learning: Students' Expectations and Fears) // Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz. – 2020. – № 4. – S. 22–29.
5. Nagaeva, I. A. Smeshannoe obuchenie v sovremennom obrazovatel'nom processe: neobhodimost' i vozmozhnosti (Blended Learning in the Modern Educational Process: Necessity and Opportunities) // Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika. – 2016. – № 6. – S. 56–67.
6. Puchkova, E. B., Temnova, L. V., Sorokoumova, E. A., Cherdymova, E. I. Gotovnost' prepodavatelej vuzov k distancionnoj rabote v period pandemii COVID–19 (Readiness of university teachers for remote work during the COVID-19 pandemic) // Perspektivy nauki i obrazovaniya. 2020. – № 6. – S. 89–102.
7. Ryabinova, E. N., Chekanushkina, E. N., Pirova, D. F. Primenenie matematicheskogo modelirovaniya pri formirovanii social'no—ekologicheskoy kompetentnosti budushchih tekhnicheskikh specialistov v oblasti zdorov'esberezheniya (Application of mathematical modeling in the formation of social and environmental competence of future technical specialists in the field of health protection). – URL: http://bioconferences.org/articles/bioconf/full_html/2020/10/bioconf_pes2020_00036/bioconf_pes2020_00036.html (data obrashcheniya: 25.08.2022).
8. Ryabova, T. V. Issledovanie vliyaniya distancionnogo formata obucheniya na osobennosti harakteristiki studenta (Study of the influence of distance learning format on student's personal characteristics) // Kazanskij pedagogicheskiy zhurnal. – 2020. № 5. – S. 196–201.

9. Sorokina, L. N. Distantcionnoye obucheniye: nastoyashcheye i budushcheye (Distance learning: present and future) // Stolypinskiy vestnik. – 2020. – №2. – С.412–420.
10. Frolova, Ye. V., Rogach, O. V., Ryabova, T. M. Preimushchestva i riski perekhoda na distantcionnoye obucheniye v usloviyakh pandemii (Benefits and risks of transition to distance learning in a pandemic) // Perspektivy nauki i obrazovaniya. – 2020. – №6 (48). – С. 78–88.
11. Khlebnikova, N. A., Okonnikova, T. I., Batalova, L. V. Analiz i otsenka pedagogicheskimi soobshchestvom vuzov opyta distantcionnogo obucheniya v usloviyakh pandemii (Analysis and assessment by the pedagogical community of universities of the experience of distance learning in a pandemic) // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika» – 2021. – №1. – С. 83–93.
12. Dwidienawati, D. Vnedreniye elektronnoy obucheniya: uroki, izvlechenyye iz pandemii COVID-19 (Revisit the implementation of E-Learning: Lesson Learned from COVID-19 pandemic) // Virtual'nyy zhurnal Severo-katolicheskogo universiteta. – 2021. – №64. – P. 1–4.
13. Mahmoud, E. A. Vliyaniye praktiki elektronnoy obucheniya vo vremya pandemii Covid-19 na uluchsheniye samoreguliruyemykh navykov obucheniya v vospriyatii studentov universitetov (The effect of e-Learning practices during the Covid-19 pandemic on enhancing self-regulated learning skills as perceived by university students) // Issledovaniya Amazonii. – 2021. – №10. – P. 129–135.
14. Rueda, RAS, Martinez, R. C, Ortega, JR, Madrigal, AMG. Mneniye pedagogov o tekhnologiyakh i veb-platformakh vo vremya pandemii Covid-19 (Educators' opinion about technology and web platforms during the Covid-19 pandemic) // Zhurnal upravleniya lyud'mi i tekhnologiyami – 2021. – №14. – P. 21–37.

УДК 37.016:811.111 (Методика преподавания английского языка)

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КАЧЕСТВА ПЕРЕВОДА РОМАНА ФИЛИПА К. ДИКА “DO ANDROIDS DREAM OF ELECTRIC SHEEP?”: ПЕРЕВОД БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ

© 2022 А.П. Журавлев

Журавлев Александр Павлович, старший преподаватель кафедры иностранных языков

E-mail: palych32@rambler.ru

Самарский государственный технический университет
Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 09.08.2022

Данная статья посвящена оценке качества перевода известного литературного произведения американского писателя-фантаста Филипа К. Дика под названием “Do androids dream of electric sheep?”. Оригинальный текст романа сравнивается с переводом его на русский язык, выполненным в начале 90-х годов прошлого века (предположительно, группой переводчиков). В силу этих и некоторых других причин текст перевода имеет ряд характерных особенностей, причины появления которых представляют интерес с точки зрения науки о переводе. Оценка качества перевода осуществляется автором по нескольким аспектам, и настоящая статья фокусируется на одном из них, а именно на том, насколько адекватно переводчиком решена задача по передаче безэквивалентной лексики в тексте перевода. В статье автором даётся необходимое пояснение, что именно в данном исследовании понимается под безэквивалентной лексикой. Далее в работе анализируется перевод нескольких слов и словосочетаний такого рода на предмет оценки того, насколько адекватны предложенные переводчиком русскоязычные наименования, с точки зрения передачи заложенного автором смысла. Полученные в данном исследовании результаты могут быть использованы для составления характеристики качества проделанной переводчиком работы.

Ключевые слова: безэквивалентная лексика, контекст, эквивалент, качество перевода

DOI: 10.37313/2413-9645-2021-24-86-25-30

Введение. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что в настоящее время наблюдается тенденция к падению качества перевода. Причины следующие. Во-первых, это появление в свободном доступе программ для машинного перевода. Качество перевода, выдаваемого такими программами, является весьма низким (по крайней мере, при переводе с английского языка на русский и обратно). Во-вторых, доступность и простота в обращении позволяют использовать эти программы людям, не имеющим никакого отношения к переводу – ни в плане профильного образования, ни в плане понимания того, что собой представляет перевод и с какими целями он осуществляется. Наконец, в-третьих, в последнее десятилетие на фоне глобализации, расширения сферы цифровых услуг и роста потребности в переводе разного рода текстов резко упала планка требований, предъявляемых владельцами бюро переводов к качеству работы их сотрудников. Профессиональных переводчиков сравнительно мало (как и любых качественных специалистов), их услуги в этой связи стоят дорого, поэтому в

бюро переводов склонны нанимать неквалифицированных работников, делая ставку на машинный перевод. Иными словами, они берут количеством, а не качеством. В результате слияния этих факторов информационное пространство буквально переполнено крайне некачественными любительскими переводами, что крайне отрицательно влияет на престиж профессии переводчика. Это особенно ощутимо в переводе художественных произведений, поскольку там, помимо знания иностранного языка и методов перевода, требуется также отличное владение родным языком и хорошее знание его литературной нормы. В этой связи нам представляется необходимым обратить внимание работодателей на важную роль квалификации в сфере перевода, а также повысить мотивацию учащихся, осваивающих специальность переводчика, к самосовершенствованию и профессиональному росту.

Целью данного исследования является анализ качества передачи безэквивалентной лексики при переводе романа Филипа К. Дика “Do androids dream of electric sheep?”.

Задачи исследования:

1. дать пояснение, что именно в данном исследовании и контексте данного романа понимается под безэквивалентной лексикой;
2. сформировать выборку лексических единиц для дальнейшего анализа;
3. на основе сопоставительного исследования текстов оригинала и перевода романа проанализировать степень адекватности передачи переводчиком безэквивалентной лексики в плане соответствия результатов перевода замыслу автора произведения.

В данной работе предлагается сравнительная характеристика оригинала с переводом, выполненным без применения каких-либо современных технических средств – онлайн-словарей, переводческих форумов и пр., так привычных в работе современного переводчика. Автор исследования пытается показать, что качество перевода определяется в первую очередь квалификацией и добросовестностью переводчика, а не возможностью доступа к сети Интернет со всем имеющимся в ней ассортиментом средств помощи при переводе.

Практическая ценность данного исследования обусловлена тем, что полученные результаты и сделанные выводы могут представлять интерес как для профессиональных переводчиков, так и для тех, кто в настоящий момент осваивает эту специальность, дать наглядный пример того, как следует и как не следует переводить, а также послужить руководством к действию и стимулом к повышению своей квалификации.

Материалом исследования являются оригинальный роман Филипа К. Дика «Do androids dream of electric sheep?» [9] и перевод этого романа на русский язык под названием «Мечтают ли андроиды об электроовцах?», опубликованный в 1992 г. в сборнике произведений [5].

Метод исследования: сопоставительный анализ текстов.

Результаты исследования. Прежде всего мы считаем необходимым пояснить следующее: в намерения автора данной статьи никоим образом не входит *полный* анализ текста перевода романа Филипа Дика “Do androids dream of electric sheep?”. Полный разбор и анализ перевода данного произведения требуют большого количества труда и времени и никак не могут быть выполнены в формате научной статьи – здесь необходимо полноценное масштабное исследование. На то есть несколько причин.

Во-первых, сам роман – он является знаковым произведением Филипа Дика и несколько нетипичен для его творчества, выделяясь из прочих его романов общей идеей повествования, необычным сюжетом и тщательно прописанными персонажами.

Во-вторых, Ф. Дик как человек был довольно своеобразной личностью, что, конечно же, нашло непосредственное и яркое отражение в его творчестве. Роман “Do androids dream of electric sheep?” служит наглядным тому подтверждением. Многие идеи и образы, созданные писателем, необычны и непривычны (даже полвека спустя), и подчас приходится долго разбираться, о чём идёт речь в данном конкретном абзаце. А увлечение автора наркотиками иногда ещё больше осложняет работу переводчика в силу того, что у последнего, естественно, никак не может быть такого обширного опыта видений и переживаний весьма определённого рода.

Наконец, в-третьих: текст перевода содержит большое число добавлений. Вопрос об их обоснованности может послужить предметом отдельного исследования; в рамках данной статьи мы просто отметим, что такое обилие добавлений серьёзно затрудняет полный разбор и анализ перевода романа.

В рамках настоящего исследования мы сосредоточимся на анализе того, насколько адекватно переводчик справился с задачей по передаче безэквивалентной лексики.

История вопроса. Как известно, под безэквивалентной лексикой (БЭЛ) понимаются «лексические единицы (слова и устойчивые словосочетания) одного из языков, которые не имеют ни полных, ни частичных эквивалентов среди лексических единиц другого языка» [2, с. 94]. При этом необходимо отметить, что отсутствие эквивалента у той или иной лексической единицы вовсе не обозначает принципиальную невозможность её перевода: «...лексическую безэквивалентность следует считать относительной и понимать под ней лишь то, что в ПЯ отсутствует готовый эквивалент в виде лексической единицы (слова или устойчивого словосочетания)» [3, с. 270].

Передача такого рода лексики была и остаётся сложной задачей для переводчика, требующей от него как отличного знания иностранного языка и реалий, так и наличия развитого воображения, гибкости мышления, творческих способностей и хороших литературных навыков. Эта тема часто

поднимается в работах по переводу, например: «...перевод безэквивалентной лексики является сложной задачей, так как переводчику всегда приходится выбирать конкретную тактику – передать специфику ИЯ или искать наиболее подходящее соответствие в ПЯ, но потерять национальную или культурную окраску лексики исходного языка» [4, с. 292]. Автор продолжает, указывая на роль профессиональной подготовки и творческих способностей переводчика при передаче БЭЛ: «Однако не существует переводческой нормы, которая бы закрепляла данный выбор, поэтому он основывается только на степени профессионализма и индивидуальных предпочтениях переводчика» [4, с. 292].

Традиционно для передачи БЭЛ используются такие способы как транскрипция, транслитерация, калькирование, описательный перевод и т.д. [6, с. 166-172].

У каждого из них, естественно, есть свои достоинства и недостатки. Так, транскрипция и транслитерация являются самыми простыми приёмами; ими иногда чересчур увлекаются начинающие или не очень старательные переводчики, которые передают с их помощью не только имена собственные, но и вообще все слова, которые они не смогли перевести «с наскока». В этом отношении данные способы имеют ограниченную эффективность применения. В свою очередь, результат применения самого эффективного способа передачи БЭЛ – описательного перевода – зачастую является слишком громоздким; по этой причине такой перевод далеко не всегда может быть органично вписан в текст готового произведения, и его часто приходится оформлять в виде затекстового комментария. Т.о., можно сделать вывод о том, что каждый способ передачи БЭЛ должен применяться строго в своей области.

Некоторые авторы отмечают, что «преобладающими способами перевода являются транслитерация и калькирование» [7, с. 49].

Традиционно к БЭЛ принято относить имена собственные, реалии, лакуны и т.д. Однако в нашем случае имеет место несколько иная ситуация. Настало время пояснить, что именно мы будем считать безэквивалентной лексикой в контексте данного исследования.

Речь идёт об одной из наиболее характерных, на наш взгляд, составляющих авторского стиля Филипа Дика: будучи писателем-фантастом, он очень часто использовал в своих рассказах, пове-

стях и романах весьма своеобразные наименования. Необходимо уточнить, что мы говорим не о выдуманных словах – в рассматриваемом романе они, конечно, тоже представлены, но мы намеренно исключаем их из рассмотрения. Нас интересуют обычные, зафиксированные в словарях существительные и глаголы, которые автор использует в значении, далёком от общепринятого. При помощи этих слов Ф. Дик обозначает предметы, явления и действия, у которых нет аналогов (во всяком случае, полных) в нашей повседневной, «нефантастической» жизни, т.е. то, что Ю.Е. Тараканова назвала *квазиреалиями*, определив их как «слова (словосочетания), связанные с тематикой научно-фантастических произведений, с описанием теоретически возможных, но не осуществленных в настоящее время, решений научных или технических проблем, с описанием элементов окружающей среды вымышленного мира» [8, с. 295]. Квазиреалии являются вполне естественным атрибутом научно-фантастического произведения, поскольку они «придают авторскому миру элемент фантастичности и «экзотики» и в то же время делают его правдоподобным, позволяя читателю поверить в гипотетическую возможность его существования и полностью в него погрузиться» [1, с. 599]. Роль квазиреалий как одного из жанрообразующих элементов в научной фантастике позволяет сделать очень важный для нашего исследования вывод: «Именно поэтому адекватная передача реалий является одной из важнейших задач переводчика научно-фантастической литературы» [1, с. 599].

Перевод такого рода лексических единиц может вызвать серьёзные затруднения при переводе, и словарь – главный друг и помощник переводчика – мало что может здесь прояснить. Причина проста: несмотря на то, что в словаре вполне можно найти несколько вариантов перевода каждого из этих слов, выбор конкретного варианта определяется исключительно контекстом романа, и переводчику может потребоваться некоторое время, чтобы понять, о чем идёт речь, и подобрать максимально адекватное контексту соответствие (иногда просто придумав его, за неимением подходящего варианта из словаря).

Таким образом, эти наименования в определённой степени можно отнести к безэквивалентной лексике – не по значению (повторимся, его вполне можно найти в словаре), а по смыслу (т.е. что на самом деле хотел сказать автор). Прямого, «готового» русского аналога у этих слов в контек-

сте рассматриваемого романа нет. Следовательно, для их перевода необходимо привлекать весь арсенал соответствующих приёмов – транслитерацию, транскрипцию, калькирование, описательный перевод и т.д.

Профессионалы перевода согласятся: то, как переводчик справляется с задачей по передаче БЭЛ, является одним из важнейших показателей его профессиональной пригодности. И речь здесь идёт не только о специальных технических навыках переводчика; большое значение в этой профессии имеет ещё и творческий потенциал специалиста. Действительно, без этой творческой жилки, без склонности и способности передавать нечто необычное и нестандартное столь же необычным и нестандартным лучше не заниматься переводом художественных произведений, тем более фантастических. Ведь переводчик *порождает* текст на языке перевода, во многом сам является автором, и адекватное (а подчас и остроумное) решение переводческой задачи является синтезом его специальных умений и навыков с одной стороны и творческих способностей – с другой.

Обозначив таким образом направление нашего исследования, перейдём к рассмотрению конкретных примеров.

a regular

Переводчик романа перевёл это слово при помощи транслитерации – «регуляр». Решение с одной стороны спорное: транслитерация – это путь наименьшего сопротивления при передаче БЭЛ; получившееся в итоге слово ничего не говорит русскоязычному читателю («кто-то, регулярно что-то делающий?»), а значит, основная функция языка – коммуникативная – не выполнена. С другой стороны, довольно сложно придумать *одно* слово, понятное и при этом отражающее заложенный автором смысл.

Здесь мы видим яркий пример того, что для адекватного выполнения своей работы переводчику очень часто приходится переводить по смыслу, опираясь на контекст. Ни один из словарных вариантов перевода слова “a regular” («завсегдатай», «сотрудник» и т.д.) в данной ситуации не подходит, и переводчику приходится, что называется, импровизировать. Благо что в тексте оригинала данному наименованию даётся исчерпывающее пояснение: “A man who could reproduce within the tolerances set by law”. Т.е. в общем

смысле это человек (возможно, только мужчина), отвечающий весьма конкретным требованиям.

В принципе можно было так и перевести: «нормальный», «соответствующий норме». Но в данном случае нужно выполнить несколько требований. Во-первых, в русском переводе это слово тоже должно быть существительным, причём желательно столь же кратким, как в оригинале: в тексте произведения данное наименование употребляется несколько раз как некое быденное понятие, и его перевод должен быть соответствующим. Во-вторых, это слово в переводе должно доносить идею автора – и вариант вроде «здоровый» не подходит в силу того, что это общее понятие, в то время как автор романа закладывает в это слово весьма конкретный смысл. И наконец, в-третьих, необходимо учитывать специфику произведения. Данное наименование явно используется для придания роману научно-фантастического колорита, поэтому по-русски его тоже нужно было передать каким-то необычным словом.

a special

Похоже, является антонимом для предыдущего наименования, однако, в отличие от “a regular”, у него нет определения в тексте романа. Поэтому значение вновь извлекается из контекста – из романа следует, что речь идёт о физической и умственной неполноценности, возникающей у человека из-за длительного воздействия на его организм радиоактивной пыли. Такой человек не способен выполнять определённые виды работ. Иными словами, это ограниченно трудо- и дееспособный индивид – т.е., говоря по-русски, инвалид. Косвенным подтверждением того, что автор имел в виду именно это, является факт, что в США слово “special” является эвфемизмом для “disabled person”. В свете всего сказанного в процессе поиска эквивалента было бы корректно отталкиваться именно от этого понятия.

Однако это не было сделано, и данное наименование было переведено лишь как «специал». Транслитерация вновь показала свою неспособность донести его истинный смысл. Опираясь на извлечённую из контекста информацию, можно было подобрать более или менее подходящий перевод (конечно, не «инвалид», но из того же семантического «облака»).

В тексте романа также приводится бытовой вариант этого наименования: “a chickenhead”. В словаре можно найти такие варианты перевода,

как «дурак» или «дурень». В данной ситуации переводчик достаточно адекватно справился со своей задачей:

- *Not let him know I'm a chickenhead.*

- *Надо, чтобы новый жилец не догадался, что я придурок, точнее, пустоголовый.*

В оригинале автор употребляет только одно слово – “chickenhead”. В переводе же можно найти целых три наименования: «придурок», «пустоголовый» и «неполноценный». С одной стороны, переводчик таким образом объясняет читателю одно из основных понятий романа, обозначая его с разных углов. С другой стороны, он как будто сам до конца не разобрался, что оно обозначает, и как бы даёт читателю несколько вариантов на выбор. Вариант «пустоголовый» является основным по тексту перевода, но это не самый идеальный эквивалент. По аналогии с “special” можно было подобрать аналогичное бытовое наименование.

to retire

По идее романа, поскольку андройды не являются людьми, то к ним не применяются «человеческие» понятия и категории. Соответственно, для обозначения физического устранения андроида не используется глагол “to kill” или “to eliminate”, вместо этого используется глагол “to retire”. Книжный перевод – «усыпить» – весьма сомнителен, поскольку вызывает ассоциации с животным, чего в оригинале не было в принципе. На наш взгляд, переводчику следовало бы воспользоваться чрезвычайно широкой семантикой глагола «прикончить», подобрав аналогичное полужаргонное слово.

an empathy box

Одно из вымышленных устройств во вселенной романа. Принцип действия неясен – в романе

описывается, что это устройство делает, но не как оно это делает, что затрудняет подбор русского эквивалента. Переводчик перевёл это наименование как «эмпатоскоп», что имеет некоторый смысл, поскольку в описании данного устройства упоминается экран. Вариант не идеальный, но лучший, более краткий и ёмкий вариант предложить сложно.

a mood organ

Ещё одно вымышленное устройство предназначено для создания настроения. Перевод представляет собой кальку и вполне адекватен – «модулятор настроения». Торговое название этого устройства – «Пенфилд» (“Penfield”) – ничего не скажет обычному русскоязычному читателю в силу незнания последним некоторых иностранных реалий и исторических личностей, и переводчик ничего не может с этим сделать. Но что он *может* сделать (точнее, мог бы сделать, но не сделал в данном случае), так это дать сноску с комментарием, поясняющим, откуда у этого устройства такое название.

Выводы. Итак, мы определили, что именно следует понимать под безэквивалентной лексикой в рамках данного исследования – это вполне обычные и зафиксированные в словаре наименования, перевод которых «в лоб» однако практически невозможен и требует особого подхода с учётом контекста переводимого литературного произведения.

Далее мы составили выборку такого рода наименований, взяв их текста оригинала и сопоставив с их эквивалентами из текста перевода. Проведённые сравнение и анализ показали, что в большинстве случаев переводчик, к сожалению, не справляется с задачей по адекватной передаче этих слов, что оказывает негативное воздействие на качество перевода в данном аспекте.

1. Агафонова, А. С. К вопросу о классификации реалий научной фантастики и способах их перевода // Молодой учёный. – Казань, 2015. – № 17 (97). – С. 599-601.
2. Бархударов, Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М.: «Международные отношения», 1975. – 240 с.
3. Гасанова, Ш. М. К. К проблеме перевода безэквивалентной лексики // Язык и мир изучаемого языка. Сборник научных статей. – Саратов, 2018. – С. 267-270.
4. Гуркова, П. В. Безэквивалентная лексика в языке английской художественной литературы и способы её перевода // Диалог культур – диалог о мире и во имя мира. Материалы IX Международной студенческой научно-практической конференции. – Комсомольск-на-Амуре, 2018. – С. 289-293.
5. Дик, Филип К. Человек в высоком замке: Фантастические романы: перевод с англ. – СПб: Лениздат, 1992. – 608 с.
6. Латышев, Л. К. Технология перевода: Учеб. пособие для студ. лингв, вузов и фак. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 320 с.
7. Мардиросянц, В. М. Анализ способов перевода безэквивалентной лексики в романе Вероники Рот «Эллигент» // Первые шаги в науке. Сборник научных работ студентов кафедры «Теория и практика перевода» ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет». – Севастополь, 2017. – С. 46-49.

8. Тараканова, Ю. Е. Квазиреалии как лексический элемент научно-фантастического текста на примере перевода рассказа «Февраль 1999: Илла» Рэя Брэдли на русский язык // Вестник МГОУ. – М., 2009. – № 1. – С. 294-299.
9. Dick, P. K. "Do androids dream of electric sheep? – URL: <https://libcat.ru/knigi/fantastika-i-fjentezi/349051-philip-dick-do-androids-dream-of-electric-sheep.html#text> (date of access: 09.08.2022).

ANALYZING PHILIP K. DICK'S "DO ANDROIDS DREAM OF ELECTRIC SHEEP?" TRANSLATION INTO RUSSIAN: TRANSLATION OF NON-EQUIVALENT LEXIS

© 2022 A.P. Zhuravlev

Alexander P. Zhuravlev, senior lecturer of the Department of foreign languages.

E-mail: palych32@rambler.ru

Samara State Technical University

Samara, Russia

This paper is devoted to evaluation of the translation of the well-known novel called "Do androids dream of electric sheep?" written by the American science fiction writer Philip K. Dick. The original text is compared with its Russian translation made in the early 1990's (assumingly by the group of translators). Due to these factors, as well as a number of other issues, the translation has several characteristic features; the reasons for these features to occur may be of particular interest both for professional translators and amateurs. Evaluation is carried out according to a number of aspects, and the present paper focuses on the first one of them, namely on how well the translator coped with the task of translating the non-equivalent lexis. The author of the paper explains what he means by the non-equivalent lexis in this particular research and analyzes the number of words and word combinations to find out whether their translation is adequate to what the author of the novel tried to express or not. The results obtained in this research can be used later to form the total characteristic of the job done by the translator.

Key words: non-equivalent lexis, context, equivalent, translation quality

DOI: 10.37313/2413-9645-2021-24-86-25-30

1. Agafonova, A. S. K voprosu o klassifikatsii realii nauchnoi fantastiki i sposobakh ikh perevoda (On classification of realia of science fiction and ways to translate them). – Molodoi uchenyi. – 2015. – P. 599-601.
2. Barkhudarov, L. S. Yazyk i perevod (Voprosy obshchei i chastnoi teorii perevoda) (Language and translation (Issues of general and specific theory of translation)). – M., 1975. – 240 s.
3. Gasanova, Sh. M. K. K probleme perevoda bezekvivalentnoi leksiki (On problems of translation of non-equivalent lexis). – Yazyk i mir izuchaemogo yazyka. – 2018. – P. 267-270.
4. Gurkova, P. V. Bezekvivalentnaya leksika v yazyke angliiskoi khudozhestvennoi literatury i sposoby ee perevoda (Non-equivalent lexis in language of English belles-lettres and ways to translate it). – Dialog kul'tur – dialog o mire i vo imya mira. – 2018. – P. 289-293.
5. Dik, Filip K. Chelovek v vysokom zamke: Fantasticheskie romany (The Man in the High Castle: Science fiction novels). – SPb: – 1992. – 608 s.
6. Latyshev, L. K. Tekhnologiya perevoda (Technology of translation). – M., 2005. – 320 s.
7. Mardirosyants, V. M. Analiz sposobov perevoda bezekvivalentnoi leksiki v romane Veroniki Rot "Elligent" (Analysis of methods of translation of non-equivalent lexis in "Allegiant" by Veronica Roth). – Pervye shagi v nauke. – 2017. – P. 46-49.
8. Tarakanova, Yu. E. Kvazirealii kak leksicheskii element nauchno-fantasticheskogo teksta na primere perevoda ras-skaza "Fevral' 1999: Illa" Reya Bredberi na russkii yazyk (Quazirealia as a lexical element of a science fiction text by the example of translation of "February 1999/2030. Ylla" by Ray Bradbury into Russian). – Vestnik MGOU. – 2009. – P. 294-299.
9. Dick, P. K. "Do androids dream of electric sheep? – URL: <https://libcat.ru/knigi/fantastika-i-fjentezi/349051-philip-dick-do-androids-dream-of-electric-sheep.html#text> (date of access: 09.08.2022).

К ВОПРОСУ О ПОДГОТОВКЕ К СЛУЖЕБНОМУ БИАТЛОНУ ВО ФСИН РОССИИ

© 2022 Д.И. Никеров

*Никеров Дмитрий Иванович, старший преподаватель
кафедры физической и тактико-специальной подготовки*

E-mail: dima-nikero@mail.ru

*Самарский юридический институт ФСИН России
Самара, Россия*

Статья поступила в редакцию 01.09.2022

В статье рассматриваются организационно-методические вопросы, возникающие при подготовке сотрудников и курсантов образовательных учреждений ФСИН России к соревнованиям по служебному биатлону. В работе были исследованы теоретические, а также прикладные аспекты проведения тренировочных занятий сборной команды. Раскрыты факторы, оказывающие положительное влияние на подготовку к соревнованиям по служебному биатлону. Был сделан вывод, что наиболее высокие результаты по итогу соревнований достигаются в том случае, если тренеры-преподаватели являются действующими сотрудниками образовательных организаций ФСИН России, непосредственно взаимодействуют с курсантами в период обучения, видят сильные стороны курсанта и работают над их недочетами, учитывая личностные и психологические качества каждого. Помимо этого, сформулирован тезис, что для качественной подготовки, безусловно, необходимо контролировать состояние и регулярно закалять здоровье спортсменов в целях предупреждения возникновения несчастных случаев (потери сознания, травматизма и т.д.). В результате анализа методики подготовки к служебному биатлону ФСИН России на примере сборной команды Самарского юридического института ФСИН России, был сделан вывод, что она является эффективной, о чем свидетельствуют результаты последних десяти лет по итогам ведомственного чемпионата по служебному биатлону.

Ключевые слова: СЮИ ФСИН России, тренировочный процесс, здоровье, служебный биатлон, стрелковая тренировка, легкоатлетический кросс, индивидуальный подход, психологические особенности, методика
DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-86-31-35

Введение. Как известно, на протяжении более 10 лет служебный биатлон является ведомственным видом спорта Министерства юстиции Российской Федерации, в этой связи особенно важно уделять должное внимание качественной подготовке сотрудников УИС к служебному биатлону. Занятия, проводимые в рамках подготовки сотрудников и курсантов по служебному биатлону, формируют и отражают основные умения и навыки физической и огневой подготовки, которые являются неотъемлемой частью служебно-боевой подготовки каждого сотрудника уголовно-исполнительной системы (далее – УИС).

История вопроса. Служебный биатлон как ведомственный вид спорта является в том числе не менее востребованным и стремительно развивающимся в образовательных организациях ФСИН России. Об этом свидетельствует большое количество научной литературы, авторами которой являются действующие преподаватели образовательных организаций ФСИН России, такие как А.Н. Потапов, А.В. Фомичев, Д.А. Зубков и др.

Данные работы посвящены исследованиям методики совершенствования подготовки к служебному биатлону в ФСИН России, а также решению возникших в процессе подготовки проблем [4].

Методы исследования. В результате анализа специальной литературы, мониторинга и контент-анализа было выделено несколько определений понятия «служебный биатлон в ФСИН России». На наш взгляд, наиболее оптимальным является следующая трактовка: «Служебный биатлон в ФСИН России – это служебно-прикладной вид спорта, который представляет собой легкоатлетический бег или лыжные гонки со стрельбой из пистолета Макарова на двух огневых рубежах» [1].

Результаты исследования. Проанализировав научную литературу в данной области, мы выявили некую закономерность, связанную с тем, что вопросами методического исследования подготовки сотрудников к служебному биатлону в ФСИН России занимаются непосредственно действующие сотрудники УИС, являющиеся тренерами команд, опыт которых позволяет выявлять

не только причины, препятствующие достижению качественного результата подготовки сотрудников к биатлону, но и разрабатывать новые методики подготовки с учетом разных обстоятельств, в том числе и с встречающимися на практике проблемами.

В зависимости от природных условий служебный биатлон подразделяют на летний и зимний (служебное двоеборье), основным отличием последнего является бег на лыжах вместо легкоатлетического кросса, тем не менее оба вида в обязательном порядке сочетаются с элементами огневой подготовки. Не менее важным отличием является то, что служебное двоеборье проводится в течение двух дней, где в первый день – гонка на лыжах, а во второй сдаются нормативы по стрельбе, тогда как при служебном биатлоне в летнее время легкоатлетический бег с элементами стрельбы выполняется в один день следующим нормативом: бег 1000 метров, после которого стрельба на точность с расстояния 25 метров в мишень грудную № 4, затем снова бег 1000 метров и стрельба на точность. В заключительном этапе бег на 1000 метров, очки начисляются согласно таблице оценки результатов в служебном биатлоне и стрельбы из пистолета [2]. Стоит отметить, что результат соревнований в эстафете 4x1500 м зависит от каждого члена команды. В итоге будет оцениваться общее время и количество очков в мишени команды.

Исходя из этого видим, что данный вид спорта включает в себя две самостоятельные дисциплины – такие, как огневая подготовка и физическая. Это, безусловно, говорит о том, что подготовка к служебному биатлону должна происходить в два этапа. Во-первых, необходимо развивать выносливость у спортсменов, оттачивать правильную технику легкоатлетического бега, правильный расклад прохождения дистанции в летнее время или же бега на лыжах в зимние, а также пристальное внимание стоит уделить совершенствованию координации движений после преодоления определенного участка дистанции бегом или бегом на лыжах. Во-вторых, необходимо совершенствовать навыки прицельной и скоростной стрельбы, в том числе развивать мышечную память. Однако в целях достижения высоких результатов подготовки к служебному биатлону при организации и проведении тренировочного

процесса целесообразно уделять внимание в равных долях каждому этапу подготовки, не акцентируя внимание на одном из них.

В соответствии с ведомственными нормативно-правовыми актами устанавливаются определенные требования по медицинским показателям к сотрудникам, поступающим на службу в УИС [3]. На данный момент в обществе наблюдается снижение иммунитета граждан. И неизбежным становится факт проявления иммунодефицита у действующих и вновь поступающих сотрудников на службу. Очевидно, данное явление связано с распространяющейся новой коронавирусной инфекцией и ее разновидностями. Учитывая, что хорошее самочувствие является основным залогом успеха подготовки спортсменов к любому виду спорта, необходимо закалять здоровье, а также контролировать его состояние в период проведения тренировочных занятий, чтобы не допустить возникновения несчастных случаев (травматизма и т.д.).

Мы в своей работе также на примере СЮИ ФСИН России раскроем порядок формирования команды для участия в служебном биатлоне, методику подготовки, а также основные типичные ошибки участников сборной команды.

Порядок формирования команды. В институте функционирует секция по легкой атлетике, в которую могут попасть все желающие курсанты. Тренировки осуществляются под руководством преподавателей кафедры ФитСП как на территории института, так и на других спортивных площадках за ее пределами. Помимо этого также действует группа спортивного совершенствования, основными участниками которой преимущественно являются курсанты, входящие в состав сборных команд по легкоатлетическому кроссу и служебному биатлону. Попасть в группу спортивного совершенствования могут не только курсанты, имеющие разряд по легкой атлетике при поступлении в институт, но и курсанты, демонстрирующие высокие показатели по легкой атлетике в легкоатлетической секции института. Как правило, основной состав команды на учебно-тренировочном сборе состоит из 11 человек – 8 мужчин и 3 женщин (1,5 состава), состав команды на Чемпионате ФСИН России по служебному биатлону 7 человек – 5 мужчин и 2 женщины.

Методика тренировочного процесса. Согласно Наставлению по физической подготовке, к Всероссийским соревнованиям сборы должны

начинаться за тридцать дней до их начала. Исходя из этого, в СЮИ ФСИН России за тридцать дней начинается подготовка сборной команды. В связи с тем, что служебный биатлон состоит из двух составных частей, а отрабатывать навыки и умения прицельной стрельбы есть возможность только при использовании учебно-материальной базы института в рабочее время (оружие, боеприпасы, тир и др.), то за тридцатидневный период проводится порядка 18-20 стрелковых тренировок – как отдельно, так и в сочетании с беговыми тренировками. Помимо этого большой акцент делается на беговые тренировки, где отрабатывается скорость, техника и выносливость курсантов. Как правило, такие тренировки проводятся регулярно (одна-две в день) в зависимости от графика тренировок аналогично стрельбе в рабочее время.

Тренировочный день проходит следующим образом:

- выезд в утренние часы сборной команды самостоятельно на стрельбище в МССК «Вымпел»;
- на базе стрельбища спортсмены самостоятельно проводят первую кроссовую тренировку;
- одновременно с этим тренеры-преподаватели команды получают оружие и боеприпасы на базе института;
- по приезде тренеров-преподавателей команда приступает к стрелковой тренировке, по окончании которой подводятся итоги тренировки (указываются недостатки и упражнения, на которые необходимо обратить внимание на последующих тренировках), после чего на месте осуществляется чистка оружия;

Вышеназванные мероприятия завершаются в обеденное время (13.00 – 14.00), после чего команда, используя служебный транспорт, убывает на основную базу института для освоения программы обучения на самостоятельной подготовке, тренеры-преподаватели сдают оружие.

Вторая беговая тренировка проводится в вечернее время самостоятельно или в составе группы в соответствии с рекомендациями преподавателей.

Не стоит забывать о важности отдыха. В связи с этим между утренней и вечерней тренировкой необходимо выделять составу команды личное время.

Если сравнивать подготовку курсантов последних трех лет, из которых в 2020 г. соревнования по служебному биатлону в виду пандемии не проводились, то стоит отметить, что в 2022 г. осо-

бое внимание уделялось оттачиванию спортсменами навыков прицельной стрельбы на фоне нагрузки максимально моделирующую соревновательную. Так, в 2019 г. для тренировок выделялось стандартное количество патронов – 220 боеприпасов, по 20 на каждого. В период подготовки к соревнованиям в этот год тренировали одно упражнение – подбежка с ускорением по 200-300 метров с размеренной стрельбой; две подбежки по пять выстрелов со сменой магазина на втором рубеже, и последняя подбежка была у каждого спортсмена также по 200-300 метров в целях подготовки к эстафете 4 по 1500 метров с более интенсивной стрельбой, поскольку в эстафете важны только попадания. За каждый промах к общему времени команды плюс 12 секунд.

Уже в 2021 г. количество боеприпасов, выделенных на тренировки, было увеличено вдвое и составило 440. В связи с этим было увеличено также время тренировки, и соответственно усилилась утомляемость команды. Таким образом, процесс стрельбы происходил на фоне утомления, что дало хороший результат и прочную базу для дальнейшего формирования тренировочного процесса.

В 2022 г. в тренировочный процесс была включена тренировка, имитирующая соревнование. Сущность данной тренировки состояла в том, что спортсмены делились на два забега по 5-6 человек в каждом, забеги формировали тренеры, учитывая психологию спортсмена, женщин распределяли в разные забеги, спортсменов мужчин одного уровня так же разводили, время и количество очков озвучивали после 2 и 4 забега. Спортсмены пробегали классическую дистанцию служебного биатлона без последнего километра (1 км, стрельба, 1 км смена магазина, стрельба, уход с огневого рубежа, стоп время). По аналогии проводился 3 и 4 забеги. В заключительный день сборов была проведена контрольная тренировка полной имитации соревнований – 3000 метров с двумя огневыми рубежами после 1 и 2 км. В результате создания всех условий схожих с теми, которые ожидают членов команды в день проведения соревнований по служебному биатлону, повышается их уровень стрессоустойчивости, уверенности, терпимости, выносливости, а также поднимается моральный дух команды. Аналогичные тренировки постепенно включаются в тренировочные процессы при подготовке и к соревнованиям по иным видам спорта.

Необходимо также понимать, что процесс подготовки сборной команды к соревнованиям

предполагает индивидуальный подход к каждому, однако помимо этого должны практиковаться и различные подходы к девушкам и юношам в силу их психологических особенностей и физических возможностей.

Выводы. Таким образом, можем сделать вывод, что изложенная в статье методика организации тренировочного процесса по служебному биатлону является действенной и результативной. Продуктивность данной методики удостоверяется отличными показателями полученными сборными командами по служебному биатлону СЮИ ФСИН России, а также в личных зачетах (9 мастеров спорта по служебному биатлону с 2017 г.) по итогу ведомственных соревнований с 2013-2022 гг. Не менее важным аспектом подготовки является опыт тренеров-преподавателей, которые сами многократно принимали участие в ана-

логичных стартах, которые ежегодно организуют тренировочный процесс команды по служебному биатлону, учитывая все индивидуальные особенности членов команды, регулярно контролируя состояние здоровья спортсменов в целях предупреждения возникновения несчастных случаев, анализируя результаты прошедших соревнований и в результате этого совершенствуя свою методику [5]. Все вышеуказанные в совокупности факторы являются существенными для достижения успешных результатов.

Результаты по итогам соревнований по служебному биатлону сборной команды СЮИ ФСИН России: 2013-2014 гг. – 3-е место; 2015-2016 гг. – 2-ое место; 2017 и 2019 гг. – 1-ое место, 2021-2022 гг. – 1-ое место. В 2018 г. соревнования не проводились, в связи с Чемпионатом мира по футболу, а в 2020 – в связи с вспышкой коронавирусной инфекцией (COVID-19).

1. Казначеев, В. А. Специфика и значение служебного биатлона в профессиональной деятельности сотрудника ФСИН России // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2020. – №74. – С. 30-34.
2. Об утверждении правил служебно-прикладного вида спорта «Стрельба из боевого ручного стрелкового оружия»: приказ Министерства спорта Российской Федерации (принят 30 июня 2017 г. № 609) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.06.2022).
3. Требования к состоянию здоровья граждан, поступающих на службу в уголовно-исполнительную систему Российской Федерации, сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: приказ ФСИН России (принят 13 декабря 2019 г. № 1126) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.06.2022).
4. Потапов, А. Н. Особенности подготовки команды СЮИ ФСИН России по служебному биатлону // Вестник Самарского юридического института. – 2011. – № 2 (4). – С. 62-65.
5. Соломенко, М. А., Прохоров, Р. А. Содержание деятельности тренера и основные принципы работы со спортсменами // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2015. – № 5. – С. 291-295.

TO THE QUESTION OF PREPARATION FOR SERVICE BIATHLON IN THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA

© 2022 D.I. Nikerov

Dmitry I. Nikerov, senior lecturer

departments of physical and tactical-special training.

E-mail: dima-nikerov@mail.ru

**Samara law Institute of the Federal penitentiary service of Russia
Samara, Russia**

In the article, the authors consider organizational and methodological issues arising in the preparation of co-workers and cadets of educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia for competitions in service biathlon. The theoretical as well as applied aspects of the training sessions of the national team were investigated in the work. The factors that have a positive impact on the preparation for the service biathlon competitions are revealed. It was concluded that the highest results of the competition are achieved if the trainer-teachers are active employees of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia, interact directly with the cadets during the training period, see the strengths of the cadet and work on the weaknesses, taking into account the personal and psychological qualities of each. In addition, the thesis is formulated that for high-quality training, of course, it is necessary to monitor the condition and

regularly temper the health of athletes in order to prevent accidents (loss of consciousness, injuries, etc.). Having considered the methodology of preparation for the service biathlon of the Federal Penitentiary Service of Russia on the example of the national team of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, it is concluded that it is effective, as evidenced by the results of the last ten years following the results of the departmental championship in service biathlon.

Keywords: SSU of the Federal Penitentiary Service of Russia, training process, health, service biathlon, shooting training, athletics cross, individual approach, psychological features, methodology

DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-86-31-35

1. Kaznacheev, V. A. Specifika i znachenie sluzhebnogo biatlona v professionalnoi deyatel'nosti sotrudnika FSIN Rossii (The specifics and significance of service biathlon in the professional activity of an employee of the Federal Penitentiary Service of Russia) // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossiiskoi akademii nauk. Socialnie, gumanitarnie, medico-biologicheskie nauki. – 2020. – no. 74. – S. 30-34.
2. Ob utverzhdenii pravil sluzhebno-prikladnogo vida sporta «Strelba iz boevogo ruchnogo strelkovogo oruzhiya» (About the approval of the rules of the service-applied sport «Shooting from combat hand-held small arms»): prikaz Ministerstva sporta Rossiiskoi Federacii: prinyat 30 iyunya 2017. – №609 // Oficialnii internet-portal pravovoi informacii. – URL: <http://pravo.gov.ru> (data obrascheniya: 05.06.2022).
3. Trebovaniya k sostoyaniyu zdorov'ya grazhdan, postupayuschih na slujbu v ugolovno-ispolnitelnuyu sistemu Rossiiskoi Federacii, sotrudnikov ugolovno-ispolnitelnoi sistemi Rossiiskoi Federacii (Requirements for the state of health of citizens entering the service in the penal enforcement system of the Russian Federation, employees of the penal enforcement system of the Russian Federation): prikaz FSIN Rossii prinyat 13 dekabrya 2019. – № 1126 // Oficialnii internet-portal pravovo i informacii. – URL: <http://pravo.gov.ru> (data obrascheniya: 05.06.2022).
4. Potapov, A. N. Osobennosti podgotovki komandi SYul FSIN Rossii po sluzhebnomu biatlonu (Features of the training of the team of the Federal Penitentiary Service of Russia in service biathlon) // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. – 2011. – no. 2 (4). – S. 62 - 65.
5. Solomchenko, M. A., Prohorov, R. A. Soderzhanie deyatel'nosti trenera i osnovnie principy raboti so sportsmenami (The content of the coach's activity and the basic principles of working with athletes) // Uchenie zapiski OGU. Seriya: Gumanitarnie i socialnie nauki. – 2015. – no. 5. – S. 291-295.

УДК 378 (Высшее образование. Высшая школа. Подготовка научных кадров)

САМООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫХ УРАВНЕНИЙ

© 2022 Р.Н. Черницына

Черницына Рузилья Нябиуллаевна, старший преподаватель кафедры «Высшая математика»

E-mail: y-abc@mail.ru

Самарский государственный университет путей сообщения
Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 10.09.2022

В статье рассматривается один из способов организации самообразовательной деятельности студентов (СОДС) при изучении раздела математики в техническом вузе. В условиях перехода на государственные стандарты нового поколения проблема организации СОДС особенно важна, поскольку ее объем должен составлять не менее половины от общего количества часов, предусмотренного на изучение дисциплины. В данной работе используется матричная модель организации самообразовательной деятельности студентов, обеспечивающая организацию дисциплинарных модулей и систематизацию учебных заданий по четырём уровням сложности. Выделены познавательные уровни: восприятие, осмысление, алгоритмизирование и контролирование, представляющие собой одну из возможных структур познавательного процесса. Объединение уровней познавательного процесса и самообразовательной деятельности позволило получить матричную модель организации СОДС, которая была применена к изучению курса математики студентами строительного и экономического факультетов Самарского государственного университета путей сообщения, что позволило гарантировать усвоение ими учебного материала с качеством не ниже базового. Приводится пример тестового задания второго уровня сложности, позволяющего студентам производить самопроверку своих знаний и оценивать уровень усвоения учебной информации, приобретая при этом навыки самообразования и самооценки.

Ключевые слова: самообразовательная деятельность, матричная модель организации самообразовательной деятельности, познавательные уровни, уровни сложности, познавательно-деятельностная матрица, коэффициент усвоения учебного материала, самотестирование, самооценка

DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-86-36-41

Введение. Самообразование в нашем понимании представляет собой целенаправленную учебно-познавательную деятельность, планируемую и управляемую самим обучающимся. Приобретение новых знаний, умений и опыта студентом должно происходить не только под руководством преподавателя, но и самостоятельно, потому требуется схема ориентировочной основы действий для выполнения самообразовательной деятельности.

Самообразовательная деятельность (СОД) очень важна для профессиональной подготовки, она предполагает овладение постоянно меняющимися технологиями, непрерывное освоение нового, что возможно только с развитыми навыками самообразования, способности к постоянному саморазвитию. В современных условиях самообразование является средством профессионального роста, обеспечивающего востребованность и конкурентоспособность выпускнику технического вуза.

История вопроса. В работах исследователей приводятся различные способы организации СОДС: самообразовательная деятельность студентов ВУЗов при помощи информационных технологий (О.Л. Карпова [8], Л.К. Тучкина [12] и др.), основы формирования СОД в условиях многоуровневого образования (В.А. Корвяков [9] и др.), формирование самообразовательной компетентности (Т.Е. Землинская [7], Е.С. и др.). Проблемы самообразования отражены также в трудах Г.В. Ахметжановой [1], Ю.В. Варданяна [2], М.Т. Громковой [3], З.Ф. Зеер [6] и др.

Методы исследования. В данной работе используется матричная модель организации самообразовательной деятельности студентов Е.Н. Рябиновой [10], которая обеспечивает механизм организации дисциплинарных модулей и систематизации учебных заданий по четырём уровням сложности, гарантируя тем самым, усвоение учебного материала с качеством не ниже базового.

Выделяются познавательные уровни: восприятие, осмысление, алгоритмизирование и контролирование, представляющие собой структуру познавательного процесса, обозначив их через $\psi_i, i = \overline{1,4}$. Первый уровень ψ_1 - это *уровень восприятия*, характеризующий предметно-смысловое отражение студентом изучаемого материала. Этот уровень включает в себя ощущение, внимание, память. Уровень ψ_2 - *осмысление*, состоящий в переработке учебной информации, нахождении способов решения поставленной задачи, характеризуется сознанием, понятийным мышлением, мотивом. Уровень ψ_3 - *алгоритмизирование*, включает в себя анализ способов, применяемых для решения поставленной задачи, и характеризуется памятью, сознанием, воображением речевым мышлением. Четвертый уровень ψ_4 - *контролирование*, способствует правильному оформлению полученного результата и характеризуется памятью, мышлением, речью, мотивом.

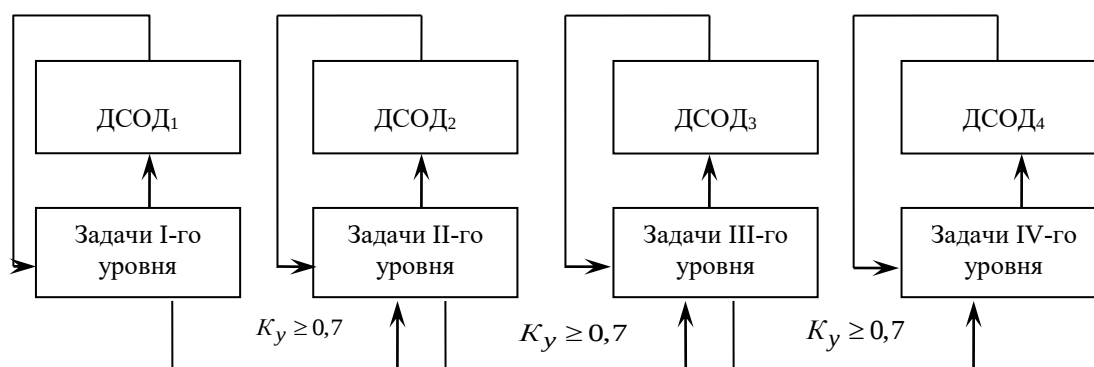
Результаты исследования. Объединив перечисленные познавательные уровни и уровни СОД, получим матричную модель организации СОДС, описанную, в частности, в нашей работе в соавторстве с Рябиновой Е.Н.: «Организация самостоятельной работы студентов на основе

матричной модели познавательной деятельности при изучении дифференциальных уравнений [11].

Упомянутая модель была применена в процессе преподавания курса математики студентам первого и второго курсов строительного и экономического факультетов Самарского государственного университета путей сообщения (СамГУПС), что позволило гарантировать усвоение ими учебного материала с достаточно высоким качеством [4].

Структуризация учебного материала определяет четыре уровня сложности. Каждый модуль отличается сложностью заданий (рисунок). Первый уровень сложности – самый важный, он содержит большое число определений, понятий и базовых заданий. Под дополнительной самообразовательной деятельностью студента (ДСОДС) будем понимать повторную проработку студентом уже изученного им ранее учебного материала, которая потребуется, если по результатам тестирования коэффициент усвоения K_y , описанный и исследованный методами математической статистики в работах [5], окажется менее 0,7 (рис. 1).

Рис. 1. Последовательность выполнения заданий различных уровней сложности
(The sequence of tasks of various levels of complexity)

ДСОДС будет необходима до тех пор, пока значение коэффициента усвоения K_y не станет превышать 0,7. Для реализации данной технологии учебный материал разделяется на четыре отдельных модуля. Вначале изучения каждого модуля студенту предлагается теоретический материал, изложенный в объеме, достаточном для полного раскрытия изучаемой темы. Затем

приводятся решения типичных задач, использующие изученный к этому времени теоретический материал и предлагаются задачи для самостоятельного решения. Специально разработанные тесты позволяют студенту самостоятельно произвести процедуру тестирования и оценить уровень приобретенных знаний, приняв, тем самым, решение о необходимости ДСОД. Пример тестового задания второго уровня сложно-

сти приведен в таблице. Тест представляет собой взаимосвязанную последовательность учебных элементов. Эта связь определяется не только алгоритмом и логикой решения задачи, но и заложенной в них зависимостью получения правиль-

ного ответа при выполнении текущего учебного элемента от верного выполнения предыдущего [13].

Задание. Решить дифференциальное уравнение (ДУ):

$$(e^x + y + \sin y)dx + (e^y + x + x \cos y)dy = 0.$$

Таб. 1. Тест второго уровня сложности
(The test of the second level of difficulty)

Учебные элементы	Этапы решения	Варианты ответов
K_{11}	Условие задачи заключается в решении...	1) ДУ с разделяющимися переменными; 2) линейного однородного ДУ второго порядка с постоянными коэффициентами; 3) однородного ДУ; 4) ДУ в полных дифференциалах.
K_{12}	Решение задачи начнем с ...	1) Подбора нужной подстановки; 2) Разделения переменных; 3) Нахождения общего интеграла уравнения; 4) Проверки условия $\frac{\partial M}{\partial y} = \frac{\partial N}{\partial x}$
K_{21}	Первое действие решения ...	1) Проинтегрировать полученное уравнение; 2) Найти функцию u ; 3) Найти y' ; 4) Найти значение постоянной C .
K_{22}	Второе действие решения...	1) Найти произвольную дифференцируемую функцию, 2) Найти частный интеграл решения, 3) Проинтегрировать полученное равенство, 4) Продифференцировать полученное равенство.
K_{31}	Алгоритм выполнения первого действия	1) Проинтегрируем $\frac{\partial U}{\partial x} = e^x + y + \sin y$ по x $U(x, y) = \int (e^x + y + \sin y)dx = e^x + yx + x \sin y + \varphi(y)$, 2) Проинтегрируем $\frac{\partial U}{\partial x} = e^x + y + \sin y$ по y $U(x, y) = \int (e^x + y + \sin y)dy = e^x y + \frac{y^2}{2} - \cos y + \varphi(y)$; 3) Проинтегрируем $\frac{\partial U}{\partial x} = e^x + y + \sin y$ по x $U(x, y) = \int (e^x + y + \sin y)dy = e^x y + \frac{y^2}{2} - \cos y + \varphi(y)$.
K_{32}	Алгоритм выполнения второго действия	1) Найдем $\varphi(y)$, продифференцируем $U(x, y) = e^x + yx + x \sin y + \varphi(y)$, $\frac{\partial U}{\partial y} = x + x \cos y + \varphi'(y) = e^y + x + x \cos y$, 2) Найдем $\varphi(y)$, продифференцируем $U(x, y) = e^x + yx + x \sin y + \varphi(y)$,

		$\frac{\partial U}{\partial x} = e^x + x + \sin y + \varphi'(x) = e^x + y + \sin y ,$ 3) Найдем $\varphi(y)$, продифференцируем $U(x, y) = e^x + yx + x \sin y + \varphi(y) ,$ $\frac{\partial U}{\partial y} = e^x + x \sin y + \varphi'(y) = e^x + x + x \sin y .$
K ₄₁	Полученный результат записывается в виде...	1) $\varphi'(y) = e^y \Rightarrow \varphi(y) = e^y + C$, 2) $\varphi'(y) = e^y \Rightarrow \varphi(y) = y - x + C$, 3) $\varphi'(y) = x \Rightarrow \varphi(y) = e^y + C$.
K ₄₂	Окончательный ответ:	1) $e^x + xy + x \sin y + e^y = C$, 2) $e^x + xy + x \cos y + e^y = C$, 3) $e^x + xy + x \sin x + e^y = C$.

С помощью подобных тестовых заданий студент может самостоятельно и в удобном для себя режиме изучать учебный материал, а также производить самопроверку полученных им знаний и оценивать уровень усвоения учебной информации, приобретая при этом навыки самообразования и самооценки. Подобная методика может быть рекомендована при изучении различных разделов математики студентами вузов.

Вывод. Итак, представленная работа реализует описанные научные представления в образо-

вательном процессе путем выполнения студентом различных заданий, разбитых на четыре модуля, каждый из которых имеет определенный уровень сложности. Постепенное продвижение в решении задач от простейших к самым сложным позволяет эффективно формировать системность знаний студентов и гарантировать усвоение ими учебного материала с качеством не ниже базового.

1. Ахметжанова, Г. В. Многоуровневая система развития педагогической функции будущего учителя в процессе непрерывного образования: монография / Г. В. Ахметжанова; Г. В. Ахметжанова; Федеральное агентство по образованию, Тольяттинский гос. ун-т. – Тольятти: ТГУ, 2007. – 326 с. – ISBN 5-7266-0294-3. – EDN QVUBVF.
2. Варданян, Ю. В. Структура и развитие профессиональной компетентности специалиста с высшим образованием (на материале подготовки педагога и психолога): специальность 13.00.01 "Общая педагогика, история педагогики и образования", 19.00.07 "Педагогическая психология": диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Варданян Юлия Владимировна. – М., 1998. – 353 с. – EDN NLOMYP.
3. Громкова, М. Т. Андрогогика: теория и практика образования взрослых: Учебное пособие / М. Т. Громкова. – М.: Юнити-Дана, 2012. – 497 с. – ISBN 5-238-00823-6. – EDN SUFERZ.
4. Гуменникова, Ю. В. Применение методов математической статистики для обработки и анализа результатов педагогического эксперимента / Ю. В. Гуменникова, Л. В. Кайдалова, Е. Н. Рябинова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2015. – Т. 17. – № 1-5. – С. 1032-1036. – EDN VUTBTJ.
5. Гуменникова, Ю. В. Статистическая обработка результатов тестирования студентов / Ю. В. Гуменникова, Е. Н. Рябинова, Р. Н. Черницына // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. – 2015. – № 3(27). – С. 78-87. – EDN VDMCSD.
6. Зеер, Э. Ф. Теоретико-прикладные основания психологии профессионального развития: Монография / Э. Ф. Зеер. – Екатеринбург: Российский государственный профессионально-педагогический университет, 2015. – 194 с. – ISBN 978-5-8050-0572-6. – EDN WEKCSX.
7. Землинская, Т. Е. Формирование самообразовательной компетентности студентов технических вузов на основе проектной технологии (на материале обучения иностранному языку): специальность 13.00.08 "Теория и методика профессионального образования": диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Землинская Татьяна Евгеньевна. – С.-Пб., 2006. – 181 с. – EDN NOJIPP.
8. Карпова, О. Л. Педагогическая концепция содействия развитию самообразовательной деятельности студентов вуза: специальность 13.00.08 "Теория и методика профессионального образования": диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук / О. Л. Карпова. – Челябинск, 2009. – 343 с. – EDN QESNDF.
9. Корвяков, В. А. Научно-практические основы формирования самообразовательной деятельности студента в условиях многоуровневого высшего образования: специальность 13.00.01 "Общая педагогика, история педагогики и образования": диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Корвяков Валерий Анатольевич. – Оренбург, 2008. – 450 с. – EDN QEIDDF.

10. Рябинова, Е. Н. Формирование познавательно-деятельностной матрицы учебного материала в высшей профессиональной школе / Е.Н. Рябинова; Е.Н. Рябинов. – Самара: Изд-во СНЦ, 2008. – 245 с. – ISBN 978-5-93424-366-2. – EDN QWITJF.
11. Рябинова, Е. Н., Черницына, Р. Н. Организация самостоятельной работы студентов на основе матричной модели познавательной деятельности при изучении дифференциальных уравнений. – Самара: ПГСГА, 2014. – 119 с.
12. Тучкина, Л. К. Формирование готовности студента технического вуза к самообразованию средствами информационных технологий: специальность 13.00.08 "Теория и методика профессионального образования": автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Тучкина Лариса Константиновна. – М., 2008. – 26 с. – EDN NKQJZL.
13. Черницына, Р. Н. Самообразовательная деятельность бакалавров университета / Р.Н. Черницына, Ю.В. Гуменикова // Наука и образование транспорту. – 2020. – № 2. – С. 217-219. – EDN MUOQBI.

SELF-EDUCATIONAL ACTIVITY OF UNIVERSITY STUDENTS IN THE STUDY OF DIFFERENTIAL EQUATIONS

© 2022 R.N. Chernitsyna

Ruzilya N. Chernitsyna, senior lecturer department of "Higher Mathematics"

E-mail: y-abc@mail.ru

**Samara State Transport University
Samara, Russia**

The article discusses one of the ways of organizing self-educational activities of students (SDS) when studying mathematics at a technical university. In the context of the transition to state standards of a new generation, the problem of the organization of SODS is particularly important, since its volume should be at least half of the total number of hours provided for the study of the discipline. In this paper, a matrix model of the organization of students' self-educational activities is used, which provides the organization of disciplinary modules and the systematization of educational tasks at four levels of complexity. Cognitive levels are highlighted: perception, comprehension, algorithmization and control, which represent one of the possible structures of the cognitive process. Combining the levels of cognitive process and self-educational activity made it possible to obtain a matrix model of the organization of the SODS, which was applied to the study of mathematics by students of the construction and economics faculties of Samara State University of Railways, which made it possible to guarantee their assimilation of educational material with a quality not lower than basic. An example of a test task of the second level of complexity is given, which allows students to self-test their knowledge and assess the level of assimilation of educational information, while acquiring self-education and self-assessment skills.

Keywords: self-educational activity; matrix model of the organization of self-educational activity; cognitive levels; levels of complexity; cognitive activity matrix; coefficient of assimilation of educational material; self-testing; self-assessment

DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-86-36-41

1. Axmetzhanova, G. V. Mnogourovnevaya sistema razvitiya pedagogicheskoy funktsii budushhego uchitelya v processe nepreryvnogo obrazovaniya: monografiya (Multilevel system of development of the pedagogical function of the future teacher in the process of continuing education: monograph)/ G. V. Axmetzhanova; G. V. Axmetzhanova; Federal'noe agentstvo po obrazovaniyu, Tol'yatinskij gos. un-t. – Tol'yatti: TGU, 2007. – 326 s. – ISBN 5-7266-0294-3. – EDN QVUBVF.
2. Vardanyan, Yu. V. Stroenie i razvitiye professional'noj kompetentnosti specialista s vysshim obrazovaniem (na materiale podgotovki pedagoga i psixologa) (Structure and development of professional competence of a specialist with higher education (based on the material of teacher and psychologist training)): special'nost' 13.00.01 "Obshchaya pedagogika, istoriya pedagogiki i obrazovaniya", 19.00.07 "Pedagogicheskaya psixologiya": dissertatsiya na soiskanie uchenoj stepeni doktora pedagogicheskix nauk / Vardanyan Yuliya Vladimirovna. – Moskva, 1998. – 353 s. – EDN NLOMYP.
3. Gromkova, M. T. Andragogika: teoriya i praktika obrazovaniya vzroslykh: Uchebnoe posobie (Andragogy: theory and practice of adult education: Textbook)/ M. T. Gromkova. – Moskva: Yuniti-Dana, 2012. – 497 s. – ISBN 5-238-00823-6. – EDN SUFERZ.
4. Gumennikova, Yu. V. Primenenie metodov matematicheskoy statistiki dlya obrabotki i analiza rezul'tatov pedagogicheskogo eksperimenta (Application of mathematical statistics methods for processing and analyzing the results of a

- pedagogical experiment) / Yu. V. Gumennikova, L. V. Kajdalova, E. N. Ryabinova // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk*. – 2015. – T. 17. – № 1-5. – S. 1032-1036. – EDN VUTBTJ.
5. Gumennikova, Yu. V. Statisticheskaya obrabotka rezul'tatov testirovaniya studentov (. Statistical processing of student testing results) / Yu. V. Gumennikova, E. N. Ryabinova, R. N. Chernicyna // *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Psixologo-pedagogicheskie nauki*. – 2015. – № 3(27). – S. 78-87. – EDN VDMCSD.
6. Zeer, E. F. *Teoretiko-prikladny'e osnovaniya psixologii professional'nogo razvitiya: Monografiya* (Theoretical and applied foundations of psychology of professional development: Monograph) / E. F. Zeer. – Ekaterinburg: Rossijskij gosudarstvennyj professional'no-pedagogicheskij universitet, 2015. – 194 s. – ISBN 978-5-8050-0572-6. – EDN WE-KCSX.
7. Zemlinskaya, T. E. *Formirovanie samoobrazovatel'noj kompetentnosti studentov tekhnicheskix vuzov na osnove proektnoj tekhnologii (na materiale obucheniya inostrannomu yazy'ku)* (The formation of self-educational competence of students of technical universities on the basis of project technology (based on the material of teaching a foreign language)): special'nost' 13.00.08 "Teoriya i metodika professional'nogo obrazovaniya": dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata pedagogicheskix nauk / Zemlinskaya Tat'yana Evgen'evna. – Sankt-Peterburg, 2006. – 181 s. – EDN NOJIPP.
8. Karpova, O. L. *Pedagogicheskaya koncepciya sodejstviya razvitiyu samoobrazovatel'noj deyatel'nosti studentov vuza* (Pedagogical concept of promoting the development of self-educational activity of university students): special'nost' 13.00.08 "Teoriya i metodika professional'nogo obrazovaniya": dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni doktora pedagogicheskix nauk / O. L. Karpova. – Chelyabinsk, 2009. – 343 s. – EDN QESNDF.
9. Korvyakov, V. A. *Nauchno-prakticheskie osnovy formirovaniya samoobrazovatel'noj deyatel'nosti studenta v usloviyax mnogourovnevnogo vy'sshego obrazovaniya* (Scientific and practical foundations of the formation of self-educational activity of a student in a multi-level higher education): special'nost' 13.00.01 "Obshhaya pedagogika, istoriya pedagogiki i obrazovaniya": dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni doktora pedagogicheskix nauk / Korvyakov Valerij Anatol'evich. – Orenburg, 2008. – 450 s. – EDN QEIDDF.
10. Ryabinova, E. N. *Formirovanie poznavatel'no-deyatelnostnoj matricy uchebnogo materiala v vy'sshej professional'noj shkole* (Formation of cognitive-activity matrix of educational material in higher professional school) / E. N. Ryabinova; E. N. Ryabinov. – Samara: Izd-vo SNCz, 2008. – 245 s. – ISBN 978-5-93424-366-2. – EDN QWITJF.
11. Ryabinova, E. N., Chernicyna, R. N. *Organizaciya samostoyatel'noj raboty studentov na osnove matrichnoj modeli poznavatel'noj deyatel'nosti pri izuchenii differencial'ny'x uravnenij* (Organization of independent work of students based on the matrix model of cognitive activity in the study of differential equations). – Samara: PGSGA, 2014. – 119 c.
12. Tuchkina, L. K. *Formirovanie gotovnosti studenta tekhnicheskogo vuza k samoobrazovaniyu sredstvami informacionny'x tekhnologij* (Formation of readiness of a student of a technical university for self-education by means of information technologies): special'nost' 13.00.08 "Teoriya i metodika professional'nogo obrazovaniya": avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata pedagogicheskix nauk / Tuchkina Larisa Konstantinovna. – Moskva, 2008. – 26 s. – EDN NKQJZL.
13. Chernicyna, R. N. *Samoobrazovatel'naya deyatel'nost' bakalavrov universiteta* (Self-educational activity of bachelors of the University) / R. N. Chernicyna, Yu. V. Gumennikova // *Nauka i obrazovanie transportu*. – 2020. – № 2. – S. 217-219. – EDN MUOQBI.

УДК 130.2:130.122 (Философия культуры. Системы культуры. Культурологические учения / Познание и понимание духовного)

ПСИХОФИЗИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ АКТИВНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ЭКРАННОЙ КОММУНИКАЦИИ

© 2022 С.Л. Григорьев

*Григорьев Сергей Леонидович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии
E-mail: grigoryevdiss@gmail.com*

Российский государственный аграрный университет – МСХА им К. А. Тимирязева
Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 19.09.2022

В статье рассмотрен ряд новых взглядов на особенности взаимодействия человека с виртуальным пространством через экран мобильного электронного устройства, используемого как средство связи, так и как средство доступа к всемирной сети Интернет. Особое внимание уделено влиянию на восприятие и сознание пользователя факторов наличия и возможности обращения к устройству, а также анализу таких функций, как информирование, реферирование, ассистирование. По результатам исследования выделены и охарактеризованы особенности изменений, происходящих в сфере восприятия и последующей обработки информации, результатами которых часто становится прогрессирующая редукция способностей и навыков личности, связанных с основными ее высшими психическими функциями. Экран заменил, а затем и вытеснил исторически сложившиеся формы человеческого общения, оставив тем самым индивиду себя в качестве единственного собеседника, что не могло не отразиться на психике человека негативно. Уровень поглощенности и охваченности восприятия и мышления человека экраном смартфона представляет угрозу не только психическому, но и физическому здоровью. В заключение рассматривается парадокс появления аддикции нового типа, в основе которой лежит патологическая зависимость пользователя от своего гаджета, исследована патопсихология этого феномена и его возможные причины.

Ключевые слова: экранная культура, мышление, память, аддиктивное поведение, клиповое мышление, человек экрана, чекран, цифровая амнезия

DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-86-42-50

Введение. С первых шагов эволюции биологического вида «человек разумный» его бытие осуществлялось в режиме постоянного взаимодействия с разнообразными факторами природной регуляции, включающей также и взаимодействие с окружающими людьми. Позже к этим естественным факторам добавились и социальные коммуникаторы – общество, государство. Яркой спецификой обладает относительно новый диалог «человек – техника», в контексте которого вычленилось в последние несколько десятилетий взаимодействие «человек – экран». С появлением в начале XX в. экрана он постепенно стал выдавливать из жизни людей живое общение, превратившись в основное звено современной коммуникации, и главное – став решающим фактором влияния на самого человека, его психику, духовный мир, ментальность.

Цель нашей статьи связана с неоспоримой актуальностью поставленного вопроса и опреде-

ляется как выявление и фиксация наиболее полного спектра видов и форм воздействия современных экранных электронных устройств, находящихся во взаимодействии с восприятием и сознанием человека, на его отдельные высшие психические функции, рецептивную, когнитивную и аффективно-эмоциональную сферы, а также на всю психику в целом.

Методы исследования. Методология исследования включает в себя анализ текстов научной информации, методы контент-анализа и кросс-факторного анализа ряда включенных источников по параметрам, обладающим собственным значимым содержанием, исследование которого было определено для достижения намеченной цели как необходимого.

История вопроса. Размышляя о природе и качестве отмеченного взаимодействия, важно увидеть его исторические корни (человек смотрит на поверхность, отражающую изображение).

И здесь уместно вспомнить миф о Нарциссе, рассказанный в «Метаморфозах» Овидия. Отражение, которое Нарцисс увидел на водной поверхности, Овидий называет симулякром. Посредством этого латинского слова – *simulacrum* – он раскрывает суть истории о прекрасном юноше: Нарцисс влюбился не в себя, а в свое подобие. Уподобляя водную гладь зеркальной поверхности, за которой пустота, нельзя не признать, что, по сути, миф о Нарциссе дает старт сквозной для всей европейской культуры темы подлинного и иллюзорного, сущности и явления, актуализируя установку на выяснение подлинности статуса вещей, будь то в быту, искусстве, в философии или науке.

Другой античный автор Лукреций затрагивает интересующую нас тему в своей философской поэме «О природе вещей». Он употребляет много слов, обозначающих нечто вроде копий реальных предметов: *rerum copia*, *effigies*, *imago*, *figura*, *simulacrum*. Тем не менее, все то, что воспринимает человеческий глаз и ум он также определяет посредством используемого Овидием слова – *simulacra*, говоря о подобию, отраженных на сетчатке нашего глаза. Выстраивая систему аргументации, Лукреций, будучи эпикурейцем, прибегает к таким категориям (или концептам), как атом и пустота, которые недостижимы для непосредственного видения несмотря на то, что они есть. Тем не менее, скопления атомов образуют сгустки, которые благодаря свету отражаются в наших глазах и именно такие скопления воспринимаются нами как копии, некие подобию действительности. При этом символично и само название трактата Лукреция – «О природе вещей», поскольку от начала до конца эта природа иллюзорна, являя собой создания нашего сознания.

Сопоставление истинного целостного знания с гадательным предположением обнаруживается в Первом послании Коринфянам апостола Павла: «Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан» (1-е послание Коринфянам 13:12 – 1Кор 13:12).

В дальнейшем эта проблема активно разрабатывалась в рамках философии. Широко, например, известна мысль, сформулированная практически через две тысячи лет К. Марксом: «Если бы форма проявления вещей и их сущность непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишней» [16, с. 384].

Так обнаруживаются основы двух концепций – а) внешний экран, изображения на котором соблазняют, так как они привлекательнее действительности; б) экран внутри человека; экраном является сам человек, изображение реальность проецируется на него, доступа к самой реальности у человека нет.

Актуальное культурологическое воплощение разрабатываемая в произведениях Овидия и Лукреция тема получает в работах Жана Бодрийяра. Критикуя современную культуру, философ утверждает, что мир уничтожен, а кругом одни симулякры – от товаров до информации и труда. Спустя тысячелетия после античного вопрошания о реальности и её отражении глаз человека отражает даже не сгустки атомов, а их экранную копию, осуществляя таким образом двойную симуляцию.

За экраном ничего нет, «пустыня реального», как резко и саркастично заявляет это другой современный философ, Славой Жижек, утверждая не просто влияние экранного кинематографа и экранного телевидения на реальность, но замену реальности экраном: «...следует отойти от стандартного прочтения, согласно которому взрывы Всемирного торгового центра были вторжением Реального, которое разрушило нашу иллюзорную Сферу. Напротив, это до разрушения Всемирного торгового центра мы жили в нашей реальности, воспринимая ужасы третьего мира как что-то, не являющееся частью нашей социальной реальности и существующее (для нас) как призрачное видение на (телевизионном) экране, – и то, что произошло 11 сентября, есть экран фантазматического видения, вошедшего в нашу реальность. Это не реальность вошла в наши видения, а видение вошло и разрушило нашу реальность (т.е. символические координаты, определяющие наше восприятие реальности)» [9, с. 8].

Философские и культурологические рассуждения о влиянии отражения (как такового, а сегодня – экранного) реального на культурные формы, постепенно наращивая степень критики и трагичности, отмечают это влияние как неопровержимый факт. Вопрос же о трансформирующем воздействии экранного отражения на сознание, познавательные способности и психику в целом, на сегодняшний день всё ещё остается дискуссионным. Моделью перехода обсуждения из сферы «экран, влияющий на культуру» в сферу «экран, влияющий на сознание и психику» является, на наш взгляд, превращение дискус-

сии о «клиповой культуре» (Э. Тоффлер [24; 25]) в споры о «клиповом мышлении» (Ф. Гиренок [7]). Концепцией, соотносящей и связывающей экранную культуру и мышление человека экранного, является исследование М. Маклюэна [15]. Термин и понятие «клиповое мышление» были активно подхвачены аналитиками в педагогике и философии (расширенный поиск по названиям и ключевым словам статей на платформе «Научная электронная библиотека Elibraru.ru» показал 1449 публикаций), но продолжают критически, с недоверием, восприниматься в психологии. Главным аргументом оспаривания воздействия экрана на психику является, например, подобный тезис: «...мы пока до конца не можем оценить влияние цифровых медиа и гаджетов на познавательные процессы. Исследования показывают, что сами люди, как правило, неадекватно оценивают влияние медиа на собственное мышление. Даже если они считают, что есть проблемы, на самом деле реальные поведенческие тесты показывают, что никаких изменений нет. У них могут возникать проблемы с вниманием и его концентрацией, характерные для большого потока часто меняющейся информации. Но мышление тут совсем ни при чем. Чтобы изучить, как под влиянием цифровизации меняются психические процессы, необходимо поколение детей, которые родились условно «с планшетом в руках». Тогда будет сравнительная база, на основе которой можно будет делать выводы. На сегодняшний день реальных эмпирических свидетельств в пользу кардинальной перестройки познавательных процессов, которая следует за изменениями в культуре и медиа, нет» [14].

Предположим, мы не обладаем исследовательскими основаниями утверждать, что тип сознания сменился или трансформировался, превратившись в «клиповое», но при этом невозможно игнорировать уже сложившуюся культурнофилософскую гипотезу о эффектах, наблюдаемых в учебном процессе, эстетической рецепции, повседневной и профессиональной коммуникации, в перечень которых включаются:

- нелинейность восприятия,
- фрагментарность восприятия, неспособность создать целостную картину наблюдаемого,
- образность, дотекстовость мышления, преобладание визуального восприятия,

- возврат к мифологической конкретности мышления,
- возврат к принципу прецедента,
- ускорение и поверхностность мышления,
- рассеянность, гиперактивность, дефицит внимания,
- цифровая амнезия.

Результаты исследования. Процесс изменений в познавательных практиках и работе сознания интенсифицировался, с нашей точки зрения, когда экран стал индивидуальным и постоянно сопровождающим человека. Начало этому было положено в 1973 году, когда американская фирма «Моторола» представила общественности первый мобильный телефон. Еще через шесть лет корпорация «Nippon Telegraph and Telephone» запустила первую аналоговую сеть дистанционной телефонной связи. 2007 год был ознаменован появлением первого смартфона – устройства, сочетающего все удобства прежнего мобильного телефона с новыми возможностями выхода во всемирную информационную сеть Интернет из любой точки. Эмулируя все до того исторически сложившиеся формы общения человека – с природой, обществом, окружающими, с государством в целом – с недостижимыми до этого момента легкостью и удобством, это новое электронное устройство быстро вытеснило их все, и человек остался один на один с экраном смартфона, что, конечно, не могло не отразиться на его восприятии, мышлении, памяти, речи и на психике как таковой.

В частности, было замечено, что чем чаще и продолжительнее индивид прибегает к помощи своего электронного ассистента, тем сложнее ему становится обдумывать что-либо самому, особенно – обдумывать что-то сложное и требующее анализа и подключения логики. Постоянно предлагая пользователю готовые решения, смартфон тем самым приучает человека игнорировать необходимость напрягать свой собственный мыслительный аппарат. При этом также начала ухудшаться и память, как оперативная, так и долговременная, причем запоминание даже небольших объемов информации без повторного обращения к смартфону становилось все более затруднительным. То же самое было замечено и по отношению к речи – индивид стал все более охотно общаться со своими голосовыми помощниками и все менее охотно – с реальными людьми. С 2007 года прошло относи-

тельно немного времени, поэтому все еще сложно сказать, сохранил ли пользователь собственную независимость и самодостаточность в отношении экранных информационных устройств или современный полиэкранный комплекс быстро и мощно повлиял на человека, трансформировав его когнитивные способности и телесность. Это определяет насущную актуальность работы по исследованию данной проблемы.

Уже через восемь лет с момента появления первого смартфона в немецком языке возникло и закрепилось в коммуникации более чем активно используемое понятие «Smombie» – агглютинатив от «смартфон» и «зомби». С 2012 года выражение «Generation Kopf unten» (буквально «поколение с опущенной головой» (см.: [28])) стало очень популярным в Германии. В русском лексиконе для обозначения подобного феномена некоторое время назад мы ввели термин «человек экранный», по аналогии с «человеком разумным», но сегодня полагаем более корректным и мягким будет определение «человек экрана» и по аналогии с немецким «Smombie», можно сегодня на наш взгляд оперировать неологизмом «чекран».

В немецком лингвистическом таблоиде «Слово года» за 2015 г. термин «Smombie» сходу взлетел на первое место, решительно оттеснив все прочие неологизмы [29].

В естественном языке, лексико-грамматическое поле которого является творением коллективного мышления, ничего беспричинно не происходит, и в коммуникации посредством естественного языка также ничего случайно не закрепляется. Данный концепт – «Smombie» – воплотил в немецкоязычной коммуникации по совокупности наиболее впечатляющие черты внешнего облика обладателя смартфона, уткнувшегося в экран, отрешенного от всего и словно загипнотизированного экраном.

Более того, для того чтобы номинатив какого-то явления закрепился в массовой коммуникации, оно должно фактически стать не просто частотно наблюдаемым, а очень массовым, практически повсеместным. Обладатели портативных экранных гаджетов стали наткаться на стены, двери, столбы, других пешеходов, незаметно для себя забредать на проезжую часть улиц, наткаться на транспортные средства, попадать под них и что самое ужасное, становиться виновниками аварий используя свои гаджеты

находясь за рулем автомобиля. Для того чтобы хоть как-то выйти из этого положения, в Германии стали производить светофоры перед пешеходными переходами, сигнал которых загорался на уровне асфальта перед «зеброй» – то есть именно там, куда и глядел уткнувшийся в это время в экран своего смартфона «смомби» (чекран) [5]. Еще дальше продвинулись в соседней Голландии, где переключающийся сигнал находящегося вблизи светофора просто стал транслироваться на экраны смартфонов всех, кто рядом с этим светофором в момент переключения находился [1]. Перечисленные выше факты однозначно указывают на то, что общение посредством электронных устройств и непосредственно с самим гаджетом влияет на восприятие и сознание человека значительно и напрямую, переключая смомби (чекранов) на экран и поглощая их целиком [17, с. 59].

Формирующаяся зависимость человека от экрана смартфона стала все более закрепляться в рамках его индивидуального бытия, приобретая внутри него новые формы. Если страдающие от прежних традиционных форм аддиктивного поведения начинают свой день с глотка спиртного или первой утренней сигареты, то смомби (чекран), едва открыв глаза, берёт в руки смартфон, который постоянно находится во включенном состоянии. Таким образом, вместе с удобным и крайне функциональным экранным гаджетом, технологически продвинутое человечество приобрело также и новую аддикцию, что согласованно отмечается самыми различными авторами во многих исследованиях [17], [6], [27].

Укрепление связи пользователя с экраном смартфона обогатило лексикологию многих мировых языков и еще одним термином – «номофобия» – по существу означающим новый, особенный вид навязчивого страха потерять смартфон, утратить его, остаться без смартфона, пусть даже на некоторое время и на не очень удаленном расстоянии. Появление этого неологизма в большинстве современных языков напрямую указывает на явный и отчетливый характер феномена возникновения огромного собственного мира индивида внутри виртуального пространства принадлежащего ему электронного устройства, утрата связи с которым пусть даже на некоторое время воспринимается этим индивидом на эмоциональном и когнитивном уровне как катастрофа [3, с. 439]. В свою очередь, это означает, что сама по себе индивидуальная значимость возможности немедленно-

го доступа к виртуальной реальности смартфона приобрела для его обладателя экзистенциальный характер, а сам этот гаджет стал неотъемлемой частью жизни современного человека – *pars modi vivendi* («часть образа жизни» – лат.).

Продолжает ли современный человек оставаться человеком после изъятия у него смартфона или уже нет, и только потому, что из-под его сознания и восприятия выдернули «ментальные костыли», которыми стал для чекрана экран портативного устройства? К сожалению, возможность однозначного ответа на этот вопрос уже упущена, поскольку, по данным тех же публикаций [3, с. 439], эмоционально отягощенной номофобией (вплоть до возникновения состояния некомпенсированного аффекта при внезапно обнаруженной утрате гаджета) уже страдают каждые двое из пяти обладателей смартфонов, и с течением времени это процент обнаруживает тенденцию к увеличению. Иными словами – утрачивая смартфон, эти люди людьми в определенном смысле быть уже перестают, сами заявляя о себе, что «без своего смартфона я – не человек».

Всего за одно десятилетие количество пользователей смартфонов возросло на 566% [22], и колоссальная динамика этих темпов не есть заслуга изготовителей только аппаратной части этих устройств. Стремительные темпы роста численности потенциальных смомби (чекранов) обеспечиваются также усилиями самых многочисленных и разнообразных разработчиков соответствующего непрерывно совершенствующемуся техническому уровню носимых устройств прикладного программного обеспечения – сервисов, платформ доступа, виртуальных игр, социальных сетей, электронных маркетплейсов и т.п. Не выпуская из рук смартфон, один на один с экраном, современный человек может решать такое количество самых разнообразных задач и программировать такие сценарии реализации и самореализации своего собственного бытия, которые человек «до-смартфонной» эпохи мог видеть только в фантастических фильмах. Однако этот невиданный прогресс последнего десятилетия обрел и свою иную, негативную сторону: появилось и стало подрастать целое поколение, которое, с одной стороны, вне контакта со смартфоном не мыслит своего собственного существования в этой жизни вообще и, во-вторых, само по себе вне

этого же контакта не умеет делать практически ничего. Из «расширения» современного человека экран смартфона незаметно, но стремительно превращается в его «протез» ментально-операционного плана [26, с. 62], за отсутствием которого его сознание и восприятие, а вслед за ними – также и преобразующая деятельность человека (продолжая ту же мысль) – инвалидируются, утрачивая тем самым не только свою эффективность, но и широту спектра доступных им возможностей [10, с. 119].

К сожалению, столь массивное внедрение в общий план человеческой экзистенции не смогло обойти стороной и ее аксиологическую сторону – в частности, вопросы и проблемы интерсубъективности в сфере доверия. Отягощенный наличием бесстрастного и бескорыстного электронного помощника, современный человек во все меньшей степени доверяет окружающим его, и во все большей степени – экрану гаджета, что и провоцирует возникновение мошенничества и различных видов обмана в информационном пространстве. Однако факт остается фактом: среднестатистический смомби (чекран) более склонен доверять экрану смартфона, нежели реальному собеседнику [18, с. 29].

Такое изменение перечня возможных контр-агентов общения современного человека при масштабировании неизбежно отражается и на характере социума, членом которого он является: общество становится все более «сетевым», поскольку смещение львиной доли социальных интеракций самого разнообразного плана в виртуальное пространство сомнений не вызывает. Традиционная почта и бумажные носители во все большей степени примеряют на себя роль исторически отходящего антуража, поскольку современный смомби (чекран) читает с экрана смартфона сообщения и пересылает через него же. Это, безусловно, очень удобно, и экономит время, но существенно обедняемое актами реального взаимодействия с другим живым человеком, индивидуальное восприятие начинает во все большей степени деформироваться относительно эволюционно «вшитых» в него эмоциональных констант – смомби (чекраны) прогрессирующе утрачивают способность к антипатии, симпатии, эмпатии, поскольку для них остается возможность демонстрировать все вышеперечисленное только по отношению к виртуальным никам и аватарам, заселяющим виртуальное

пространство экрана. С точки зрения теории и практики психологии социального взаимодействия, все это имеет далеко идущие и крайне негативные последствия – привыкшее к клипам и тэгам восприятие смомби (чекрана) утрачивает способность чтения и понимания не только бумажной книги, но и, что несопоставимо более трагично, способность «читать» другого человека, словно книгу, поскольку на экране смартфона за виртуальным означающим разобрать реальное означаемое часто нет просто никакой возможности [27, с. 11].

Исходя из концепции «гиперпотребления» Ж. Бодрийяра [4], нельзя не согласиться с утверждением, что нет и не будет в окружении человека ничего такого, чем он не смог бы злоупотреблять, и смартфон в этом же отношении не имеет ни одной возможности стать исключением.

Согласно социологическим опросам [20], все больший процент населения приносят свои смартфоны в спальню, что дает основание утверждать, что гаджеты вторгаются не только в социальную сферу нашей жизни, но и в ее интимную составляющую часть. Подтверждение тому и исследования мобильных потребительских привычек [19], проведенные в 2013 году. В частности, стало известно, что 12% пользователей не расстаются со своими любимыми устройствами даже в душе. Еще более тревожным оказался другой показатель. Согласно исследованиям британских OnePoll и SecurEnvoy [21], сегодня уже 41% опрошенных чувствует, о чем уже было упомянуто, тревожность и не контролирует себя, когда они далеко от своих смартфонов или планшетов. При этом 51% респондентов признались в том, что они испытывают состояние паники в случае, если их смарт-друг не находится поблизости. Подобное, вызывающее у людей страдание, состояние являет собой «синдром постоянного нахождения онлайн».

Влияние постоянного замыкания всей сферы восприятия внутрь экрана смартфона на формирующуюся детскую психику заслуживает, без сомнения, отдельного исследования. Что же касается взрослых, то время, когда вслед обществу анонимных наркоманов и алкоголиков должны естественным образом последовать об-

щества анонимных гаджетоманов, по всей видимости, уже не за горами.

Однако все это только практическая сторона вопроса, которая при отсутствии направляющей практику теории будет долго блуждать в поисках решений. Обнаруживающая явно междисциплинарный, комплексно-антропологический характер, проблема возникновения и закрепления исключительной по силе зависимости человека от экрана мобильных электронных устройств должна стать объектом исследования и быть проанализирована со стороны философии сознания, физиологии высшей нервной деятельности и отдельных высших психических функций, психологии общения и коммуникации, социологии неформальных групп и субкультур, складывающихся в виртуальной среде, культурологии.

Выводы.

1. Наряду с удобством использования смартфон смог очень быстро заменить, а затем и вытеснить исторически сложившиеся формы человеческого общения, оставив тем самым индивиду себя в качестве единственного собеседника, что не могло не отразиться негативно на психике человека.

2. Уровень поглощенности и охваченности восприятия и мышления человека экраном смартфона представляет настолько явную угрозу его не только психическому, но и физическому здоровью, что это заставляет ряд стран организованно принять специальные меры по защите здоровья пользователей.

3. Первоначально созданный для экономии времени и других ресурсов человека, в настоящее время смартфон фактически превратился в его «протез» ментально-операционального характера, тем самым лишив человека многих прежних самостоятельных навыков.

4. Проблема влияния мобильных электронных устройств на восприятие и мышление в настоящее время трансформировалась в проблему зависимости от данных устройств, что стало представлять реальную угрозу процессу естественной трансляции необходимых форм значимого социокультурного опыта от поколения к поколению.

1. Агеев, А. В Нидерландах создан светофор для пешеходов, «уткнувшихся» в смартфон [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.techcult.ru/mobile/4001-lightline> (дата обращения: 25.08.2022).
2. Березовская, И. П. Проблема методологического обоснования концепта "клиповое мышление" // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. – 2015. – № 2 (220). – С. 133 – 138.

3. Бовэ, С. О., Горягин Р. А. О влиянии гаджетов на когнитивное развитие личности: генезис, история и последствия проблемы // Проблемы современного педагогического образования. – 2019. – № 12. – С. 439 – 441.
4. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть – Москва: Рипол Классик, 2021, – 512 с.
5. В Германии появились специальные наземные светофоры для тех, кто не может оторваться от смартфона – Код доступа URL: <https://www.ixbt.com/news/2016/04/27/v-germanii-pojavilis-specialnye-nazemnye-svetofory-dlja-teh-kto-ne-mozhet-otorvatsja-ot-smartfona.html> (Дата обращения: 25.08.2022).
6. Водяха, С. А. Влияние гаджетов на развитие интеллектуально-когнитивных способностей обучающихся – Код доступа URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1661499916&tld=ru&lang=ru&name=Vodjakha_Vlijanie_gadzhetov.pdf&text=3D1 (Дата обращения: 26.08.2022).
7. Гиренок, Ф. И. Клиповое сознание. – Москва: Академический проект, 2014. – 249 с.
8. Григорьев, С. Л. Симуляции коммуникативного в экранной культуре // Коммуникология. – 2022. – Т. 10. – № 1. – С. 120-128.
9. Жижек, С. Добро пожаловать в пустыню Реального. – Москва: Фонд «Прагматика культуры», 2002. – 160 с.
10. Захаркина, Т. Н., Исакова, И. А. Гаджетизация: эффекты влияния на общественные процессы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2019. – № 3 (55). – С. 115-121.
11. Клиповое мышление: чем отличаются «люди экрана» от «людей книги»? [Электронный ресурс]. – URL: <https://monocler.ru/klipovoe-myishlenie/>
12. Купчинская, М. А., Юдалевич, Н. В. Клиповое мышление как феномен современного общества // Бизнес-образование в экономике знаний. – 2019. – №3 (14). – С. 66 – 71.
13. Курашинова, А. Х., Гаджетомания и проблемы развития личности. Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – Том. 8. № 5. Часть 1. – С.180-182.
14. Логинов, Н. Клиповое мышление: психический процесс, которого не существует. [Электронный ресурс]. – URL: <https://postnauka.ru/longreads/156614>
15. Маклюэн, Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; Закл. ст. М. Вавилова. – Москва: Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. – 464 с.
16. Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения. Издание второе. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1962. Т. 25, ч. 2.
17. Матвеева, М. В. Влияние гаджетов на развитие памяти у младших школьников // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Педагогика. Психология. Философия. – 2021. – № 2(22). – С. 54 – 63.
18. Морозова, Л. Л. Синдром постоянного нахождения онлайн или как гаджеты изменили нашу жизнь // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2016. – №1. – С. 25 – 30.
19. Опрос 2013 Mobile Consumer Habits (link is external) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.zdnet.com/article/phone-sex-using-our-smartphones-from-the-shower-to-the-sack/> (дата обращения: 22.08.22)
20. Опрос OnePoll и SecurEnvoy «Nomophobia continues to sweep the US» [Электронный ресурс] URL: <https://www.securenvoy.com/blog/2012/02/16/66-of-the-population-suffer-fromnomophobia-the-fear-of-being-without-their-phone/> (дата обращения: 23.08.22)
21. Опрос Versapak [Электронный ресурс] URL: <http://www.thedrum.com/news/2013/07/11/over-half-brits-suffer-extreme-tech-anxiety-whenseparated-smartphones> (дата обращения: 22.08.22)
22. Отрывок из книги «Со всеми и ни с кем». Конец уединения: что отнимает у человека смартфон. – URL: <https://special.theoryandpractice.ru/smartphone/> (дата обращения: 22.08.22)
23. Саенко, Н. Р., Щеглов, И. В. Процедуры "вживления" экрана в бытие современного человека // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2012. – № 4(33). – С. 275-282.
24. Тоффлер, Э. Шок будущего = Future Shock, 1970. – М.: АСТ, 2008. – 560 с.
25. Тоффлер, Э. Третья волна = The Third Wave, 1980. – М.: АСТ, 2010. – 784 с.
26. Ямпольский, М. Экран как антропологический протез // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 2(114). – С. 61-74.
27. Adrian, F. Ward, Kristen Duke, Ayelet Gneezy, Maarten W. Bos. Brain Drain: The Mere Presence of One's Own Smartphone Reduces Available Cognitive Capacity. Journal of the Association for Consumer Research, – 2017; – 2 (2): 140.
28. "Generation-Kopf-unten-Wie-einsam-macht-das-Smartphone". – URL: https://www.welt.de/newsticker/dpa_nt/infoline_nt/boulevard_nt/article127898591/Generation-Kopf-unten-Wie-einsammacht-das-Smartphone.html (Accessed 22.08.2022).
29. Jugendwort_des_Jahres_(Deutschland). – URL: [https://de.wikipedia.org/wiki/Jugendwort_des_Jahres_\(Deutschland\)](https://de.wikipedia.org/wiki/Jugendwort_des_Jahres_(Deutschland)) (Accessed: 25.08.2022).

PSYCHOPHYSICAL EFFECTS OF ACTIVE USE OF TECHNICAL MEANS OF ON-SCREEN COMMUNICATION

© 2022 S.L. Grigoryev

*Sergey L. Grigoryev, PhD in Philosophy,
Associate Professor of the Department of Philosophy*

ORCID: 0000-0001-9143-0636

E-mail: grigoryevdiss@gmail.com

Russian State Agrarian University - Moscow Timiryazev Agricultural Academy
named after K.A. Timiryazev
Moscow, Russia

The article considers a number of new views on the features of human interaction with virtual space through the screen of a mobile electronic device used as a means of communication and a means of access to the world Wide Web. Special attention is paid to the influence on the perception and consciousness of the user of the factors of the availability and possibility of accessing the device, as well as the analysis of functions such as informing, referencing, assisting. According to the results of the study, the features of changes occurring in the field of perception and subsequent processing of information are identified and analyzed, the results of which often become a progressive reduction of the abilities and skills of the individual associated with its main higher mental functions. In conclusion, the paradox of the emergence of a new type of addiction is considered, which is based on the pathological dependence of the user on his gadget, the pathopsychology of this phenomenon and its possible causes are investigated.

Keywords: screen culture, thinking, memory, addictive behavior, clip thinking, screen person, digital amnesia

DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-86-42-50

1. Ageev, A. V. Niderlandax sozdan svetofor dlya peshexodov, «utknuvshixsya» v smartfon (In the Netherlands, a traffic light has been created for pedestrians "stuck" in a smartphone). – URL: <https://www.techcult.ru/mobile/4001-lightline> (Data obrashheniya: 25.08.2022).
2. Berezovskaya, I. P. Problema metodologicheskogo obosnovaniya koncepta "klipovoe my'shlenie" (The problem of methodological substantiation of the concept "clip thinking") // Nauchno-texnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politexnicheskogo universiteta. Gumanitarny'e i obshchestvenny'e nauki. – 2015. – № 2 (220). – S. 133 – 138.
3. Bove, S. O., Goryagin R. A. O vliyaniy gadzhetov na kognitivnoe razvitie lichnosti: genezis, istoriya i posledstviya problemy (On the influence of gadgets on the cognitive development of personality: genesis, history and consequences of the problem) // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. – 2019. – № 12. – S. 439 – 441.
4. Bodriyar, Zh. Simvolicheskij obmen i smert' (Symbolic exchange and death) – Moskva: Ripol Klassik, 2021, – 512 s.
5. V Germanii poyavilis' special'ny'e nazemny'e svetofory dlya tex, kto ne mozhet otorvat'sya ot smartfona (In Germany, there are special ground traffic lights for those who cannot tear themselves away from their smartphone) – Kod dostupa URL: <https://www.ixbt.com/news/2016/04/27/v-germanii-pojavilis-specialnye-nazemnye-svetofory-dlja-teh-kto-ne-mozhet-otorvatsja-ot-smartfona.html> (Data obrashheniya: 25.08.2022).
6. Vodyaxa, S. A. Vliyanie gadzhetov na razvitie intellektual'no-kognitivny'x sposobnostej obuchayushhixsya (The influence of gadgets on the development of intellectual and cognitive abilities of students). – URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1661499916&tld=ru&lang=ru&name=Vodjakha_Vliyanie_gadzhetov.pdf&text=3D1 (Data obrashheniya: 26.08.2022).
7. Girenok, F. I. Klipovoe soznanie (Clip consciousness). – Moskva: Akademicheskij proekt, 2014. – 249 s.
8. Grigor'ev, S. L. Simulyacii kommunikativnogo v e'kranno kul'ture (Simulations of the communicative in screen culture) // Kommunikologiya. – 2022. – T. 10. – № 1. – S. 120-128.
9. Zhizhek, S. Dobro pozhalovat' v pustynyu Real'nogo (Welcome to the desert of the Real). – Moskva: Fond «Pragmatika kul'tury», 2002. – 160 s.
10. Zaxarkina, T. N., Isakova, I. A. Gadzhelizatsiya: e'ffekty vliyaniya na obshchestvenny'e processy (Gadgetization: effects of influence on social processes) // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Social'ny'e nauki. – 2019. – № 3 (55). – S. 115-121.
11. Klipovoe my'shlenie: chem otlichayutsya «lyudi e'krana» ot «lyudej knigi»? (Clip thinking: what is the difference between "screen people" and "book people"?) [Elektronny'j resurs]. – URL: <https://monocler.ru/klipovoe-myishlenie/>
12. Kupchinskaya, M. A., Yudalevich, N. V. Klipovoe my'shlenie kak fenomen sovremennogo obshchestva (Clip thinking as a phenomenon of modern society) // Biznes-obrazovanie v e'konomike znaniy. – 2019. – №3 (14). – S. 66 – 71.

13. Kurashinova, A. X., Gadzhedomaniya i problemy` razvitiya lichnosti. Istoricheskaya i social`no-obrazovatel`naya my`sl` (Gadgetomania and problems of personality development. Historical and socio-educational thought). – 2016. – Tom. 8. № 5. Chast` 1. – S. 180-182.
14. Loginov, N. Klipovoe my`shlenie: psicheskij process, kotorogo ne sushhestvuet (Clip thinking: a mental process that does not exist). [E`lektronny`j resurs] URL: <https://postnauka.ru/longreads/156614>
15. Maklyue`n, G. M. Ponimanie Media: Vneshnie rasshireniya cheloveka (Understanding Media: External extensions of a person) / Per. s angl. V. Nikolaeva; Zakl. st. M. Vavilova. – Moskva: Zhukovskij: «KANON-press-Cz», «Kuchkovo pole», 2003. – 464 s.
16. Marks, K., E`ngel`s, F. Sochineniya (Essays). Izdanie vtoroe. – Moskva: Gosudarstvennoe izdatel`stvo politicheskoy literatury`, 1962. T. 25, ch. 2.
17. Matveeva, M. V. Vliyanie gadzhetov na razvitie pamyati u mladshix shkol`nikov (The influence of gadgets on memory development in younger schoolchildren) // Vestnik Severo-Vostochnogo federal`nogo universiteta im. M. K. Ammosova. Seriya: Pedagogika. Psixologiya. Filosofiya. – 2021. – № 2(22). – S. 54 – 63.
18. Morozova, L. L. Sindrom postoyannogo naxozhdeniya onlajn ili kak gadzhety` izmenili nashu zhizn` (The syndrome of constant online presence or how gadgets have changed our lives) // Mezhdunarodny`j zhurnal gumanitarny`x i estestvenny`x nauk. – 2016. – №1. – S. 25 – 30.
19. Opros 2013 Mobile Consumer Habits (link is external) [E`lektronny`j resurs]. – URL: <http://www.zdnet.com/article/phone-sex-using-our-smartphones-from-the-shower-to-the-sack/> (data obrashheniya: 22.08.22)
20. Opros OnePoll i SecurEnvoy «Nomophobia continues to sweep the US» [E`lektronny`j resurs]. – URL: <https://www.securenvoy.com/blog/2012/02/16/66-of-the-population-suffer-fromnomophobia-the-fear-of-being-without-their-phone/> (data obrashheniya: 23.08.22)
21. Opros Versapak [E`lektronny`j resurs]. – URL: <http://www.thedrum.com/news/2013/07/11/over-half-brits-suffer-extreme-tech-anxiety-whenseparated-smartphones> (data obrashheniya: 22.08.22)
22. Otry`vok iz knigi «So vsemi i ni s kem». Konecz uedineniya: chto otnimaet u cheloveka smartfon (Excerpt from the book "With everyone and with no one". The End of Privacy: what takes away a person's smartphone). – URL: <https://special.theoryandpractice.ru/smartphone/> (data obrashheniya: 22.08.22)
23. Saenko, N. R., Shheglov, I. V. Procedury` "vzhivleniya" e`krana v by`tie sovremennogo cheloveka (Procedures for "implanting" the screen into the being of a modern person) // Kaspijskij region: politika, e`konomika, kul`tura. – 2012. – № 4(33). – S. 275-282.
24. Toffler, E`. Shok budushhego = Future Shock, 1970. – Moskva: AST, 2008. – 560 s.
25. Toffler, E`. Tret`ya volna = The Third Wave, 1980. – Moskva: AST, 2010. – 784 s.
26. Yampol`skij, M. E`kran kak antropologicheskij protez (The screen as an anthropological prosthesis) // Novoe literaturnoe obozrenie. – 2012. – № 2(114). – S. 61-74.
27. Adrian, F. Ward, Kristen Duke, Ayelet Gneezy, Maarten W. Bos. Brain Drain: The Mere Presence of One's Own Smartphone Reduces Available Cognitive Capacity. Journal of the Association for Consumer Research, – 2017; – 2 (2): 140.
28. "Generation-Kopf-unten-Wie-einsam-macht-das-Smartphone", available at: https://www.welt.de/newsticker/dpa_nt/infoline_nt/boulevard_nt/article127898591/Generation-Kopf-unten-Wie-einsammacht-das-Smartphone.html (Accessed 22.08.2022).
29. Jugendwort_des_Jahres_(Deutschland). – URL: [https://de.wikipedia.org/wiki/Jugendwort_des_Jahres_\(Deutschland\)](https://de.wikipedia.org/wiki/Jugendwort_des_Jahres_(Deutschland)) (Accessed: 25.08.2022).

УДК 008.009:39 (Цивилизация. Культура. Прогресс / Национальная идентичность
и взаимодействие культур)

МИФОЛОГЕМА ПУТИ В ПОЭТИЧЕСКОЙ КНИГЕ А. ОРЛОВА «ОЖИВШЕЕ СОЛНЦЕ»: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

© 2022 М.А. Дударева¹, Д.А. Арипова²

*Дударева Марианна Андреевна, кандидат филологических наук,
доктор культурологии,*

*доцент кафедры русского языка № 2 Института русского языка,
заведующий отделом литературоведения и межкультурной коммуникации*

E-mail: marianna.galieva@yandex.ru

*Арипова Дарья Андреевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой
иностранных языков № 2 Института лингвистики и межкультурной коммуникации*

E-mail: aripovad@mail.ru

¹Российский университет дружбы народов
Москва, Россия

²Иркутский национальный исследовательский технический университет
Иркутск, Россия

Статья поступила в редакцию 09.09.2022

Объектом статьи выступает мифологема пути, которая является доминантной для русской традиционной и словесной культуры. Предмет исследования – вариации бинома путь-дорога в современной поэзии. Материалом для статьи служит новая поэтическая книга современного литератора А. Орлова «Ожившее солнце». В центре культурфилософского и онтогерменевтического анализа — взаимодействие феноменального и ноуменального, рационального и метафизического в поэзии. Большое внимание уделяется проблеме метафизики творчества, его апофатической стороне в русском космо-психо-логосе, что имеет большое значение для понимания онтологических вопросов творчества писателей. Методология исследования сводится к целостному онтогерменевтическому анализу, направленному на высвечивание культурного потенциала данной поэтической книги, изучение аксиологической и онтологической ценности мифологемы пути в современной словесной культуре. Большое внимание уделяется сопоставлению стихотворений внутри книги, анализу ее структуры, а также национальной топике, географии русской равнины, без разговора о которых невозможно целостно воспринимать русскую литературу. Результаты работы могут быть интересны историкам литературы, включающим литературу в пространство большого диалога культур, а также могут быть использованы в преподавании курсов по культурологии, русской философии. *Ключевые слова:* современная русская культура и литература, апофатика, архетип, мифологема, сакральный текст культуры, творчество А. Орлова

DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-86-51-56

Введение. Для русского космо-психо-логоса, по меткому наблюдению культуролога Г.Д. Гачева, одной из основных доминант является наша путь-дорога, символизирующая постоянное движение за календарь (см. цветаевское из поэмы «Автобус»), «от порога в бесконечность по горизонтали равнины» [2, с. 27]. Это своего рода *культурологическое априори*, которое нельзя понять рационально, поскольку наше поле, равнина по своей природе географичны. В.П. Океанский пишет об апофатике русской равнины: «Бескрайняя равнина — жестовое указание на со-присутствие за-предельности, оптическая распахнутость и вместе с тем световая матрица непрístupной

ночи. Можно говорить о своеобразной географии русского ландшафта, о “естественном” апофатизме равнины...” [7, с. 241]. Онтологически важен момент трансформации дороги в путь. Так, в стихотворении А.С. Пушкина «Зимняя дорога» это выразительно представлено, когда зимняя дорога превращается в санный предсмертный путь героя (в конце стихотворения появляется лексема «путь», а символически, онтологически также становится значимым молчание ямщика на этом пути [3; 8]). Такие культурологические априори составляют *ноуменальную сферу* русской словесности. Исследователи Д.К. и Л.В. Богатыревы так описывают этот процесс в культуре:

культурные универсалии «выступают по отношению к конкретным культурным практикам в качестве своего рода априорных условий, хотя это *a priori* не логические, а культурологические» [1, с. 250], их можно постичь ноуменально, на уровне высокой идеи. В этой связи можно говорить даже не о мифологеме пути, а шире — об эйдологии поиска «иного царства» в русской культуре, который характерен и для волшебной сказки (сюжет путешествия в «иное царство»), и для поэзии, чье художественное бытие инспирировала фольклорная традиция.

История вопроса. В русском варианте логоцентризма поэт всегда энтелехийно причастен другим эпохам. Художественное авторское слово генетически связано с устным народным творчеством. По меткому наблюдению литературоведа М.Ч. Ларионовой, в России среди больших художников слова нет нефольклорных писателей (см. подробнее размышления ученого о прозе реалиста А.П. Чехова [5, с. 287]). Современная поэзия, несмотря на свою экспериментальность, некоторый постмодернистский характер, все-таки тоже существует в лоне русской поэтической традиции, и, кажется, в первую очередь эстетики и поэтики Серебряного века. Это вполне объяснимо

эзотически: последние представители некалендарного XX в., А. Ахматова и Б. Пастернак, умерли в 1960-е годы. Онтологически нам еще близко это время, культура начала минувшего века.

Методы исследования. Изучение мифологемы пути в русской словесной культуре, под которой мы понимаем синтез фольклора и литературы, требует онтогерменевтического подхода, целостного анализа художественного произведения, которое создается и существует в пределах национальной топики, космо-психо-логоса: важны география пространства (бином путь-дорога), фольклорная традиция, имплицитно и эксплицитно проявляющаяся в данном случае в творчестве современных писателей.

Результаты исследования. Новая книга современного русского поэта А. Орлова «Ожившее солнце» получила ряд откликов от маститых литераторов в критике (В. Петров, В. Кирюшин), в которых единогласно отмечается устремленность лирического героя в прошлое, оказывающееся энергообразующим, стрекчеобразующим для всего сборника [10]. Книга открывается стихотворением, для которого важен архетип пути-дороги:

Я говорил в тиши с пустой дорогой,
Что есть во мне, и в ней, и в нас двоих.
Она казалась мне вдовой убогой,
Деливший всех на мертвых и живых. [9, с. 11]

Дорога всегда потенциально опасный топос, поскольку соединяет мир живых и *тот свет*. Однако лирический герой не боится следовать этой дорогой, превращающейся для него в путь:

И я по ней иду — и шаг за шагом
Растрчиваю время, а потом
За лесом, за полями, за оврагом
Исчезну на рассвете вековом. [9, с. 11]

Здесь поэт тоже архетипически и даже этнографически точен. По наблюдениям фольклориста С.Ю. Неклюдова, в русском фольклоре край леса, поля и т. д. является потенциально опасным местом, пограничным [6]. В этом стихотворении

трижды выделена эта граница — за лесом, за полем, за оврагом, то есть за *пределом* видимого.

В стихах А. Орлова встречаем много глаголов движения, неуклонно направленного на поиск «иного царства». Так, во втором стихотворении сборника наблюдаем:

И я шел напролом по неровностям луж,
Не терпел сам к себе оговорок.
И меня осуждала пытливая глушь
Под присмотром волков и тетерок. [9, с. 12]

Интересно с архетипической точки зрения то, что лирический герой следует своему инициационному пути и днем, и ночью в любое время года:

Разделять с ним священные яви,
Доверять ему звездные сны
И молиться в столетней дубраве,
Где слова преподобных слышны?
Что он может? Он краток и мелок,
И в слезах его мой дождевик...
И в грушовой тиши скороспелок
Он к траве, не прощаясь, преник.
Наши с ним разойдутся дороги,
Он забудет о встрече со мной.
Впереди будут ждать солнцепеки
И языческий дух колдовской. [9, с. 16]

Этот путь сопровождают и ветер, и дождь, и засуха, и снег (ср. с пушкинской зимней дорогой и поисками сказочного героя царевича Елисея, которому помогают разные стихи и светила):

Мне досталась ты задарма
Без торговли, грызни, вопросов.
Ты теперь — лишь моя зима,
От снежинок и до торосов. [9, с. 79]

По законам ритуальной логики, инициационный путь, поиск «инога царства», всегда связан с обретением или сакральных знаний, или вещей невесты, или волшебного предмета. Середину этого пути знаменует мировая ось, мировая гора, к которой стремится культурный герой. Что же ищет лирический герой книги А. Орлова?

Название сборника «Ожившее солнце» весьма показательно, семантически заряжено: солнце

для русского человека выступало главной доминантой в архаической культуре, что выразилось в обрядовом комплексе космического годового цикла, символах коловорота. Но знаменательно то, что большинство ударных стихотворений книги посвящено зиме, преодолению зимних дней. Сердцевину поэтического сборника, на наш взгляд, составляет стихотворение «В полях горит великая звезда...», расположенное после «Ростепели»:

Прощенье я услышу, но когда?
Мне кажется, во тьме неугасимо
Горит звезда, и звуков чистота
Исходит от полета Серафима.
Откроют в полночь райские врата —
И я увижу Господа Живого,
И ангелов. И, под рукой Христа,
Сидящего на облаке Рубцова. [9, с. 80]

Здесь проявляется энтелехийное начало поэзии А. Орлова, для которого поэзия соединяет прошлое и настоящее, является той звездой, солнцем, освещающим путь художника. В этом отношении показательно на типологическом уровне творчество А. Галича, у которого в известном цыганском романсе А. Блок как Бог. У А. Орлова Рубцов как Христос сидит на облаках и ждет своих собратьев по перу в небесной канцелярии.

Прием не новый в литературе, но дело здесь не столько в фонетической игре, сколько в отношении самого поэта к искусству слова. Поэзия, по меткому наблюдению В.В. Кожина, соединяет мир дольний и горний, как бы прошивая наше бытие и инобытие: «...поэзия же схватывает то органическое единство внешнего и внутреннего, в котором и осуществлены живая жизнь и живой

смысл явления, уходящие корнями в бесконечность Вселенной» [4, с. 83]. Конечно, образ солнца трансформировался в современной поэзии, и это неудивительно, поскольку сегодня люди становятся все больше метафизически отрешенными,

И солнца луч мертворожден,
И холод нагнетает пытки.
И все же требует подпитки
Листва, спадающая с крон. [9, с. 106]

Однако заканчивается мифологический путь героя новой книги А. Орлова все-таки спасением, итогом которого становится прорыв от тьмы к свету, который характерен и для русской волшебной сказки, и для поэтической традиции XIX в.:

Вокруг — движенье новых рас,
И время строит казематы.
И смерти крепкие обхваты
Знакомы нам не в первый раз —
Нас поджидает час расплаты.
Но, силы обретая в храме,
В объятьях многоликих свеч,
Мир предстает — широкоплеч...
И слышно, как над всеми нами
Царит Желаящий сбересть. [9, с. 130]

Выводы. Мифологема пути является стержневой для русского космо-психо-логоса. В русской сказке истинный путь перед героем открывается, когда он находится в пороговой ситуации и истинно ищет волшебный предмет, чудесную невесту и т. д. Этот путь связан с жизненным циклом человека, он пролегает между жизнью и смертью. Современная русская литература не порвала связей с традициями, и в ней также мифологема пути является доминантной. Показательна в этом отношении поэтическая книга А. Орлова «Ожившее солнце», в которой лирический герой странствует по всем сезонам, наблюдая то зимние, то летние

трансцендентное отношение к бытию угасает. Солнце может быть и черным, как у М.А. Шолохова, И.С. Шмелева, и вчерашним, как у О. Мандельштама, и мертвым, как у А. Орлова:

картины русской природы, *следуя за солнцем*. У поэта образ солнца, то мертвого, холодного, то живого, также связан с мифологемой пути. Можно поставить вопрос в ритуальном плане о коловороте, о хороводном движении, которое в стихах А. Орлова захватывает всех, кто оказывается на пути лирического героя, — в этом проявляется соборность русской культуры. Через призму фольклорной традиции и герменевтику архаической русской культуры мы иначе смотрим на современную поэзию, в которой выразилась вертикальная трансмиссия культуры.

1. Богатырев, Д. К., Богатырева, Л. В. Ноумен русской классики // Вестник Русской христианской академии. — 2017. — Т. 18. — Вып. 3. — С. 245–263.
2. Гачев, Г. Д. Ментальности народов мира. — М.: Алгоритм; Эксмо, 2008. — 544 с.
3. Дударева, М. А. Апофатическая реальность в стихотворении А.С. Пушкина Зимняя дорога: образ идеальной возлюбленной // Культура и цивилизация. — 2020. — Т. 10, № 3А. — С. 213–221.
4. Кожин, В. В. Стихи и поэзия. — М.: Сов. Рос., 1980. — 304 с.
5. Ларионова, М. Ч. Архетипическая парадигма: миф, сказка, обряд в русской литературе XIX века: дис. ... д-ра филол. наук. — Таганрог, 2006.
6. Неклюдов, С. Ю. Образы потустороннего мира в народных верованиях и традиционной словесности [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov8.htm> (дата обращения: 09.09.2022).
7. Океанский, В. П. Человек и тотальность: поэтика пространства и ее кризис. — Иваново: ШГПУ, 2010. — 358 с.

8. Океанский, В. П., Океанская, Ж. Л. «Млечная дорога» — от Пушкина к Бальмонту // Солнечная пряжа: научно-популярный и литературно-художественный альманах. — Шуя: Издательство Шуйского филиала ИвГУ, 2020. — Вып. 14. — С. 16–22.
9. Орлов, А. Ожившее солнце. — Воронеж: Воронежская областная типография, 2022. — 144 с.
10. Петров, В. Небом призванный ловец [Электронный ресурс] // Независимая газета. — 2022. — 29 июня. — URL: https://www.ng.ru/ng_exlibris/2022-06-29/15_1132_sky.html (дата обращения: 09.09.2022).

THE MYTHOLOGEME OF PATH IN A. ORLOV'S POETIC BOOK "THE RESURGENT SUN": A CULTUROLOGICAL COMMENTARY

© 2022 M.A. Dudareva¹, D.A. Aripova²

*Marianna A. Dudareva, PhD in Philology, Doctor of Culturology,
docent of the Department of Russian language no. 2
of the Institute of the Russian language
E-mail: marianna.galieva@yandex.ru*

*Daria A. Aripova, Candidate of Philology, Associate Professor,
Head of the Department of Foreign Languages № 2
E-mail: aripovad@mail.ru*

¹Peoples' Friendship University of Russia
Moscow, Russia

²Irkutsk National Research Technical University
Irkutsk, Russia

The object of the article is the mythologeme of path which is dominant in Russian traditional and verbal culture. The subject of the research is the variations of the path-road binomial in modern poetry. The material for the article is represented by a new book of poetry by a contemporary writer A. Orlov "The Revived Sun". The focus of the culturological-philosophical and ontological-hermeneutical analysis is the interaction of the phenomenal and noumenal, rational and metaphysical in poetry. Much attention is paid to the problem of metaphysics of creativity, its apophatic aspect in the Russian cosmo-psycho-logos, which is of great importance for understanding the ontological issues of writers' creative work. The methodology of the research is mainly represented by the holistic ontological-hermeneutical analysis aimed at highlighting the cultural potential of the given poetic book, the study of axiological and ontological value of the mythologeme of path in modern verbal culture. Much attention is paid to the comparison of poems within the book, the analysis of its structure as well as the national specifics and the geography of Russian plain which can not be ignored, when talking of Russian literature and perceiving it holistically. The results of the present research may be of interest to literary historians who include literature in the space of a great dialogue of cultures and may also be used in teaching courses on culturology and Russian philosophy.

Keywords: contemporary Russian culture and literature, apophaticism, archetype, mythologeme, sacred text of culture, A. Orlov's creative work

DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-86-51-56

1. Bogatyrev, D. K., Bogatyreva, L. V. Noumen russkoj klassiki (Noumenon of Russian classics). Vestnik Russkoj hristianskoj akademii. — 2017. — T. 18. — Vyp. 3. — S. 245–263.
2. Gachev, G. D. Mental'nosti narodov mira (Mentality of the peoples of the world). — M.: Algoritm; Jeksmo, 2008. — 544 s.
3. Dudareva, M. A. Apofaticheskaja real'nost' v stihotvorenii A.S. Pushkina Zimnjaja doroga: obraz ideal'noj vozljublennoj (Apophatic reality in the poem by A.S. Pushkin's «Winter Road»: the Image of an Ideal Beloved) // Kul'tura i civilizacija. — 2020. — T. 10, № 3A. — S. 213–221.
4. Kozhinov, V. V. Stihi i poezija (Verses and poetry). — M.: Sov. Ros., 1980. — 304 s.
5. Larionova, M. Ch. Arhetipicheskaja paradigma: mif, skazka, obrjad v russkoj literature XIX veka (Archetypal paradigm: myth, fairy tale, ritual in Russian literature of the 19th century): dis. ... d-ra filol. nauk. — Taganrog, 2006.
6. Nekljudov, S. Ju. Obrazy potustoronnego mira v narodnyh verovanijah i tradicionnoj slovesnosti (Images of the other world in folk beliefs and traditional literature) [Elektronnyj resurs]. — URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov8.htm> (data obrashhenija: 09.09.2022).
7. Okeanskij, V. P. Chelovek i total'nost': poetika prostranstva i ee krizis (Man and totality: the poetics of space and its crisis). — Ivanovo: ShGPU, 2010. — 358 s.

8. Okeanskij, V. P., Okeanskaja, Zh.L. «Mlechnaja doroga» — ot Pushkina k Bal'montu ("Milky Road" — from Pushkin to Balmont). Solnechnaja prjazha: nauchno-populjarnyj i literaturno-hudozhestvennyj al'manah. — Shuja: Izdatel'stvo Shujskogo filiala IvGU, 2020. — Vyp. 14. — S. 16–22.
9. Orlov, A. Ozhivshee solnce (The revived sun). — Voronezh: Voronezhskaja oblastnaja tipografija, 2022. — 144 s.
10. Petrov, V. Nebom prizvannyj lovec (Catcher called by heaven) [Elektronnyj resurs] // Nezavisimaja gazeta. — 2022. — 29.06. — URL: https://www.ng.ru/ng_exlibris/2022-06-29/15_1132_sky.html (data obrashhenija: 09.09.2022).

УДК 008.009:39 (Цивилизация. Культура. Прогресс. Национальная идентичность
и взаимодействие культур)

ВАРИАЦИИ МИМЕСИСА В ПОЭТИЧЕСКОЙ КНИГЕ А. ШАЦКОВА «СКАЗЫ КУЛИКОВА ПОЛЯ»

© 2022 М.А. Дударева, В.В. Никитина

*Дударева Марианна Андреевна, кандидат филологических наук, доктор культурологии,
доцент кафедры русского языка № 2 Института русского языка*

E-mail: marianna.galieva@yandex.ru

*Никитина Влада Валерьевна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка № 2 Института русского языка*

E-mail: erchenko5@rambler.ru

Российский университет дружбы народов
Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 26.07.2022

Объектом статьи выступает мимесис в искусстве. Предметом исследования являются вариации мимесиса в современной поэзии. Материалом служит новая книга стихов А. Шацкого «Сказы Куликова поля». В центре культурно-философского анализа — взаимодействие феноменального и ноуменального, рационального и дорационального в искусстве. Большое внимание уделяется проблеме соотношения мимесиса и энтелехии культуры. Под мимесисом понимается сакральное припоминание художником слова других эпох и культур. Мимесис описывается как художественная практика. Методология исследования сводится к целостному онтогерменевтическому анализу поэтической книги современного поэта, направленному на высвечивание культурного потенциала проблемы мимесиса в цифровую эпоху, что позволяет описать с культурнофилософских и онтологических позиций важность поэтического слова для русского человека, углубиться в понимание бытия художника слова. Большое внимание уделяется архитектонике поэтического сборника, трехчастной композиции, построенной по законам космического жизненного цикла человека: от детства к итогу жизни. Результаты работы могут быть интересны историкам литературы, включающим литературу в пространство большого диалога культур, а также могут быть использованы в преподавании курсов по культурологии, русской философии.

Ключевые слова: русская культура и литература, современная поэзия, мимесис, сакральный текст культуры, творчество А. Шацкого, онтологический, цифровой поворот

DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-86-57-62

Введение. Проблему мимесиса принято связывать с проблемой подражания в искусстве, и в античной традиции, в трудах Платона, Аристотеля, обнаруживаются полярные точки зрения на это понятие, которое философы включают в сферу эстетического (греч. *mimesis*, лат. *imitatio* — «подражание жизни в искусстве»). Как реагирует на реальные события литература и что она может дать человеку, когда есть история, строго протоколирующая основные факты происходящего? Это корневые вопросы, которые возникают при обсуждении проблемы мимесиса. Однако именно мимесис как часть, как практика художественной культуры и показывает аксиологическое и онтологическое назначение искусства, в частности литературы. Сегодня для человека цифровой эпохи эта проблема кажется особенно актуальной, поскольку посредством цифровой реальности человечество может скопировать почти все —

воссоздать виртуально деревья, море, солнце и даже добиться 3D-печати органов и тканей (последнее активно находится в проблемном поле биоэтики [6]). Однако есть вещи, которые никогда не освоит цифровая реальность — непостижимое поэзии, *анофатику* творческого процесса. Весьма показателен пример из научных экспериментов Фрица Маутнера, автора «Критики языка», решившего разобрать «Фауста» Гете по буквам, чтобы понять, как создан великий шедевр [11, с. 17], но вычислительный машинный метод не помог, и это оказалось безрезультатным.

История вопроса. Понятие мимесиса требует некоторых разъяснений, связанных с несколькими точками зрения. Возникает вопрос о мимесисе *внешнем*, идущем от «классической теории подражания, восходящей к “Поэтике” Аристотеля» [7, с. 10], и мимесисе *внутрипроизводственном* или *межпроизводственном*. Первый связан с

внутренней структурой текста, «произведение активно отражает в себе действия внешнего мира, но только в той степени, в какой способно их воссоздать, присвоить и развить до уровня коммуникативных стратегий» [Там же, с. 11]. Второй тип мимесиса связан с отношениями, «в которые вступают произведения между собой» [Там же], он отображает, относительно нашего литературного поэтического материала, взаимодействие двух систем — словесной и несловесной, дожанровой — авторской, имажинативной концепции событий и исторической, реальной.

Методы исследования. Авторы прибегли к целостному онтогерменевтическому анализу поэтической книги современного поэта, направленному на высвечивание культурного потенциала проблемы мимесиса в цифровую эпоху, что позволяет описать с культурфилософских и онтологических позиций важность поэтического слова для русского человека, углубиться в понимание бытия художника слова.

Результаты исследования. Новая книга А. Шацкова «Сказы Куликова поля» привлекает в аспекте заявленной темы своим заглавием. С одной стороны, сказ — тип повествования, характеризующийся подражанием фольклорной речи интонацией и стилем, с другой стороны — сказ энтелехиен по своей природе, поскольку погружает автора на имажинативном, то есть образном, уровне в другую эпоху, заставляя выразить в художественной форме движущую силу этой эпохи, что не всегда сделать просто, так как требует больших душевных сил от художника слова. Поэт-символист А. Белый этот теургический акт точно описал в своей работе «Эмблематика смысла»: «То действительно новое, что пленяет нас в символизме, есть попытка осветить глубочайшие противоречия современной культуры цветными лучами многообразных культур; мы ныне как бы переживаем все прошлое: Индия, Персия, Египет, как и Греция, как и Средневековье, — оживают, проносятся мимо нас, как проносятся мимо нас эпохи, нам более близкие» [1, с. 57–58]. Энтелехию, вслед за современным исследователем культуры Г.С. Кнабе, понимаем так: «...поглощение определенным временем содержания, характера, духа и стиля минувшей культурной эпохи на том основании, что они оказались созвучными другой позднейшей эпохе и способными удовлетворить

ее внутренние потребности и запросы» [3, с. 19]. А. Шацков энтелехично «переживает» события Куликовской битвы, которым посвятил свою новую юбилейную книгу.

У каждого настоящего поэта есть своя мастерская, комнаты которой не всегда открыты для глаза обывателя. Но иногда поэт позволяет в них заглянуть, и этот момент нельзя упустить. Перед нами книга, в которой кипит кровь предков, чувствуется дух блистательных сражений, книга-поле, где, с одной стороны, можно затеряться, ведь поле выполняет функции пространства смерти (открытый космос потенциально опасен), а с другой стороны, сам автор — воин-полководец слова ведет нас по этому полю, показывая *неведомые* тропинки для посвященных. А. Шацков воссоздал картины Куликовской битвы, позволив заглянуть в свою мастерскую: он видел с детства пророческие сны о себе, о стихах, которых еще не было, но которые обязательно будут. Священный *бред поэзии* его будил, это то, что он сам назвал гулом крови: «Не поддаются осознанию энергии, передаваемые нам предками. Именно от них берет начало мое Куликово поле. Может быть, из ярких детских снов, в которых на огромном гнедом коне я врвался в черные, ошетиленные сталью шеренги врагов и, поднятый на копыта, просыпался вновь и вновь» [10, с. 9]. Такое *проphetическое* отношение к искусству и особенно к поэзии является корневым для русского человека — вспомним пророческие сны из поэмы-сказки «Руслан и Людмила», *магический кристалл* пушкинского творчества, который позволяет понять, что песня уже зреет, возникнет образ, который дан свыше, как имажинативный абсолют культуры, но поэт и сам точно еще не знает какой это образ. Интересна в этом отношении последняя строфа хрестоматийно известного стихотворения А. Фета «Я пришел к тебе с приветом...», в которой выразилась формула поэтического «незнания», ставшая важнейшим принципом творчества Фета-лирика (этому вопросу посвящена отдельная статья В. Кошелева [4]).

В первой части книги «Опять над полем Куликовым...» автор поднимает нас *над* полем, мы парим, осматриваем боевое место действия сверху. Это верхняя точка нашей пространственной локализации:

Слышишь, звёзды стучат,
словно дождь по крыльцу?
Видишь, тропы уводят до Дона от дома! [10, с. 16]

Направление задано *оттуда — сюда*, очень важна пространственная локализация в этой книге А. Шацкова, который тонко прочувствовал саму архитектуру знаменательной битвы, инспирированной свыше, благословенной святым Сергием Радонежским. Читатель должен увидеть это событие панорамно, с разных точек зрения. Образ главного героя — образ солнечного героя, духоборца, которого на ратный бой несут даже не кони, а лебеди: «Благоверного князя Дмитрия // Лебединые кони летят» [10, с. 17]. Здесь представлено культурологически точное сравнение коней с лебедями, образ которых является доминантным в поэзии автора (его книга «Лебеди Тютчева»

пронизана солярно-орнитологической символикой [2]). В античной традиции колесница Аполлона запряжена не конями, а лебедями, и герой сказов А. Шацкова взмывает в небо, уподобляется Богу. Победу в такой страшной битве могли одержать только полубоги, и Дмитрий Донской, видимо, был в тот смертельный миг именно таким (кстати, показательны в этом отношении и космогонические иллюстрации на полях книги, где луна человеческим лицом смотрит на читателя, — это отдельное достоинство издания).

Но не только исторической темой пронизан сборник, он прошит, как красной нитью, личной темой — переживанием в образе и духе сцен Куликовской битвы:

И вздрогну, что днесь предо мной
Кочевник жестокий и хитрый.
И чувствую: Русь за спиной
И сын, окрещённый Димитрий! [10, с. 20]

Лирический герой словно путешествует во времени, ощущая события давно минувших дней. Это принято называть на языке культурологии *энтелехией культуры*: перед человеком, художником слова, возникают образы других, иногда очень далеких, эпох и культур, которые потом воплощаются в творчестве. Мы видим, что А. Шацкова по непонятным для нас внешне причинам, то есть с точки зрения рациональной, волнуют события Куликовской битвы, но так в книге откликается душа художника слова, его логос на то далекое время (и сын ведь назван Дмитрием не случайно, в чем тоже проявляется мимесис — уподобление великому герою). Кожей, горлом и кровью чувствует лирический герой вражьи стрелы: «И... чёрной птицей мимо горла // Стрела промчалась на простор!» [10, с. 20]. Вторая часть сборника — следующая ступень в восхождении по *духовной лестнице* — «Чтобы память попирала смерть». Проблема памяти — *корневая* для русского человека. В этой связи актуальны известные чеховские слова из поздней повести «Степь» о том, что «русский человек любит вспоминать, но не любит жить» [9, с. 64]. С одной

стороны, это большая беда для человека — тонуть в мире памяти, блуждать в ее коридорах, с другой стороны — нельзя упрощать чеховское высказывание, в котором речь идет о сакральном, тайном припоминании. Память — действие миметического характера, соединяющее минувшее и настоящее, мир предков и этот мир. Мимесис — это уподобление, но не простое подражание действительности, а подобие высшего порядка, как описывал это в античной традиции Платон: «...платоновское подобие понимается как то, что соединяет видимое и невидимое» [5, с. 93]. Современный философ Н.А. Хренов в своей книге «Воля к сакральному» пишет о тесной связи художественного и мифологического сознания, что позволяет говорить о *мимесисе* как сакральном припоминании и художнике слова как человеке, приобщенном к «мировым далям», способном проникать в культурное прошлое [8, с. 5-13]. Мир прошлого, мир ушедших тревожит душу героя книги А. Шацкова, что связано и с личной утратой автора (трагически ушел из жизни сын поэта), и со скорбью за всех павших воинов, в чем проявляется *соборное начало* русской культуры:

Прощай сынок! Я тайну сберегу,
Не рассказав, что снилось в дебрях ночи:

Ковыль дымился кровью на лугу,
И синь дождя стекала павшим в очи. [10, с. 25]

Третья часть поэтического сборника открывает перед читателем мир душевных переживаний лирического героя, возвратившегося с поля Куликова обратно в наши дни:

По травам, пока не белёсым,
От утренней зябкой росы,
Бреду, по пологим откосам,
А вслед — заливаются псы. [10, с. 31]

Но душа художника так устроена, что без припоминания она не может жить, и герой А. Шацкова переносит нас с поля Куликова в рязанские земли, где храбрые витязи, среди которых и предок великого поэта Ф.И. Тютчева, готовятся отстаивать русский мир:

И верил, знал: Рязань не выдаст
И не ударит братьям в тыл.
Не может по-другому выпасть
Тому, кто сердцем не остыл. [10, с. 36]

И здесь уже мимесис принимает другую форму: лирический герой стоит плечом к плечу с Захарием Тютчевым, ощущая всю значимость миссии юноши, посланного к Мамаю:

И верил, знал: Рязань не выдаст
И не ударит братьям в тыл.
Не может по-другому выпасть
Тому, кто сердцем не остыл. [10, с. 36]

Чем же завершается книга стихов «Сказы Куликова поля»? Конечно, молитвой — о себе и сыне, о русском человеке и русском мире:

За окном — снеговой,
и тихонько теплится лампада,
Освещающая в углу
позабывших святых образа.
Подойду, поклонюсь,
если бабушке этого надо,
Чтоб у ней не дрожала,
на краешке глаза слеза.

Помолюсь за прародича,
павшего возле Сморгони,
И других, что лежат
у Непрядвы, за толщею дней.
И услышу — звенят
удилами без всадников кони,
Те, что стали предтечей,
восставших из ада коней. [10, с. 44]

Семантически насыщенные строфы, отсылающие
и к бледным коням В. Брюсова («Конь блед»),

С. Есенина (поэма «Черный человек»), погружают нас в энтелехию культуры, которая эонически существует от битвы на Куликовом поле до почти интимной обстановки в комнате любимой бабушки и ребенка — самого лирического героя, предстающего перед читателем в разных ипостасях: он возвращается в мир детства, в исходную точку, сакральную ситуацию моления перед иконой. Кроме того, в этой авторской ремарке «если

бабушке этого надо» тоже проявляется одна из вариаций мимесиса: ребенок подражает в молитве взрослому, возможно, не понимая в полной мере значения этого священного действия, но ощущая значимость его на внерациональном уровне. Однако уже повзрослевший лирический герой осознает, за кого он молится и для чего:

Засыпает мой дом
и, поддавшись теплу и покою
Позабуду, что снилось
в ребячьем рождественском сне...
Только время придёт
и, как инок над вязкой строкою
Я склонюсь в подступившей,
недоброй ночной тишине. [10, с. 44]

Важна кольцевая композиция книги, воспроизводящая на ритуальном уровне жизненный цикл человека: от рождения, детства — снова к детским снам и впечатлениям, а значит, к смерти. Культурологически это вполне объяснимо, поскольку дети — лиминальные существа, они связаны с миром предков, не вписаны еще в социальную жизнь, но остро ощущают трансцендентное.

Выводы. Культурологический потенциал вариаций мимесиса в литературе, особенно в современном искусстве, очевиден: человек цифровой эпохи, метафизически отрешенный, утрачивает способность к культурфилософской рефлексии произведений искусства, на что обратили внимание философы, но важно то, что сегодня цифро-

вая реальность миметически воспроизводит почти все реалии из окружающей жизни человека, от органов жизнедеятельности до стихов, и если первое еще необходимо и прогрессивно, то второе является препятствием в постижении метафизических апофатических оснований творчества и бытия в целом. В этом случае необходим разговор о проблеме мимесиса и его вариаций в искусстве, которые связаны не только с подражанием, подражанием жизни и слепым ее копированием, но и с теургическим и теогоническим актом художника. Мимесис — это сакральное припоминание, вживание в энтелехийном смысле в разные эпохи и их культуру, что доступно как творческий акт, художественная практика только творцу, поэту.

1. Белый, А. Собр. соч. Символизм. Книга статей. — М.: Культурная революция; Республика, 2010. — 532 с.
2. Дударева, М. А., Гращенков, Н. В. Энтелехия культуры в книге стихов А. Шацкого «Лебеди Тютчева» // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. — 2022. — Т. 24. — № 82. — С. 73–78.
3. Кнабе, Г. С. Русская античность: Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России. — М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2000. — 240 с.
4. Кошелев, В. «Песня зреет», или «Над весенней страницей Фета» // Русская словесность. — 2020. — №2. — С. 32–39.
5. Магомедова, Ю. С. Мимесис Платона в контексте различных интерпретационных стратегий // Манускрипт. — 2018. — №7 (93). — С. 90–93.
6. Мещерякова, Т. В. Биоэтика на пересечении научного и вненаучного знания // Вестник ТГПУ. — 2011. — №10 (112). — С. 216–221.
7. Подорога, В. А. Мимесис. Материалы по аналитической антропологии литературы. Т. 1. Н. Гоголь, Ф. Достоевский. — М.: Культурная революция, Логос, Logos-altera, 2006. — 688 с.
8. Хренов, Н. А. Воля к сакральному. — СПб.: Алетейя, 2006. — 571 с.
9. Чехов, А. П. Степь // Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. — М.: Наука, 1977. — Т. 7. — С. 13–104.
10. Шацков, А. Сказы Куликова поля. — СПб.: Любавич, 2022. — 47 с.
11. Штайнер, Р. Смысл преждевременной смерти. Случайность, необходимость и предвидение. — Ереван: Лонгин, 2013. — 192 с.

MIMESIS VARIATIONS IN A. SHATSKOV'S POETRY BOOK "KULIKOVO FIELD TALES"

© 2022 M.A. Dudareva, V.V. Nikitina

Marianna A. Dudareva, PhD in Philology, Doctor of Culturology,
docent of the Department of Russian language no. 2
of the Institute of the Russian language

E-mail: marianna.galieva@yandex.ru

Vlada V. Nikitina, PhD in Philology,
docent of the Department of Russian language no. 2
of the Institute of the Russian language

E-mail: erchenko5@rambler.ru

Peoples' friendship University of Russia
Moscow, Russia

The object of the article is mimesis in art. The subject of the research is variations of mimesis in modern poetry. The material for the article is a new book of poems "Kulikovo Field Tales" by A. Shatskov. The focus of cultural and philosophical analysis is the interrelation of phenomenal and noumenal, rational and pre-rational in art. Much attention is paid to the problem of relationship between mimesis and cultural entelechy. Mimesis is understood as sacral recollection of other epochs and cultures by the wordsmith. Mimesis is described as an artistic practice. The research methodology is mainly represented by the holistic ontological-hermeneutic analysis of the modern poet's book, aimed at highlighting the cultural potential of the mimesis problem in the digital epoch, which makes it possible to describe the importance of the poetic word for a Russian from the cultural-philosophical and ontological position, to deepen the comprehension of spiritual life of the literary artist. Much attention is given to the architectonics of the book of poetry, to the three-part composition designed according to the laws of man's cosmic life cycle: from childhood to the epitome of life. The work results may be of interest to literary historians who include literature in the space of a broad dialogue of cultures; the book can also be useful in courses on cultural studies and Russian philosophy.

Key words: Russian culture and literature, modern poetry, mimesis, sacred text of culture, A. Shatskov's creative work, ontological, digital turn

DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-86-57-62

1. Belyj, A. *Sobr. soch. Simvolizm. Kniga statej (Symbolism. Book of articles)*. — M.: Kul'turnaja re-voljucija; Respublika, 2010. — 532 s.
2. Dudareva, M. A., Grashhenkov, N. V. Jentelehija kul'tury v knige stihov A. Shackova «Lebedi Tjutcheva» (Entelechy of culture in the book of poems by A. Shatskov "Tyutchev's Swans") // *Izvestija Samarskogo nauchnogo cen-tra Rossijskoj akademii nauk. Social'nye, humanitarnye, mediko-biologicheskie nauki*. — 2022. — T. 24. — № 82. — S. 73–78.
3. Knabe, G. S. *Russkaja antichnost': Soderzhanie, rol' i sud'ba antichnogo nasledija v kul'ture Rossii (Russian antiquity: The content, role and fate of the ancient heritage in the culture of Russia)*. — M.: Ros. gos. gumanit. un-t, 2000. — 240 s.
4. Koshelev, V. «Pesnja zreet», ili «Nad vesennej straniceju Feta» ("The song is ripening", or "Above the spring page of Fet") // *Rus-skaja slovesnost'*. — 2020. — № 2. — S. 32–39.
5. Magomedova, Ju. S. Mimesis Platona v kontekste razlichnyh interpre-tacionnyh strategij (Plato's mimesis in the context of various interpretive strategies) // *Manuskript*. — 2018. — № 7 (93). — S. 90–93.
6. Meshherjakova, T. V. Biojetika na peresechenii nauchnogo i vnauchnogo znaniya (Bioethics at the intersection of scientific and non-scientific knowledge) // *Vestnik TGPU*. — 2011. — № 10 (112). — S. 216–221.
7. Podoroga, V. A. Mimesis. Materialy po analiticheskoj antropologii literatury. T. 1. N. Gogol', F. Dostoevskij (Mimesis. Materials on the analytical anthropology of literature. T. 1. N. Gogol, F. Dostoevsky). — M.: Kul'turnaja revo-ljucija, Logos, Logos-altera, 2006. — 688 s.
8. Hrenov, N. A. *Volja k sakral'nomu (Will to the sacred)*. — SPb.: Aletejja, 2006. — 571 s.
9. Chehov, A. P. Step' (Steppe) // *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. So-chinenija: v 18 t. / AN SSSR. In-t mirovoj lit. im. A.M. Gor'kogo*. — M.: Nauka, 1977. — T. 7. — S. 13–104.
10. Shackov, A. *Skazy Kulikova polja (Tales of the Kulikovo field)*. — SPb.: Ljubavich, 2022. — 47 s.
11. Shtajner, R. *Smysl prezhdevremennoj smerti. Sluchajnost', neobходimost' i predvidenie (The meaning of premature death. Chance, necessity and foresight)*. — Erevan: Longin, 2013. — 192 s.

УДК 130.2:781.5 (Философия культуры. Системы культуры. Культурологические учения / Музыкальные формы. Виды музыкальных произведений)

ПОСЛЕДНИЙ ОПУС АЛЕКСАНДРА СКРЯБИНА КАК МУЗЫКАЛЬНЫЙ «ЭСКИЗ» МИСТЕРИИ

© 2022 Д.А. Дятлов

Дятлов Дмитрий Алексеевич, доктор искусствоведения,
профессор кафедры фортепиано

E-mail: diatlovda@mail.ru

Самарский государственный институт культуры
Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 01.09.2022

Статья посвящена последнему фортепианному опусу А.Н. Скрябина – Пяти прелюдиям соч. 74 – в музыке которого можно усмотреть определенную художественную интенцию, связанную с генеральной идеей Скрябина – музыканта и мыслителя. На протяжении ряда лет композитор был всецело поглощен идеей Мистерии. Грандиозный план предполагал вовлечение всего человечества в синтетическое действо, в котором цивилизация и культура пришли бы к концу своего существования. Экстатическое чувство должно было стать условием всеединства в последнем акте творчества. Явная неосуществимость Мистерии выразилась в компромиссе – создании Предварительного действия. В последние годы жизни Скрябин все больше времени отдавал сочинению музыки и поэтических текстов для своего мистериального плана. Отказавшись от сочинения крупных симфонических произведений, Скрябин работал над фортепианными миниатюрами и сонатами, сочинение которых считал промежуточным результатом на пути к своей главной цели. Исследователи отмечают значительное изменение музыкального языка в этот период творчества. Круг образов, волновавших композитора в это время, связан с Мистерией. Стихотворные тексты Предварительного действия и музыка, сочиненная на протяжении последнего года жизни, своеобразно резонируют. Особенно это касается цикла миниатюр – Пяти прелюдий соч. 74. Их звучание обнаруживает экстрамузыкальное содержание, в котором можно усмотреть идеи и образы Мистерии в свернутом виде или в «эскизах».

Ключевые слова: Александр Скрябин, Мистерия, Предварительное действие, Прелюдии соч. 74, экстрамузыкальное содержание

DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-86-63-73

Введение. Мистерия – неосуществленная и неосуществимая мечта Александра Николаевича Скрябина привлекает исследовательскую мысль на протяжении многих десятилетий. Сведения о ней содержатся лишь в отрывочных воспоминаниях современников. Высказывания на этот счет мы находим в книгах Леонида Сабанеева или Бориса Шлёцера, в мемориальных материалах или мемуарной литературе. Больше мы знаем о Предварительном действе, призванном «подготовить» человечество к своему исходу, к завершению цивилизации и культуры. Сохранились фрагменты плана и музыкальные отрывки, законченные пьесы и поэтические «комментарии» автора. Публикация стихов к Предварительному действию в издании «Русские пропилеи» за 1919 г. свидетельствует об остром интересе современников к идее скрябинской Мистерии.

История вопроса. Творчеству великого русского композитора посвящены монографии и

статьи, диссертации и мемориальные издания. Подробно изучены характерные особенности гармонии и мелодики, фортепианной фактуры и оркестрового письма. Исследованы и описаны философские искания, отмечены всевозможные соприкосновения с искусством современников, обоснована органическая включенность скрябинской музыки в сложные творческие и мировоззренческие процессы Серебряного века. Однако и сегодня исследовательская мысль обращает свое внимание на феномены *цветного* звучания и синестезии [18], выявляет различные нюансы взаимоотношений и пересечений философских идей [21], направлений [19] или стилей [17]. Актуальными для музыковедческой мысли по-прежнему являются символический мир скрябинской музыки [22] и, конечно, ее свержидея – Мистерия [12].

Методы исследования. Методология исследования основана на музыковедческом анализе гармонии и фактуры, формы и элементов полифонии Пяти прелюдий соч. 74 А.Н. Скрябина. Экстрамузыкальное содержание открывается методом сопоставления поэтических отрывков из Предварительного действия и музыки, принадлежащих одному автору и написанных в одно время.

Результаты исследования. В год кончины композитора написаны слова, точно характеризующие его устремления: «Он вглядывался во все самые дальние, ярко не освященные области, стремился извлечь из затемненных тайников все, что до сих пор таилось, самые краткие, ускользающие движения боялся утратить... Слух должен вслушаться в каждый раздельный порыв, раздельный возглас... И пусть из этого возникнут ясно звуковые очертания полного, цельного, предстоящего перед его художественным образом мира» [5, с. 63]. Слова эти принадлежат пианистке и музыковеду Н.Я. Брюсовой, оставившей свидетельство в духе времени в статье «Реализм Скрябина». Образы Мистерии, волновавшие композитора последние годы, представлялись ему то реальными, то погружались в туманные облака неопределенности. Временами его мечта казалась близкой, но по мере приближения подобно горизонту отдавалась, обнаруживала несоотносимый с усилиями человека масштаб. Как временный компромисс появились наброски Предварительного действия, как музыкальные, так и поэтические. Все грандиозное «произведение» было задумано и близко к музыкально-словесной фиксации в гигантской партитуре. И этим планам не суждено было свершиться. Остались лишь разрозненные фрагменты, из которых впоследствии появились варианты реконструкций. Одна из первых была предпринята Сергеем Протопоповым, который «тщательно проработал все напечатанные произведения А.Н. Скрябина, начиная с 7-й сонаты и кончая ор. 74-м» [12, с. 26]. «Конструктивно-композиционное оформление» Предварительного действия, как называл свою работу Протопопов, включало помимо фрагментов, сохранившихся в авторской записи, отдельные построения из Сонаты №7, *Flammes sombres* и Вторую пьесу из Пяти прелюдий соч. 74. Последние две пьесы были включены самим композитором в план Предварительного действия. Говоря об интонационном

родстве последних опусов с эскизами к Мистерии, А.Н. Скрябин признавался: «...Это, собственно, одно и то же, и эскизы даже были одновременно сочинены. Только тут это получает большее развитие – это тут очень большой эпизод, центральный по значению, потому что ведь это Экстаз – это и есть она, Смерть, всеобщее уничтожение, воссоединение... У меня в этих набросках есть еще много общего с четвертой прелюдией из последних, потому что и она тоже вместе сочинялась» [15, с. 329]. В целом звучание последних опусов, особенно Пяти прелюдий соч. 74, радикально отличается от всего написанного прежде. О своем впечатлении от авторского исполнения фрагментов последнего опуса вспоминал Л. Сабанеев: «...действительно, странное, жуткое впечатление было у меня от этого нового знакомства и от этой музыки, странно не похожей на его прежнее творчество. В ней я увидел не бывшую у него никогда созерцательность, какую-то странную истому духа – уже не растворение в ласкающем эресе, а что-то другое, в чем был элемент жуткости...» [15, с. 313-314]. А.Н. Скрябин по своему обыкновению комментировал тогда: «Это смерть, как то явление Женственного, которое приводит к воссоединению. Смерть и любовь... Смерть – это, как я называю в «Предварительном действии», Сестра. В ней не должно быть элемента страха перед нею, это – высшая примерность, белое звучание» [15, с. 314].

Пафос скрябинского творчества всегда был в радостном обретении свободы, в божественной игре, в экстатических состояниях восторга. Вместе с тем, как его миниатюрам, так и крупным симфоническим полотнам свойственен тонкий эротизм образов и звучаний. И во всем – свет и цвет гармонии, то темный, то ослепительно яркий; магия ритма то мерного, а подчас и остигающего, то острого и прихотливого; образы причудливых танцевальных движений и огненной стихии, эротических томлений и властного утверждения самости. В его записях можно найти такие слова: «Я изласкаю, я истерзаю Тебя, истомившийся мир, и потом возьму Тебя. И в этом Божественном акте я познаю Тебя единым со мною. Я дам Тебе познать блаженство» [15, с. 153], и далее: «...И в этих объятьях, в этих лобзаньях, в этом огне ты так дивно сгоришь – Я сгорю. И снова с этих божественных высот я (возвращусь) упаду в бездну хаоса. Новая волна творчества, другая жизнь, другие миры» [15, с. 160].

План Мистерии, а затем Предварительного действия генерировал новую образную сферу, диктовал и новые средства воплощения идеи. Все, чем был занят композитор было направлено на подготовку «последнего экстатического танца» человечества. Музыка, сочинение, концертное исполнение, издание произведений – лишь подготовительные шаги к приближающейся, готовящейся самим композитором вселенской катастрофе, в которой он призван играть главную роль. В результате все, что делает композитор, становится инструментом осуществления грандиозной мечты: музыкальные произведения – эскизами будущей Мистерии, концерты – некими воспитательными моментами, готовящими единомышленников к последнему экстатическому танцу. Постепенно меняется музыкальный язык, музыка будто подчиняет себе композитора, он ищет и находит новые созвучия и ритмы, но именно те, которые ему «подсказывает» развивающийся материал творчества. «Стремление к обостренности звучания посредством усложнения гармонического языка красной нитью проходит через все творчество», – пишет О.Е. Сахалтуева – исследователь гармонии А.Н. Скрябина [16, с. 3]. Последние опусы А.Н. Скрябина постепенно теряют гармоническую «экзальтацию», теряют «цвет». Это в той или иной мере имеет отношение к произведениям, написанным за 1914 год: Поэмы соч. 71, Поэма «К пламени» соч. 72, «Гирлянды» и «Темное пламя» соч. 73 и Пять прелюдий соч. 74. Гармониемелодия постепенно уступает место гомофонии и имитационной полифонии. Эмоциональные состояния приобретают капризность длиннот, заостренность контрастов снижается. Как пишет В.В. Рубцова «на всем лежит печать некой самоуглубленности, раскрывающей, особенно в пяти прелюдиях ор. 74, новые грани философского осмысления бытия, его прикосновения к “смерти белому звучанию”» [13, с. 390].

В последнем фортепианном опусе композитора – Прелюдиях соч. 74 – на первый план выходят выразительные линии мелодий и имитаций. Графичность линий явно преобладает над гармонической атмосферой. Ритмика становится жесткой, исчезает характерная для последнего периода творчества полетность. «Комплекс невесомости» [9, с. 101], так характерный для музыки А.Н. Скрябина, соотносится с ощущением внешней и внутренней связанности, несвободой. Образный мир объективируется, прежнее растворение в созданном мире, слияние с ним заменяется неким

противостоянием. Это противостояние ощущается как враждебное насилие, ритуальный плен. Уже не он – композитор творит ритуал новой религии, а неведомые ритуальные действия совершаются над ним. Здесь будто совершается жертвоприношение, но не то вольное, свободное отдавание себя в жертву, о каком мечталось А.Н. Скрябину. Дочь композитора вспоминает о планах Мистерии: «Для осуществления Мистерии все, а если потребуется, то и он сам, может и должно быть принесено в жертву» [8, с. 77]. Здесь, в музыке последних прелюдий, готовится и совершается иное. Вместо властного запечатления духа на материи – его пленение, вместо радости свободного полета – томление мрачного одиночества, радость творения сменяется сумрачным сновидением, образы смерти приходят на смену эротическим восторгам.

Э. Месхишвили, отмечая особую безысходность настроения прелюдий, представляет это состояние в тонких градациях «скорби, безрадостной сосредоточенности, тревожной решительности, грустной нежности, приглушенной мрачной ярости» [7, с. 210]. Как бы то ни было, самым важным здесь является определение безысходности. В нем, в состоянии безысходности проявляются уже самые разные грани выражения трепета, томления, страха, плененного духа.

«Божественная поэма», «Поэма экстаза», «Прометей» несли торжество освобождения духа, выхода, экстазирования, как бы сбрасывания брэнной оболочки телесности. Здесь, в последнем опусе – иное торжество, торжество над слушающим, играющим, сочинившим. Торжество величнейшей и неумолимой, объективированной силы. Отсюда – ощущение страха, состояние связанности, хождение по кругу «дурной» бесконечности. В исследовании скрябинского фортепианного стиля, говоря о последнем опусе, А. Николаева замечает, что «...повторяемость, сочетаясь с изменчивостью ощущений в каждый следующий момент, создает впечатление движения, чрезвычайно интенсивного внутренне, однако замкнутого, не находящего выхода вовне...» [9, с. 16].

Связь Прелюдий соч. 74 с Мистерией несомненна, по крайней мере, с образами Предварительного действия. Прелюдии сочинялись в одно время с набросками и эскизами Предварительного действия. В этой музыке по воле автора должны были действовать эсхатологические мотивы и апокалипсические видения Мистерии:

«...О священный миг творенья
Миг блаженный, огневой
Ты явил мне отражение
Смерти белой, роковой...» [14, с. 213]
«...Я радость светлая последнего свершенья
Я в белом пламене сгорающий алмаз
Я несказанное блаженство растворенья
Я радость смерти, я свобода, я экстаз!..» [14, с. 236]

Очевидно, что текст Предварительного действия, над которым работал композитор в последнее время, выглядит, как намерение завершить, соединить тот круг идей, который волновал композитора многие годы. Это единство можно определить как экстатическую образность. Воплощение же поэтических образов Предварительного действия в музыке последнего опуса носит, как правило, совсем иной характер. Здесь уже не действует триада «от высшей утонченности через активную действенность (полетность) к высшей грандиозности», которая по мысли В. Бобровского управляет общей драматургией скрябинских сочинений [3, с. 115]. Комплекс образов замыкается в узком круге интонаций, разрабатываемых в ограниченных пределах лейтгармоний или моногармоний, диссонантных соотношений, понимаемых как устой. Это создает

особого рода драматургическую статику, в которой обретает себя иная образность. В образный мир самого последнего опуса входит символ смерти, не обозначенный никакой внешней атрибутикой, но явственно чувствуемый, почти осязаемый. Вспоминая траурный марш из Первой сонаты соч. 6 и соотнося его с последним опусом А.Н. Скрябина Т. Левая пишет: «...то, что раньше выступало атрибутом романтической программности и соответственно понимаемой метафорой смерти, стало в позднейшие годы провидением инобытия...» [8, с. 167].

Ремарки характеров, проставленные автором в начале каждой пьесы, подтверждают то, что уже выражено в музыкальном нотном тексте. Некоторые отрывки из текста Предварительного действия своеобразно резонируют, соотносятся с музыкальными образами прелюдий.

Прелюдия №1. “Douloureux déchirant” («Горестно, раздирающе»)

Я ласка вскрыльная, я птицей вострепелась,
А я, терзающая, зверем ожила.
Извивно-ползая, змеею я проснулась
Стихии влажной, я, истомная, мила [14, с. 247].

В интонационно-содержательном смысле два пока еще *равносильных* тематических персонажа противостоят в этой пьесе. Один из них выражен мучительными и болезненными интонациями верхнего голоса, другой – неуклонными хроматическими интонациями и настойчивыми синкопами среднего голоса. Особое напряжение

создают разнонаправленные движения голосов: надрывное движение к вершине верхнего голоса сопровождается императивом нисходящего хроматизма нижнего, беспомощное истаивание задержанного тона – синкопированным «волхованием» *tenuto* четвертей внутри него. Две локальных гармонических «разрядки», понижения

напряжения в 5 и 7 тактах (на второй восьмой второй доли такта) выражают печаль, болезненную слабость, бессилие перед явлением безличной силы, стоящей «на пороге». Но понижение *dis* на *d* в последнем такте несет другой смысл и свя-

зывает первую прелюдию со следующей. Вертикальное соотношение нижнего мелодического голоса с верхним *dis – e* (малая нона) меняется на *d – e* (большая нона). Наступающая гармония по сравнению с предыдущими ощущается почти диатонической, белой, как «смерти белое звучание».

Прелюдия №2 “*Très lent, contemplative*” («Медленно, сосредоточенно»)

Себя пустыней я в пространстве опознавший
Луча с землей сухой и знойный поцелуй
Лесную жизнь из областей своих изгнавший
И ненавидящий живые песни струй [14, с. 247].

Пьеса рождает прямую образную аналогию с прелюдией *e-moll*, соч. 28 №2 Ф. Шопена – кумира молодого А.Н. Скрябина. На пороге инобытия он будто обращается к идеалу своей юности. Но если музыка прелюдии Шопена иногда дает повод к размышлению о бренности человеческого существования, причем размышлению романтически опозитизированному, то прелюдия А.Н. Скрябина почти буквально вводит в транс, в состояние сновидения, магически воздействует, не давая возможности о чем-либо размышлять. Прелюдия

Шопена – вся в скорбном движении, хроматика чередующихся квинт в басу опирается на твердую опору тональности, стоит «на земле». Дважды-лад скрябинской прелюдии заставляет оторваться от «земли», вводит нас в состояние сумрачной невесомости. С.Э. Павчинский пишет об этом: «наличие мажоро-минорных интонаций крайне повышает эмоциональное воздействие тематизма; ...придает образному миру утонченность и колорит чего-то “исключительного”, нематериального» [11, с. 180].

Оstinато баса *fis*, почти неизменяемая повторность чередующихся квинт дают ощущение статики. Повисают «гирлянды» нисходящих хроматизмов среднего голоса, мерцают минорные и мажорные терции кружащейся мелодии восьмых в верхнем голосе. Это магическое движение «по

кругу» может длиться бесконечно, мы как бы смотрим в открытые двери в «ничто», встречаем в терцовом изложении темы леденящую душу улыбку «белой сестры» (в настойчивой регулярности появления мажорной терции *fis-ais* – мистическая «радость» этой улыбки).

Прелюдия №3 “*Allegro drammatico*” («Драматично»)

Песня-Пляска падших.

Мы по тропам, по изрытым
 Тропам, трупами покрытым
 По два вихря сопряженных
 Мчимся хор обвороченный

Черной крови дышим смрадом
 Рвемся к мерзостным уладам
 Мчимся в пламенной мы пляске
 Пляске-ласке, пляске-сказке [14, с. 220].

Танец, лишенный полетности, весь в «плоском» горизонтальном движении; танец-сновидение, где поднятая рука для защиты от фантома, бессильно падает, невнятный крик разбивается о пустоту. На всем довлеет печать «магического покоя». В.Ю. Дельсон пишет, что даже в такой вдохновенно-драматической пьесе, как прелюдия ор. 74 №3 типичный образ «магического покоя» подчиняет себе любые ярчайшие элементы динамики» [4, с. 270]. Магия ритма заключена в синкопированных ударах «литавр» в басу, в неумолимости этого ритмического оstinato. Задержанные тоны среднего голоса определяют сумрачную окраску и зловещий свет первого предложения, и темную обреченность в характере второго. Мелодический голос выражает смятенное чувство, стремление вырваться из синкопирующей ритмики «литавр». Острый возглас *comme un cri* в т. 4 резко обрывается синкопированным акцентом на последней слабой восьмой такта (*a* за первым разом, *dis* во втором предложении). Ему отвечает

это *p subito* следующего такта. Отдаленными фанфарами звучат синкопы октав (*ais* в первом предложении, *e* – во втором). После увеличенных и уменьшенных интервалов, из которых сотканы как мелодические линии, так и гармонии, чистая октава звучит дико, грязно, «нечестиво». Древней первобытной архаикой веет от этих звучаний и ритмов. Стремление мелодии вырваться из пут синкопирующих ударов «литавр» как будто находит такую возможность на фоне задержанных аккордов (тт. 9-12 в первом предложении, тт. 21-24 – во втором). Но и здесь остается ощущение закрытого пространства, плена: тема кружится и бьется о невидимые преграды. Резкое торможение на *dim.*, триоль меняется на дуоль (т. 12) и вновь тема попадает в ритм синкопирующих басов. Во втором предложении мнимое и краткое освобождение заканчивается трагически: тема «разбивается» о заключительный аккорд.

Прелюдия №4 «Lent, vague, indécis» («Медлительно, неясно, смутно»)

Ты будешь как сумрак, объятый дремой
 А вскоре, изгаснув ты станешь и тьмой [14, с. 227].

Солирующий голос сопровождается хоралом – «пением» голосов бесплотного хора. С.Э. Павчинский пишет о некоторой даже «молитвенности» в характере образа [10, с. 94-95]. Переходы от звука к звуку текучие, как при пении вокализа без согласных звуков. Эти голоса, будучи линиями, движущимися по горизонтали, в сплетении друг с

другом образуют гармонии – жесткие, будто без воздуха созвучия, не создающие гармонической атмосферы, так свойственной А.Н. Скрябину ранее. Кажется, что все «действие» происходит в безвоздушном пространстве.

До наступления коды движение нигде не прерывается. Протяженные тоны поддерживаются комплементарными ходами в фактуре, которая на протяжении всей пьесы сохраняет прозрачность и вместе с тем сумрачный оттенок. Это происходит как в моменты *accelerando* и *ritenuto*, так и во время кратких подъемов, когда голоса фактуры окрашивают интонационные вершины мелодического голоса. Коды теряет интонационную

устремленность к вершинам. Три реплики короткими нисходящими мотивами растворяются в заключительном аккорде, который смутно ощущается как тонический («трезвучие» с расщепленной терцией). Но это не тоника гармонического устоя, скорее последний выдох, «исход души» из музыки. Прелюдия не просто оканчивается, в ней будто прекращается ток жизни. Гармония просветляется: впервые мажорная терция помещается в верхний мелодический голос.

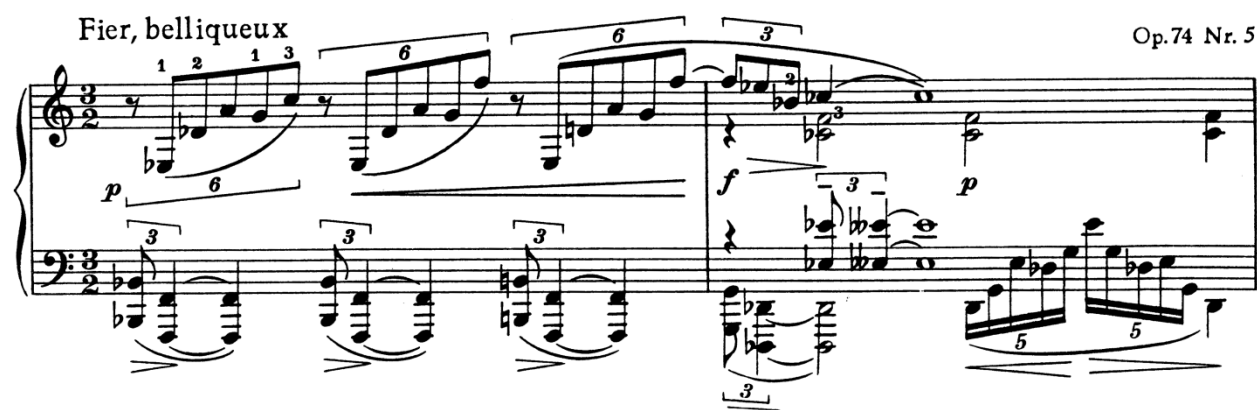
Если в первой пьесе цикла есть и страх, и трепет, и усилие освободиться от неизбежного, то в Прелюдии №4 все осуществляется уже как бы по ту сторону жизненной границы: сумрачная неве-

сомость без полетности, без чувственных касаний, без сладостного томления. Если и есть здесь выраженная эмоция, то это некоторое удивление перед неведомым доселе «пейзажем» и перед своим бесчувственным состоянием.

Прелюдия №5 “Fier, belliqueux” («Дико, воинственно»)

Вот она, в растворении сладостном твердь
В нашей пляске живой к нам грядущая смерть...

...Зажгись, священный храм от пламени сердец
Зажгись и стань святым пожаром
Смесись блаженно в нас, о сладостный отец,
Смесись со смертью в танце ярое! [14, с. 234]

Нарастающие гулкие удары «литавр» в басу (тт. 1, 3, 9, 11) и одиночные фанфары в октавном удвоении (тт. 2, 4, 10, 12) подобны воинственным звукам, когда-то сопровождавшим древние битвы. Набегающие волны коротких мотивов одна за другой охватывают все большее тесситурное пространство (тт. 1, 3, 9, 11). Их мерный бег останавливает триольный мотив второго такта, будто «падающий» в аккорд. Хроматическая октавная интонация поддерживает аккорд: темная

глубь под блистающим «гребнем». Волна, достигнув вершины, откатывается и рассыпается «пенной» секстолей шестнадцатых, в которых слышен и колокольный резонанс (тт. 2, 4, 10, 12). Из второй, угасшей было, волны, из мрака «упавшего» в контроктаву тритона не просто звучит, а почти буквально поднимается повелительный возглас (*impérieux*). Его поддерживает фанфарная имитация среднего голоса: одна мощная волна накрывает другую (тт. 5).

Синкопы половинных длительностей, будто поднимают некую ношу, все выше и выше (тт. 6, 7), затем с силой бросают ее вниз, и она скатывается в нисходящем гаммаобразном пассаже (т. 8).

Важнейшую роль в создании музыкального образа пьесы играют прихотливые особенности ее метроритмического строения. Три доли первого такта равномерно набирают, накапливают внутреннюю энергию (паузы перед каждым восходящим мотивом и падающие на кварту вниз басы также работают на накопление энергии). Второй такт синкопами и «кластером» шестнадцатых затормаживает движение. Чередование относительной метрической устойчивости (т. 1) и неустойчивости (т. 2) приводят к разрушению метрического устоя во втором предложении. В пятом

такте интонационный центр, вершина приходится на последнюю триольную восьмую первой доли; имитация среднего голоса также использует слабое время такта для создания эффекта достижения высшей точки метрического «диссонанса». После чего синкопированное дробление пятого и шестого тактов приводит к «падающему» пассажи шестнадцатых, в котором поддерживающие его вертикали, расположенные на слабом времени такта, дают ощущение почти полного разрушения метроритмического остова пьесы.

Два предложения, из которых состоит «конструкция» прелюдии тематически повторяют друг друга. Различие в «отправных» тонах мотивов: окончание второго предложения выше на тритон. Звучание первого предложения подобно

темным отблескам пламени, зловещим волнам огненной стихии, звучание второго пронзительно-яркое, смертельно светоносное. От третьей до контроктавы совершилось падение: слишком высок был полет, Икар смертельно опалил себе крылья. Тем мрачнее последний доминантсептаккорд, ставящий точку в этой трагической пьесе, и во всем последнем цикле А.Н. Скрябина. Известная метафора Б. Яворского подобна послезвучию этого доминантсептаккорда – «лебединая песнь души, последний вздох, тот влажный след, который оставила на песке изнемогающая, исчезающая, умершая волна» [3, с. 40].

В программу последнего концерта Скрябина, который состоялся в Петрограде 2 апреля 1915 года, входили две пьесы из цикла прелюдий соч. 74 №1 и №4 [2, с. 154]. Именно те, которые с наибольшей силой выражают состояние томления плененного духа и в некотором смысле возвращают тон исповедальности, так характерный для начала творчества композитора. Остались не исполненными автором вторая прелюдия – явление *белой сестры*», третья – буйство *нечестивой пляски*, пятая – *торжество демона*. Несмотря на то, что Прелюдии соч. 74, по-видимому, представляют собой единый цикл, исполнители редко включают его целиком в концертные программы. Причиной тому, возможно, слишком очевидная явленность в этой музыке образа смерти, которому противится все живое, противится само эстетическое чувство. Ни одно из произведений в жанре *Totentanz* никогда ни производило такого тягостного впечатления, даже почти внеэстетического, несмотря на совершенство музыкального композиторского воплощения музыкальной идеи. Это вероятно потому, что запечатленный образ *белой сестры* – ключевой образ Мистерии – в последнем опусе непосредственно связан с судьбой самого композитора, не только его творчества.

Художник-провидец, А.Н. Скрябин пристальным художественным взглядом исследуя мир, оставляет нам важное свидетельство, резцом скульптора ваяет последний предел человеческого чувствования и понимания бытия. И здесь

может быть стоит вспомнить таинственные слова О. Мандельштама о А.Н. Скрябине: «Если сорвать покров смерти с этой творческой жизни, она будет свободно вытекать из своей причины – смерти, располагаясь вокруг нее, как вокруг своего солнца, и поглощая его свет» [6, с. 317]. Через призму и этого высказывания и через музыку последних прелюдий Скрябина мы можем по-особому взглянуть на весь его творческий путь, найти в нем новые значения и смыслы, открыть заново, ставшее уже привычным.

Выводы. Последний опус А.Н. Скрябина – это лишь пять миниатюр. Но их содержательная плотность такова, что способна дать некоторое представление о сущности мистериальных замыслов их автора. Пять образов, каждый из которых может пониматься как символ растворения или уничтожения, выстраиваются в некий круг, из которого нет выхода. Входящий же в него обречен и стремится к поглощению вечным *ничто*. *Элементарные частицы* Мистерии, свернутые в образах-эскизах последних скрябинских миниатюр, готовы к бесконечному делению, способны развернуться до всемирного масштаба. Являются ли эти образы порождением теософии, символистской поэзии, отразившиеся в зеркале неординарной личности и помноженные на гениальный дар композитора? Или художественный инстинкт произвел на свет фантом, соотносимый с силой искусства, в которую так верил автор? А может быть в них бьется крылатой птицей *жизнь*, противящаяся своей противоположности *смерти*?

Мистерия не состоялась ввиду ее очевидной фантастичности. Предварительное действие осталось незаписанным, а его поэтические наброски представляют интерес лишь для узкого круга специалистов. Попытки реализовать музыку Предварительного действия дают лишь некоторое представление о Духе замысла. Последние скрябинские миниатюры – Пять прелюдий соч. 74 – понимаемые как «эскизы» к Мистерии, открывают путь к пониманию существа, смысла и провидческого значения эсхатологических устремлений грандиозного плана.

1. А.Н. Скрябин: Сборник статей. К столетию со дня рождения (1872-1972). – М.: Советский композитор. – 1973. – 548 с.
2. Александр Николаевич Скрябин. Альбом. Второе изд. Сост. Е.Н. Рудакова. – М.: Музыка. 1980. – 216 с.
3. Бобровский, В. О драматургии скрябинских сочинений // Советская музыка. – 1972. – №1. – С. 114-119
4. Дельсон, В. Ю. Скрябин. Очерки жизни и творчества. – М., «Музыка», 1971. – 430 с.
5. Дернова, В. П. Последние прелюдии Скрябина: Исслед. – М.: Музыка, 1988. – 94 м., нот.
6. Мандельштам, О. Собрание сочинений в четырех томах. Том II. – М.: ТЕРРА, 1991. – 730 с.
7. Месхишвили, Э. Фортепианные сонаты Скрябина. М.: Советский композитор. – 1981. – 272 с.

8. Нижегородский скрябинский альманах: Сборник. – Н. Новгород: Издательство «Нижегородская ярмарка», 1995. – 256 с. + 16 с. вкл.
9. Николаева, А. Особенности фортепианного стиля А.Н. Скрябина. На примере произведений малой формы. – М.: Советский композитор. – 1983. – 104 с.
10. Павчинский, С. Э. Произведения Скрябина позднего периода. – М.: Музыка, – 1969, – 102 с.
11. Павчинский, С. Э. Сонатная форма произведений Скрябина. Ред. В.П. Бобровский. – М.: Музыка, 1979. – 236 с., нот., схем.
12. Ровнер, А. «Мгновенья пыл рождает вечность». «Предварительное действие» Александра Скрябина в обработке Сергея Протопопова / А. Ровнер // Музыкант-Классик. – 2006. – № 1. – С. 26.
13. Рубцова, В. В. Александр Николаевич Скрябин. – М.: Музыка, 1989. – 447 с.: ил.: нот.: портр. – (Классики мировой муз. культуры).
14. Русские Пропилеи. Т. 6. Материалы по истории русской мысли и литературы. Собрал и приготовил к печати М. Гершензон. Москва: Издание М. и С. Сабашниковых. – 1919. – 250 с.
15. Сабанеев, Л. Л. Воспоминания о Скрябине. – М.: «Классика-XXI», 2003. – 400с., ил.
16. Сахалтуева, О. Е. О гармонии Скрябина. – М.: Музыка. – 1965. – 52 с.
17. Скворцова, И. А. Скрябин и стиль модерн / И. А. Скворцова // Научный вестник Московской консерватории. – 2012. – № 3. – С. 078-082.
18. Смирнова, Н. М. Разноцветный мир музыки А. Скрябина / Н. М. Смирнова // Культура в фокусе научных парадигм. – 2022. – № 14-15. – С. 81-87.
19. Федоровцев, В. Г. Влияние теософии на мировоззрение и творчество А.Н. Скрябина / В. Г. Федоровцев // Colloquium-Journal. – 2019. – № 1-2(25). – С. 32-33.
20. Шумилин, Д. А. Музыкальные символы Скрябина / Д. А. Шумилин // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 85. – С. 136-141.
21. Щербакова, Е. В. Проблема сверхчеловека в русской музыкальной культуре Серебряного века: Скрябин и Ницше / Е. В. Щербакова // Вопросы культурологии. – 2009. – № 10. – С. 71-74.

THE LAST OPUS OF ALEXANDER SRIABIN AS A MUSICAL "SKETCH" OF THE MYSTERY

© 2022 D.A. Dyatlov
*Dmitry A. Dyatlov, Doctor of Arts,
Professor Of The Piano Departments
E-mail: diatlovda@mail.ru
Samara State Institute of Culture
Samara, Russia*

The article is devoted to the last piano opus by A.N. Scriabin - Five Preludes Op. 74 - in whose music one can see a certain artistic intention associated with the general idea of Scriabin - a musician and thinker. For a number of years the composer was completely absorbed in the idea of the Mystery. The grandiose plan involved the involvement of all mankind in a synthetic action in which civilization and culture would come to an end of their existence. The ecstatic feeling was to become the condition of unity in the last act of creation. The obvious impracticability of the Mystery was expressed in a compromise - the creation of a Preliminary Action. In the last years of his life, Scriabin devoted more and more time to composing music and poetic texts for his mystery plan. Refusing to compose major symphonic works, Scriabin worked on piano miniatures and sonatas, the composition of which he considered an intermediate result on the way to his main goal. Researchers note a significant change in the musical language during this period of creativity. The circle of images that worried the composer at that time was connected with the Mystery. The poetic texts of the Preliminary Act and the music composed during the last year of his life resonate in a peculiar way. This is especially true of the cycle of miniatures - Five Preludes Op. 74. Their sound reveals an extra-musical content, in which one can see the ideas and images of the Mystery in a folded form or in "sketches".

Keywords: Alexander Scriabin, Mystery, Preliminary Act, Preludes Op. 74, extramusical content

DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-86-63-73

1. A.N. Scriabin: Sbornik statei. K stoletiiu so dnia rozhdeniia (1872-1972) (A.N. Scriabin: Collection of articles. On the centenary of his birth (1872-1972). – М.: Sovetskii kompozitor. – 1973. – 548 s.
2. Aleksandr Nikolaevich Skriabin. Al'bom (Alexander Nikolaevich Skryabin. Album). Vtoroe izd. Sost. E.N. Rudakova. – М.: Muzyka. 1980. – 216 s.

3. Bobrovskii, V. O dramaturgii skriabinskikh sochinenii (On the dramaturgy of Scriabin's works) // Sovetskaia muzyka. – 1972. – №1. – S. 114-119
4. Del'son, V. Iu. Skriabin. Ocherki zhizni i tvorchestva (Yu. Skryabin. Essays on life and creativity). – M., «Muzyka», 1971. – 430 s.
5. Dernova, V. P. Poslednie prelyudii Skryabina: Issled (Scriabin's last preludes: research.). – M.: Muzyka, 1988. – 94 m., not.
6. Mandel'shtam, O. Sobranie sochinenij v chetyrekh tomah (Collected works in four volumes. Volume II). Tom II – M.: TERRA, 1991. – 730 s.
7. Meskhishvili, E. Fortepiannye sonaty Skryabina (Piano Sonatas by Scriabin). M.: Sovetskij kompozitor. – 1981. – 272 s.
8. Nizhegorodskij skryabinskij al'manah: Sbornik (Nizhny Novgorod Scriabin Almanac: Collection). – N. Novgorod: Izdatel'stvo «Nizhegorodskaya yarmarka», 1995. – 256 s. + 16 s. vkl.
9. Nikolaeva, A. Osobennosti fortepiannogo stilya A.N. Skryabina. Na primere proizvedenij maloj formy (Features of the piano style of A.N. Scriabin. On the example of works of small form). – M.: Sovetskij kompozitor. – 1983. – 104 s.
10. Pavchinskij, S. E. Proizvedeniya Skryabina pozdnego perioda (Scriabin's works of the late period). – M.: Muzyka, – 1969, – 102 s.
11. Pavchinskij, S. E. Sonatnaya forma proizvedenij Skryabina (Scriabin's works of the late period). Red. V.P. Bobrovskij. – M.: Muzyka, 1979. – 236 s., not., skhem.
12. Rovner, A. «Mgnoven'ya pyl rozhdaet vechnost'». «Predvaritel'noe dejstvo» Aleksandra Skryabina v obrabotke Sergeya Protopopova ("Moments of ardor gives birth to eternity" "Preliminary Action" by Alexander Scriabin, edited by Sergei Protopopov) / A. Rovner // Muzykant-Klassik. – 2006. – № 1. – S. 26.
13. Rubcova, V. V. Aleksandr Nikolaevich Skryabin (Alexander Nikolaevich Skryabin). – M.: Muzyka, 1989. – 447 s.: il.: not.: portr. – (Klassiki mirovoj muz. kul'tury).
14. Russkie Propilei. T. 6. Materialy po istorii russkoj mysli i literatury (Russian Propylaea. T. 6. Materials on the history of Russian thought and literature). Sobral i prigotovil k pechati M. Gershenzon. Moskva: Izdanie M. i S. Sabashnikovyh. – 1919. – 250 s.
15. Sabaneev, L. L. Vospominaniya o Skryabine (Memories of Scriabin). – M.: «Klassika-XXI», 2003. – 400s., il.
16. Sahaltueva, O. E. O garmonii Skryabina (About Scriabin's harmony). – M.: Muzyka. – 1965. – 52 s.
17. Skvorcova, I. A. Skryabin i stil' modern (Scriabin and Art Nouveau) / I. A. Skvorcova // Nauchnyj vestnik Moskovskoj konservatorii. – 2012. – № 3. – S. 078-082.
18. Smirnova, N. M. Raznocvetnyj mir muzyki A. Skryabina (The colorful world of music by A. Scriabin) / N. M. Smirnova // Kul'tura v fokuse nauchnyh paradigm. – 2022. – № 14-15. – S. 81-87.
19. Fedorovcev, V. G. Vliyanie teosofii na mirovozzrenie i tvorchestvo A.N. Skryabina (The influence of theosophy on the worldview and creativity of A.N. Scriabin) / V. G. Fedorovcev // Colloquium-Journal. – 2019. – № 1-2(25). – S. 32-33.
20. Shumilin, D. A. Muzykal'nye simvol'y Skryabina (Musical symbols of Scriabin) / D. A. Shumilin // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. – 2008. – № 85. – S. 136-141.
21. Shcherbakova, E. V. Problema sverhcheloveka v russkoj muzykal'noj kul'ture Serebryanogo veka: Skryabin i Nicshe (The Problem of the Übermensch in the Russian Musical Culture of the Silver Age: Scriabin and Nietzsche) / E. V. Shcherbakova // Voprosy kul'turologii. – 2009. – № 10. – S. 71-74.

УДК 130.2 (Философия культуры. Системы культуры. Культурологические учения)

К ПОНЯТИЮ КУЛЬТУРФИЛОСОФСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

© 2022 И.Ю. Макаrchук

Иван Юрьевич Макаrchук, кандидат юридических наук, доцент кафедры философии

<https://orcid.org/0000-0003-2632-2772>

E-mail: imakarchuk@sfu-kras.ru

Сибирский федеральный университет

Красноярск, Россия

Статья поступила в редакцию 29.06.2022

В статье представлена исследовательская стратегия, согласно которой автор последовательно рассматривает такие концепты, как «герменевтика», «понимание», «смысл», «текст литературно-художественного произведения», «философская интерпретация», а затем на основе изложенных подходов конституирует понятие «культурфилософской интерпретации литературно-художественного произведения». Герменевтика сопутствует процессу познания, когда в последнем выкристаллизовываются смыслы, что дает основания рассматривать ее в качестве наиболее подходящего средства для распознавания семантических пластов литературно-художественного произведения. Такого рода произведения генетически являются смысловым ландшафтом, соответственно предполагают понимание как условие проникновения в их внутренний мир. Смыслы литературно-художественных произведений как правило зашифрованы авторами, что предполагает кропотливую интерпретаторскую деятельность, базирующуюся на соответствующих философско-культурологических традициях. Понимание и смысл неразрывно связаны друг с другом, поскольку понимание смысла есть итог, конечный результат процесса интерпретации, соответственно интерпретация нужна в условиях отсутствия непосредственного понимания. В ходе исследования установлено, что культурфилософская интерпретация литературных произведений, использующая герменевтический инструментарий, обогащает философские исследования в рамках теории и истории культуры, поскольку синтезирует новое знание, благодаря которому мы становимся частью культуры, знакомясь с ее лучшими образцами, отличающимися культурфилософской глубиной и фундаментальностью. На основании проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что культурфилософская интерпретация литературно-художественного произведения представляет собой метод гуманитарного познания, имеющий целью установление философско-культурологических смыслов, заложенных писателем в соответствующее литературно-художественное произведение путем применения герменевтических процедур.

Ключевые слова: герменевтика, литературно-художественное произведение, понимание, смысл, философская интерпретация

DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-86-74-81

Введение. Герменевтика имеет несколько особенностей, делающих её привлекательной для исследователей-гуманитариев: герменевтические процедуры и их методика построены с учетом специфики гуманитарных наук, в орбите внимания герменевтики находится не только человеческая деятельность, но и ее смыслополагающие начала, герменевтика предполагает наличие системного подхода при интерпретации текстов культуры, а также выступает методологической основой интерпретации текстов [4, с. 62-63].

Герменевтика (от греч. «разъясняю, истолковываю») родилась в античности как искусство истолкования знамений, предсказаний оракула,

затем — поэтических текстов. В истории герменевтики — и святоотеческая экзегетика Ветхого и Нового Завета, и расширение ее до целой отрасли в гуманитарных, философских науках, центрированных на проблемах понимания. Вместе с тем сохраняется и ее значение как системы методик вскрытия глубинных смыслов, интерпретации различных текстов [24, с. 8].

По мнению Е.Н. Шульги, герменевтика получила оформление в начале XVI в. в рамках «дискуссии между католиками и протестантами о роли традиции в переводах Священного Писания». С данного времени герменевтика, являвшаяся теорией истолкования, постепенно стала философской герменевтикой [27]. При этом

«герменевтика никогда не теряла свою актуальность и заняла важное место в современной философии благодаря тому, что ставит глубокие вопросы об условиях символизма, коммуникации, их взаимодействия с культурой в целом». Интерпретируя тексты культуры и выявляя новые смыслы, герменевтика всегда стремится составить общую картину их формирования, исследователь особенности творческого освоения действительности, процесса познания окружающего мира, образы которого постигаются сквозь призму этих смыслов [6, с. 147].

Методы исследования. Методологическую основу исследования составили как общенаучные методы (индукция, дедукция, анализ, синтез), так и междисциплинарные методы (системно-функциональный, биографический). В ходе работы над статьей автор обращался к культурфилософскому анализу, а также контент-анализу документальной и научной литературы.

История вопроса. Понимание является процедурой осмысления, т.е. выявления, раскрытия и реконструкции реального смысла, а также смыслообразования. Понимание обеспечивает реализацию содержательного плана гуманитарного знания, его смысла, что создает новое смысловое пространство, а значит вызывает к жизни особый тип понимания. Событие понимания может иметь место только при условии сопричастности, «включенности» в смыслы объекта интерпретации. Понимание – неотъемлемое свойство человеческой духовной деятельности, которое является энергоемкой задачей для сознания, поскольку при первом происходит взаимодействие эмоциональной и когнитивной сторон человека, оно им переживается и детерминируется социокультурными условиями и особенностями сознания» [16].

Рассмотрим особенности генетической связи понимания и смысла с философским, культурологическим и философско-культурологическим знанием. Понимание и смысл являются одной из существенных проблем современной теории и практики исследования культуры. При узком подходе смысл можно представить как тип герменевтических практик, а при более широком взгляде – он образует тип рациональности в социальном познании. Следовательно, пути нахождения смысла и его последующей реконструкции предопределены границами «превалирующего типа рациональности в социальном познании и герменевтической практике. А потому философское исследование смысла – важ-

нейший путь самопознания человека и его культуры» [26, с. 36].

Академик РАН А.В. Смирнов указывает на то, что смысл – главная проблема философии, причем «настолько главная, что она до сих пор толком не была поставлена. Хотя бы потому, что смысл всегда отодвигался «на потом» и ни у кого не играл роль начала. Между тем смысл — дело философии, и только философии, потому что смысл и есть начало; наука же никогда не занимается проблемой начала, она может лишь разрабатывать данное ей начало». В этой связи культура является способом осмысления мира, «способностью разворачивать смыслы» [25, с. 7, 14].

Основательно исследовали проблемы культуры и смысла культурфилософы А.А. Пелипенко и И.Г. Яковенко. Согласно взглядам указанных авторов культурология – наука о смыслах, поскольку «человек живёт в пространстве смыслов. Все и всяческие сущности, при всех их разнообразнейших различиях, едины в том, что являются продуктами смыслополагания <...> культура, в сколь угодно широком её понимании, есть результат действия законов смыслообразования. Именно принадлежность к единому смысловому пространству объединяет повседневную жизнь отдельного человека и историческую практику <...> а также великое множество иных проявлений человеческой активности в сплошной континуум культуры. Говоря о предметном теле культуры, следует помнить, что мы всегда имеем дело не с предметным телом как таковым или единичными предметными объектами, а только лишь с репрезентирующими их смыслами» [21, с. 8-9].

В докторской диссертации А.А. Пелипенко также констатировал, что «при всём богатстве и многообразии научных и философских концепций, проблема *смысла* остаётся, пожалуй, ключевой для современной культурологии. На теоретическом уровне центральный нерв этой проблемы, как представляется, состоит в том, что она, как не странно, так и не сформулирована как проблема собственно культурологическая <...> смысл не интерпретирован как культурный феномен в своём собственно культурном, а не лингвистическом, социальном, идеографическом, символическом или каком-либо ином модусе» [20, с. 11].

Результаты исследования. Действительно, культуру невозможно представить лишенной смысловых основ, поэтому анализ процесса

смыслообразования и смыслоуловления, продуцирование результатов, зафиксированных в структурно-функциональных моментах этого процесса, является актуальной задачей при исследовании культуры [8, с. 4]. Смыслообразующие начала особенно сильны в художественных текстах, поскольку содержание последних напитано «глубоко личностными и чувственно-эмоциональными» посылами автора произведения [19, с. 118]. Так, итальянский философ Э. Бетти писал, что культурные ценности, подвергающиеся интерпретации в качестве «фрагментов исторической жизни, т.е. жизни культуры», рассматриваются в этом контексте как «смысло-содержащие формы», имеющие выраженный характер произведения и соответственно исследуемые «в их принадлежности к истории культуры и духа в ее многообразных формах» [3, с. 121-123].

Настоящее исследование направлено на «смыслоуловление» литературно-художественных произведений (текстов), смысл которых не является раз и навсегда данным и независимым от интерпретатора, напротив, посредством герменевтических процедур происходит самореализация культуры в человеке и человека в культуре. При этом может возникать вопрос: а постигаемо (познаваемо) ли художественное произведение? При ответе на этот вопрос солидаризуемся с аргументацией филолога-германиста Н.О. Гучинской: «Творец в абсолютном смысле творит мир. Автор, по своим человеческим возможностям, творит текст. В отличие от Творца, творец автор как человек конкретен и познаваем и поэтому познаваем и его Мир – текст» [9, с. 117]. Понимание здесь «восполняет текст, оно активно и носит творческий характер. Творческое понимание продолжает творчество, умножает художественное богатство человечества» [1, с. 346].

Текст литературно-художественного произведения сам по себе является смысловым ландшафтом [28, с. 317], соответственно предполагает понимание, как условие проникновения во внутренний мир произведения. В художественном тексте, как правило, наличествует полифония смыслов, контекстов, усиленных авторской рефлексией. Наиболее полному и точному пониманию такого текста может служить философско-культурологический подход. В рамках понимания художественного текста через призму фи-

лософии культуры В.Н. Порус предлагает три типа такого понимания. Во-первых, «понимание» как выяснение (усвоение) смысла объекта понимания. Полученный смысл есть знание («понять текст – значит знать его смысл»). Во-вторых, «понимание» как интерпретация (наделение смыслом) – творческий акт автономного субъекта-интерпретатора, вызванный к жизни текстом. В-третьих, «понимание» как со-творение смысла литературного произведения через вовлечение «всей совокупности культурных факторов». В таком процессе участвуют два равноправных лица – автор произведения и понимающий субъект» [23].

По словам классика культурфилософии М.М. Бахтина, художественный текст является феноменом «кристаллизации деятельности, творчества и культуры поколений <...> резервуаром познания, из которого последующие поколения приобретают будущее» [2, с. 145], рассматриваемый феномен – сокровищница, аккумулирующая все богатства языка и воображения [17, с. 3]. В герменевтическом прочтении приведенный тезис означает, что такого рода произведения – «специфический способ закодирования эмоционально-психологических состояний, мыслей, умонастроений, мироощущений людей своего времени. Воссоздавая его смысл, мы тем самым воссоздаем целостную картину бытия людей прошлого, их чувства и меру участия в их культуре интеллекта». Именно художественные произведения наиболее точно фиксируют «художественную память прошлых состояний общества, обнаруживая для нас скрытые пружины общественных диссонансов, форм переживания индивидом своей непосредственности как конкретной личности, а также является формой запечатления тех идей, которые наукой не были зафиксированы» [29, с. 48]. В таком ракурсе художественный текст – отражает узловые точки развития культуры и «в то же время создает базу для формирования системы интерпретаций как современного метода гуманитарного познания» [13]. Иными словами, художественный текст является непреходящим источником культурологической информации, но для ее продуктивного извлечения интерпретатору полагается иметь «равное умение охватить предмет мыслью и уловить чувством, то, что еще не поддается мысли». Именно благодаря взаимодействию логического и внелогического внутри системы культу-

ры рождаются новые смыслы культуры, новая информация [14, с. 20].

Художественный текст только тогда будет являться подлинным участником культурной жизни (независимо от времени своего создания), когда он регулярно развивается, меняются векторы его понимание, если не останавливается процесс со-творения, обновления и восстановления его смысла, если он регулярно становится предметом интерпретации ученых-исследователей и обывателей (самый распространенный случай интерпретации), включен в образовательные программы, а каждое новое поколение находит в нем актуальные концепты и использует их для познания и улучшения текущей жизни. Именно при таких обстоятельствах наилучшим образом раскрывается подлинный смысл произведений. Литературно-художественные произведения являются неисчерпаемым источником для развития и обогащения культурфилософского знания, извлечь которое возможно посредством интерпретации (герменевтического метода).

Философская интерпретация как феномен культуры, культурфилософская интерпретация литературно-художественного произведения. Интерпретация является одним из ключевых феноменов культуры, т.к. тождественна процедуре придания смысла объекту культуры. В самом общем виде интерпретацию можно определить как способ смыслового присвоения, ассимиляции, трансформации текста при полном сохранении его знаковой идентичности [28, с. 212]. Рассматриваемый феномен является одним из универсальных механизмов культуры и сопровождает произведение на всех этапах его существования: изначально автор должен истолковать свое произведение, «чтобы правильно его оформить и воплотить»; затем происходит восприятие произведения другим субъектом культуры (например, читателем или исследователем), поскольку «любое культурное «послание» достигает читателя зашифрованным в образах, знаках или понятиях, и правила его расшифровки никогда не бывают до конца очевидными [10, с. 31-32], соответственно, интерпретация – это всегда диалог автора и писателя, а значит творческое событие.

Культура не мыслима вне контекста и процедуры интерпретации. А чтобы понять текст, необходимо его «пережить», в первую очередь это касается именно художественных произведений [22, с. 7]. Приведёнными обстоятельства-

ми объясним тот факт, что «проблема интерпретации, едва ли не самая болезненная и интригующая, во всём комплексе представлений о культурных смыслах» [20, с. 13], соответственно признание фундаментальности интерпретационной деятельности понимающего субъекта – одна из основных черт современной парадигмы познания [15, с. 13].

Познавательный вектор философской интерпретации художественных произведений «нельзя подменять никакими другими целями – ни самовыражением, ни стремлением выигрышно продемонстрировать концепцию, ни желанием продемонстрировать художественное своеобразие произведения, ни наконец, стремлением во что бы то ни стало дать своё, оригинальное прочтение», поскольку «самые оригинальные интерпретации рождаются, как правило, не из стремления к оригинальности, а благодаря глубокому постижению произведения» [11, с. 164–165]. Аналогично: «... интерпретации и оценки одного и того же произведения могут существенно различаться. Тем не менее, несмотря на разницу мнений и критику, никому не приходит в голову переделывать произведение искусства» поскольку оно пребывает с нами всегда, как объективированный результат творческого процесса [5, с. 245 – 246]. Философски фундированная теория культуры способна представлять результаты интерпретации культурной реальности в виде целостной картины, т.к. философско-культурологический подход отличается универсальностью и продуктивностью, а значит он вправе претендовать на методологическое лидерство в современном гуманитарном знании [12].

Культурфилософская интерпретация литературно-художественного произведения не скована догматами литературоведения, например, в части установления соответствия интерпретационного результата «тому, что «замышлялось» автором <...> Вряд ли вообще возможно говорить о том, что кому-то доподлинно известно, что именно автором замышлялось. Наверное, с точки зрения дисциплинарного литературоведения это можно квалифицировать как недопустимое дилетантство. Однако в случае философствующей литературы <...> культурно-просветительская функция знания не должна угнетаться требованиями его строгости уже в силу того, что классика потому и классика, что содержит в себе неиссякаемый источник интерпретаций. Смыслы, заложенные в произведение

автором, в процессе их жизни в истории обнаруживают свои новые глубины и грани» [18, с. 6 – 7, 61 – 62]. Поэтому сторонникам культурфилософской интерпретации остается единственный выход: «бегство в культуру», «углубление в историческую реальность» путем постижения продуктов духовно-практического освоения мира, интерпретации смыслового богатства, накопленного мировой культурой в ходе ее исторического развития [7, с. 79].

Выводы. Рассмотренные общие и частные проблемы герменевтики позволяют определить культурфилософскую интерпретацию литературно-художественного произведения в качестве метода гуманитарного познания, направленного на установление (выявление) философско-культурологических смыслов, заложенных автором в соответствующее литературно-художественное произведение путем применения герменевтических процедур (механизмов интерпретации).

1. Бахтин, М. Из записей 1970–1971 гг. // Бахтин М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 423 с.
2. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики [Текст] / М. М. Бахтин. – М.: Просвещение, 1975. – 504 с.
3. Бетти, Эмилио. Герменевтика как общая методология наук о духе / Пер. с нем.: Е. В. Борисов. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. – 144 с.
4. Боров, Ю. Б. Теория художественного восприятия и рецептивная эстетика, методология критики и герменевтика (вместо введения) // Теории, школы, концепции: (Критич. анализы). Худож. рецепция и герменевтика. [Сборник] / АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; Отв. ред. Ю. Б. Боров. – М.: Наука, 1985. – 69 с.
5. Бронников, А. В. Третье бытие. – СПб.: Владимир Даль, 2019. – 319 с.
6. Букреева, А. Н. Герменевтический подход к анализу смысла художественных образов: дисс. ... канд. филос. наук. – М., 2018. – 161 с.
7. Быстрицкий, Е. К., Кошарный С. А. Философская герменевтика: гносеологические и онтологические подходы // Философские науки. – 1987. – № 1. – С. 71-79.
8. Григорьев, А. А. Культурологический смысл концепта: специальность 24.00.01 "Теория и история культуры": диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Григорьев Алексей Алексеевич. – М., 2003. – 176 с.
9. Гучинская, Н. О. Hermeneutica in nuce. Очерк филологической герменевтики. – СПб.: «Церковь и культура», 2002. – 128 с.
10. Доброхотов, А. Л. Избранное: [авт. сборник] / А. Л. Доброхотов. М.: Территория будущего, 2008. – 472 с.
11. Есин, А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: учебное пособие. – М.: Флинта, Наука, 2002. – 248 с.
12. Жукова, О. А. Философия и теория культуры в анализе современности. – URL: <http://cult-cult.ru/philosophy-and-theory-of-culture-in-analysis-of-today/> (дата обращения: 22.02.2022).
13. Люсый, А. П. География текстуальной революции. Междисциплинарные исследования локальных текстов культуры // Гуманитарное знание и вызовы времени / Отв. ред. и составитель тома С.Я. Левит. – М.: СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. – С. 214-236.
14. Манкевич, И. А. Литературно-художественное наследие как источник культурологической информации // Обсерватория культуры. – 2007. – № 5. – С. 17-23.
15. Микешина, Л. А. Интерпретация как фундаментальная операция познания // Epistemology & Philosophy of Science. – 2008. – № 3. – С. 5-13.
16. Монахова, И. А. Проблема понимания в современных философских исследованиях // Гуманитарные исследования. – 2005. – № 1. – С. 9-17.
17. Незнамова, С. П. Проблема понимания художественного текста и произведения: специальность 09.00.01 "Онтология и теория познания": автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Незнамова Светлана Павловна. – Воронеж, 2005. – 164 с.
18. Никольский, С. А. Горизонты смыслов. Философские интерпретации отечественной литературы XIX-XX вв. – М.: Голос, 2015. – 536 с.
19. Оганов, А. А. Смысловые интенции художественного текста / А. А. Оганов // Эстетика и герменевтика: Сборник к 60-летию кафедры эстетики МГУ: сборник статей всероссийской научной конференции, Москва, 11 декабря 2020 года / Отв. редактор Е.А. Кондратьев. – М.: ООО "МАКС Пресс", 2022. – С. 118-120.
20. Пелипенко, А. А., Культура как пространство смыслов: Структурно-морфологические аспекты: диссертация ... доктора философских наук: 24.00.01. – М., 1999. – 539 с.
21. Пелипенко, А. А., Яковенко, И. Г. Культура как система. – М.: Издательство «Языки русской культуры», 1998. – 376 с.

22. Попов, Е. А. Концепция культуры в творчестве О.Э. Мандельштама: динамика и этапы развития: специальность 24.00.01 "Теория и история культуры": автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата культурологии / Попов Евгений Анатольевич. – Екатеринбург, 2008. – 152 с.
23. Порус, В. Н. Что значит «понять» художественный текст // Вопросы философии. – 2016. – № 7. – С. 84–96.
24. Семенова, С. Г. Русская литература XIX–XX веков: От поэтики к миропониманию. – М.: Академический проект; Парадигма, 2016. – 890 с.
25. Смирнов, А. В. Сознание. Логика. Язык. Культура. Смысл. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – 712 с.
26. Смирнова, Н. М. Понятие смысла в зеркале герменевтических практик // Вопросы социальной теории. – 2018. – №10. – С. 25–37.
27. Шульга, Е. Н. Логическая герменевтика о противоречивости философских систем // Мысль и искусство аргументации / отв. ред. И. А. Герасимова. – М.: Прогресс-Традиция. 2003. – С. 191–211.
28. Эпштейн, М. Н. От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. – 480 с.
29. Юшманова, Т. Н. Некоторые проблемы критики герменевтики как метода философско-эстетических интерпретаций культуры (критический анализ идеалистических герменевтических концепций Г. Шпета и П. Рикера): диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.04. – М., 1984. – 184 с.

TO THE CONCEPT OF CULTURAL-PHILOSOPHICAL INTERPRETATION OF A LITERARY-ARTISTIC WORK

© 2022 I.Yu. Makarchuk

Ivan Yu. Makarchuk, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Philosophy

<https://orcid.org/0000-0003-2632-2772>

E-mail: imakarchuk@sfu-kras.ru

Siberian Federal University

Krasnoyarsk, Russia

The article presents a research strategy, according to which the author consistently considers such concepts as "hermeneutics", "understanding", "meaning", "text of a literary and artistic work", "philosophical interpretation", and then, on the basis of the above approaches, constitutes the concept of "cultural-philosophical interpretation of a literary and artistic work. Hermeneutics accompanies the process of cognition, when the processes of crystallization of meanings take place in the latter, which gives grounds to consider it as the most suitable means for recognizing the meanings of a literary and artistic work. Such works are genetically a semantic landscape, respectively, suggest understanding as a condition for penetration into their inner world. The meanings of literary and artistic works are usually encrypted by the authors, which implies painstaking interpretive activity based on the relevant philosophical and cultural traditions. Understanding and meaning are inextricably linked with each other, since understanding of meaning is the result, the final result of the process of interpretation, "correspondingly, interpretation is needed in the absence of direct understanding. The study found that the cultural-philosophical interpretation of literary works, using hermeneutic tools, enriches philosophical research within the framework of the theory and history of culture, as it synthesizes new knowledge, thanks to which we become part of culture, getting acquainted with its best examples, distinguished by cultural-philosophical depth and fundamentality. Based on the study, the author comes to the conclusion that the cultural-philosophical interpretation of a literary and artistic work is a method of humanitarian knowledge, which aims to establish the philosophical and cultural meanings embedded by the author in the corresponding literary and artistic work by applying hermeneutic procedures.

Keywords: hermeneutics, literary work, understanding, meaning, philosophical interpretation

DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-86-74-81

1. Bahtin, M. Iz zapisej 1970–1971 gg. (From records 1970–1971) // Bahtin M. Estetika slovesnogo tvorchestva. – М.: Iskusstvo, 1979. – 423 s.
2. Bahtin, M. M. Voprosy literatury i estetiki [Tekst] (Issues of Literature and Aesthetics [Text]) / M. M. Bahtin. – М.: Prosveshchenie, 1975. – 504 s.
3. Betti, Emilio. Germenevtika kak obshchaya metodologiya nauk o duhe (Hermeneutics as a general methodology of the sciences of the spirit) / Per. s nem.: E. V. Borisov. – М.: «Kanon+» ROOI «Reabilitaciya», 2011. – 144 s.
4. Borev, Yu. B. Teoriya hudozhestvennogo vospriyatiya i receptivnaya estetika, metodologiya kritiki i germenevtika (vmesto vvedeniya) (Theory of artistic perception and receptive aesthetics, methodology of criticism and hermeneutics (instead of an introduction)) // Teorii, shkoly, koncepcii: (Kritich. analizy). Hudozh. recepciya i germenevtika. [Sbornik] / AN SSSR, In-t mirovoj lit. im. A. M. Gor'kogo; Otv. red. YU. B. Borev. – М.: Nauka, 1985. – 69 s.

5. Bronnikov, A. V. Tret'e bytie (Third Genesis). – SPb.: Vladimir Dal', 2019. – 319 s.
6. Bukreeva, A. N. Germenevticheskij podhod k analizu smysla hudozhestvennyh obrazov (Hermeneutic approach to the analysis of the meaning of artistic images): diss. ... kand. filos. nauk. – M., 2018. – 161 s.
7. Bystrickij, E. K., Kosharnyj, S. A. Filosofskaya germenevtika: gnoseologicheskie i ontologicheskie podhody (Philosophical hermeneutics: epistemological and ontological approaches) // Filosofskie nauki. – 1987. – №1. – S. 71-79.
8. Grigor'ev, A. A. Kul'turologicheskij smysl koncepta (Cultural meaning of the concept): special'nost' 24.00.01 "Teoriya i istoriya kul'tury": dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filosofskih nauk / Grigor'ev Aleksej Alekseevich. – M., 2003. – 176 s.
9. Guchinskaya, N. O. Hermeneutica in nuce. Oчерк filologicheskoy germenevtiki (Hermeneutica in nuce. Essay on philological hermeneutics). – SPb.: «Cerkov' i kul'tura», 2002. – 128 s.
10. Dobrohotov, A. L. Izbrannoe (Favorites): [avt. sbornik] / A.L. Dobrohotov. – M.: Territoriya budushchego, 2008. – 472 s.
11. Esin, A. B. Principy i priemy analiza literaturnogo proizvedeniya (Principles and techniques for analyzing a literary work): uchebnoe posobie. – M.: Flinta, Nauka, 2002. – 248 s.
12. Zhukova, O. A. Filosofiya i teoriya kul'tury v analize sovremennosti (Philosophy and theory of culture in the analysis of modernity) - URL: <http://cult-cult.ru/philosophy-and-theory-of-culture-in-analysis-of-today/> (data obrashcheniya: 22.02.2022).
13. Lyusyij, A. P. Geografiya tekstual'noj revolyucii. Mezhdisciplinarnye issledovaniya lokal'nyh tekstov kul'tury (Geography of the Textual Revolution. Interdisciplinary studies of local texts of culture) // Gumanitarnoe znanie i vyzovy vremeni / Otv. red. i sostavitel' toma S.YA. Levit. – M.: SPb.: Centr gumanitarnykh iniciativ; Universitetskaya kniga, 2014. – S. 214-236.
14. Mankevich, I. A. Literaturno-hudozhestvennoe nasledie kak istochnik kul'turologicheskoy informacii (Literary and artistic heritage as a source of cultural information) // Observatoriya kul'tury. – 2007. – № 5. – S. 17-23.
15. Mikesheva, L. A. Interpretaciya kak fundamental'naya operaciya poznaniya (Interpretation as a fundamental operation of cognition) // Epistemology & Philosophy of Science. – 2008. – № 3. – S. 5-13.
16. Monahova, I. A. Problema ponimaniya v sovremennykh filosofskikh issledovaniyakh (The problem of understanding in modern philosophical research) // Humanities Studies. – 2005. – № 1. – S. 9-17.
17. Neznamova, S. P. Problema ponimaniya hudozhestvennogo teksta i proizvedeniya (The problem of understanding a literary text and work): special'nost' 09.00.01 "Ontologiya i teoriya poznaniya": avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filosofskih nauk / Neznamova Svetlana Pavlovna. – Voronezh, 2005. – 164 s.
18. Nikol'skij, S. A. Gorizonty smyslov. Filosofskie interpretacii otechestvennoj literatury XIX-XX vv. (Horizons of meanings. Philosophical interpretations of Russian literature of the XIX-XX centuries). – M.: Golos, 2015. – 536 s.
19. Oganov, A. A. Smyslovye intencii hudozhestvennogo teksta (Semantic intentions of a literary text) / A. A. Oganov // Estetika i germenevtika: Sbornik k 60-letiyu kafedry estetiki MGU: sbornik statej vserossijskoj nauchnoj konferencii, Moskva, 11 dekabrya 2020 goda / Otv. redaktor E.A. Kondrat'ev. – M.: OOO "MAKS Press", 2022. – S. 118-120.
20. Pelipenko, A. A., Kul'tura kak prostranstvo smyslov : Strukturno morfologicheskie aspekty (Culture as a space of meanings: Structural and morphological aspects): dissertaciya ... doktora filosofskih nauk : 24.00.01. – M., 1999. – 539 s.
21. Pelipenko, A. A., YAKovenko I. G. Kul'tura kak sistema (Culture as a system). – M.: Izdatel'stvo «Yazyki russkoj, kul'tury», 1998. – 376 s.
22. Popov, E. A. Konceptiya kul'tury v tvorchestve O.E. Mandel'shtama: dinamika i etapy razvitiya (The concept of culture in the work of O.E. Mandelstam: dynamics and stages of development): special'nost' 24.00.01 "Teoriya i istoriya kul'tury": avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata kul'turologii / Popov Evgenij Anatol'evich. – Ekaterinburg, 2008. – 152 s.
23. Porus, V. N. CHto znachit «ponyat'» hudozhestvennyj tekst (What does it mean to "understand" a literary text) // Voprosy filosofii. – 2016. – №7. – S. 84-96.
24. Semenova, S. G. Russkaya literatura XIX-XX vekov: Ot poetiki k miroponimaniyu (Russian Literature of the 19th-20th Centuries: From Poetics to World Understanding). – M.: Akademicheskij proekt; Paradigma, 2016. – 890 s.
25. Smirnov, A. V. Soznanie. Logika. Yazyk. Kul'tura. Smysl. (Consciousness. Logics. Language. Culture. Meaning.) Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2015. – 712 s.
26. Smirnova, N. M. Ponyatie smysla v zerkale germenevticheskikh praktik (The concept of meaning in the mirror of hermeneutic practices) // Voprosy social'noj teorii. – 2018. – №10. – S. 25-37.
27. SHul'ga, E. N. Logicheskaya germenevtika o protivorechivosti filosofskih sistem (Logical hermeneutics on the inconsistency of philosophical systems) // Mysl' i iskusstvo argumentacii / otv. red. I. A. Gerasimova. – M.: Progress-Tradiciya. 2003. – S. 191-211.
28. Epshtejn, M. N. Ot znaniya – k tvorchestvu. Kak gumanitarnye nauki mogut izmenyat' mir (From knowledge to creativity. How the humanities can change the world). – M.; SPb.: Centr gumanitarnykh iniciativ, 2016. – 480 s.

29. Yushmanova, T. N. Nekotorye problemy kritiki germeneytiki kak metoda filosofsko-esteticheskikh interpretatsiy kul'tury (kriticheskij analiz idealisticheskikh germeneyticheskikh koncepcij G. SHpeta i P. Rikera) (Some problems of criticism of hermeneutics as a method of philosophical and aesthetic interpretations of culture (a critical analysis of the idealistic hermeneutic concepts of G. Shpet and P. Ricker)): dissertatsiya ... kandidata filosofskikh nauk: 09.00.04. – M., 1984. – 184 s.

УДК 130.2 (Философия культуры. Системы культуры. Культурологические учения)

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА РОМАНА-ЭПОПЕИ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «КРАСНОЕ КОЛЕСО»: КУЛЬТУРФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

© 2022 И.Ю. Макаrchук

Иван Юрьевич Макаrchук, кандидат юридических наук, доцент кафедры философии

<https://orcid.org/0000-0003-2632-2772>

E-mail: imakarchuk@sfu-kras.ru

Сибирский федеральный университет

Красноярск, Россия

Статья поступила в редакцию 29.06.2022

Творчество выдающегося русского писателя А.И. Солженицына (1918–2008) обладает значимым культурфилософским потенциалом, поскольку может служить источником морально-этического, философского, культурологического и иного знания. В указанной плоскости корпус сочинений писателя (художественно-исторических и публицистических) может содействовать реализации задач исторического и патриотического просвещения, так как содержит развернутые ответы на традиционные вопросы социокультурного развития, демонстрирует победы и поражения прошлых поколений в зависимости от выбранной онтологической платформы. В рамках конструирования автором культурфилософской модели творчества А.И. Солженицына в статье представлены воззрения исследователей литературно-критического толка на роман-эпопею «Красное Колесо». Предметом литературной критики в разные годы становились жанровые, композиционные и историко-культурные особенности рассматриваемого произведения, а также давалась общая литературоведческая оценка романа, оценивалось его место в русской литературе. По результатам исследования, автор приходит к выводу о том, что «Красное Колесо» является документально-художественной летописью, поскольку сочетает в себе элементы исторического, литературного и эпического произведения. Рассмотренное в статье произведение отражает широкую панораму социокультурной жизни российского общества в переломную эпоху, когда происходило изменение сформированного столетиями культурного и ментального уклада российского народа.

Ключевые слова: литературная критика, А.И. Солженицын, роман-эпопея «Красное Колесо», литературный жанр, художественная летопись, культурфилософская модель

DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-86-82-90

Введение. Текущий этап социокультурного развития отмечен потребностью современного российского общества в национальной идее, актуализации ориентиров духовной жизни, а также определении векторов культурного бытия. Одним из значимых морально-нравственных авторитетов XX в. является писатель и мыслитель А.И. Солженицын. Главное произведение его жизни – роман-эпопея «Красное Колесо», который до настоящего времени не только недостаточно изучен представителями разных гуманитарных наук, но и мало знаком читателям. Так, например, В.В. Гуськов отмечает отсутствие должного литературоведческого анализа «Красного Колеса», которое занимает не только ведущую роль в творчестве писателя, но и является «знаковой во всей русской литературе XX столетия» [3, с. 5]. Объясняя недостаточность читательского интереса к эпопее, можно привести соображения А.М. Ранчина, опубликованные еще

в 1995 г., которые сводятся к тому, что роман-эпопея А.И. Солженицына сложное и объемное произведение, а значит требует как от простого читателя, так и от исследователя значимых интеллектуальных затрат и усилий. При этом А.М. Ранчин отмечает, что читатели, в том числе и представители интеллигенции, привыкли к облегченной информации [24, с. 177]. Не требующей доказательств представляется позиция, согласно которой, с середины 90-х годов приверженность и стремление читателей к «короткости и легкости» получаемой информации усилилось многократно, что также, к великому сожалению, обуславливает слабый читательский интерес к рассматриваемому произведению и в наши дни.

По объективному выводу А.В. Урманова, «Красное Колесо» – феноменальное и грандиозное произведение и само по себе и в ряду самых выдающихся произведений XIX и XX вв. В связи с чем к данному роману-эпопее применима це-

лая совокупность определений, характеризующая его как «самое»: самое значимое по объему, самое продолжительное по реализации авторского замысла, самое детализированное во временном отношении (в части последовательного описания событий по месяцам, дням, часам, минутам), а также самость, заключенная в уникальности жанра, архитектуры, приемов повествования и многих других проявлениях, в том числе и негативного порядка: «самое, увы, непрочитанное, непонятое» [33, с. 334].

История вопроса. Сам А.И. Солженицын в одном из интервью говорил, что работа над эпопеей о революционной катастрофе начала XX в. и первом послереволюционном времени определила и заняла всю его творческую жизнь. Здесь писатель отмечал, что структурно роман представлен узлами – отдельными книгами, посвященными короткому, но значимому отрезку времени, в котором непосредственно «завязан узел, где решается история». При этом писатель обоснованно отмечал, что в русской литературе нет аналогов этого труда, когда бы была представлена вся революция «в огромных движениях и в каждой мелочи» [28, с. 173].

Американский литературовед российского происхождения Л.В. Лосев писал, что жалобы на фундаментальность и сложность прочтения работ писателя имеют место не только среди американской учащейся молодежи, но и среди читателей-обывателей: люди в Америке могут часами проводить за просмотром примитивной телевизионной продукции, но игнорируют прочтение замечательных произведений мировой литературы – в этом интеллектуальный диагноз культурному состоянию общества [9, с. 291].

О монументальности романа-эпопеи писал и знаменитый литературовед-пушкинист В.С. Непомятый: «Красному Колесу» присущи принципиальность авторской позиции, широта и высота мысли писателя, объективность и полифония архитектуры произведения. И по состоянию на 2000-е годы «Красное Колесо» современной критике недоступно, но «не потому, что «нельзя» или что последняя истина, – нет. <...> Что-бы приобрести – надо отдалиться, пройдя дальше, по той исторической дороге, которая нам предстоит» [13, с. 172].

Переходя к основному содержанию статьи, отметим, что объект исследования представлен литературно-критическими работами, посвященными роману-эпопее А.И. Солженицына «Красное Колесо», образованному четырем уз-

лами: Август Четырнадцатого (узел первый) [25; 26], Октябрь Шестнадцатого (узел второй) [27; 18], Март Семнадцатого (узел третий) [19; 20; 21; 22], Апрель Семнадцатого (узел четвертый) [23; 24].

В последние годы у отечественных и зарубежных исследователей возрастает интерес к культурологическим, философским, филологическим и историософским аспектам романа-эпопеи «Красное Колесо». Предметом исследования становятся повествовательные особенности романа-эпопеи, его место в современной литературе и творчестве самого писателя, философская и богословская историография романа, проблемы гражданственности и символических образов, жанровые особенности романа и другие [11; 29-30; 37-39; 5-6; 35; 41-45].

В конце 80-х гг. XX в. поэт и искусствовед Ю.М. Кублановский писал, что «вышедшие к марту 1988 г. семь томов исторической эпопеи Александра Солженицына «Красное колесо» – классический пример непонимания современниками масштаба рождающегося прямо на их глазах творческого литературного феномена [7, с. 283]. Известный специалист в области литературы и культуры В.М. Живов в начале 90-х гг. XX в. отмечал, что потребуется несколько поколений читателей и исследователей для должной интерпретации и познания «Красного Колеса» [4, с. 247-249]. В конце 90-х г. XX в. П.Е. Спивковский констатировал, что принципиально особенное мироощущение и миропонимание присуще любому «большому художнику», что определяет затруднения в понимании гения (а значит и его творений) современниками [31, с. 6].

Современные исследователи также дискутируют на предмет композиционной последовательности романа-эпопеи: насколько органичны узлы связаны между собой, насколько объединены единой смысловой и сюжетной линиями? Литературный критик и литературовед А.С. Немзер приходит к выводу о том, что узлы «Красного Колеса» хоть и организованы «весьма различно» с уникальным набором характеристик, но при этом имеет место «общность смыслового рисунка» рассматриваемого произведения. В узле первом – «Августе Четырнадцатого» заложен центральный исторический сюжет [12, с. 138].

Филологом и публицистом В.Н. Яранцевым выдвинута замечательная идея о создании фундаментального труда – энциклопедии «Красного колеса» в основу которой будут положены до-

стижения солженицыноведения на взгляды и концептуальное обоснование творчества А.И. Солженицына [40].

Методы исследования. Методологическую основу исследования составили как общенаучные методы (индукция, дедукция, анализ, синтез), так и междисциплинарные методы (системно-функциональный, биографический). В ходе работы над статьей автор обращался к культурфилософскому анализу, а также контент-анализу литературной критики и научных исследований.

Результаты исследования. Литературовед и публицист Р.В. Плетнев писал, что точкой отсчета к созданию романа о русской революции следует считать год окончания писателем средней школы (1936 год): «Мысль написать исторический роман о поражении армии ген. Самсонова в августе 1914 года грезилась Солженицыну, «как главный замысел своей жизни» [14, с. 143-144].

В целом для «Красного Колеса» характерно «традиционное реалистическое повествование», основанное на перемежении значимых и содержательных психологического, бытового, жанрового концептов и конечно же «синтаксических и языковых оттенков» [7, с. 290].

Русист Н. Струве высказывал точку зрения, согласно которой писатель является создателем новой разновидности исторического романа, когда вымышленные и реальные персонажи «служат фоном, аккомпанементом» для художественного разворачивания исторических событий [32, с. 141]. При этом в «Красном Колесе» отсутствует единый образ автора, поскольку последний подразделяется на большое количество микрообразов, выражающих точки зрения различных персонажей эпопеи, как реальных, так и вымышленных [31, с. 21]. Более того, в «Красном Колесе» отсутствуют случайные события и самодостаточные персонажи, поскольку «каждый фрагмент текста не раз отзовется в иных точках повествования, иногда отделенных от него десятками глав и сотнями страниц» [12, с. 138].

Значимое место в литературной критике занимают работы, посвященные жанровой принадлежности рассматриваемого романа-эпопеи. Здесь представляется оптимальным подход о позиционировании «Красного Колеса» в качестве летописи. А.М. Ранчин определяет «Красное Колесо» в качестве «первой серьезной летописи в новой русской литературе», поскольку события расположены по хронологическому принципу, в

системе годов, дней и месяцев [16, с. 178-179]. Аналогичной точки зрения придерживается и Л.В. Лосев, отмечая, что для летописей характерна полифония методов изложения и фиксации материала (например, присутствуют и собственно документы, и повествование очевидца, и плоскость конфликта, и высокопарность). При этом указанный автор в качестве одной из ведущих тем эпопеи называет «русский национальный характер. Он нигде не описывается исчерпывающе, но на протяжении всего текста происходит накапливание образных элементов, его обрисовывающих» [9, с. 298].

Культурфилософ Р.А. Гальцева констатирует, что А.И. Солженицын, реализовавший «подвиг летописца» и «создавший художественно-историческую эпопею «Красное Колесо» имел целью предостеречь современников и будущие поколения от уничтожающего человеческого достоинство явления, имя которому «Архипелаг». А образ красного колеса опасен не только своей убивающей (кровавой) силой, но и возможностью наката на действующую реальность [1, с. 218].

Особенность трансляции авторской точки зрения А.И. Солженицыным на процессы и героев описываемого времени состоит в том, что она, как правило, никогда не высказывалась открыто и непосредственно, но как бы «вплавлена в описание происходящего, объективированна». Такой подход в полной мере соответствует подходу летописца, при котором он «не говорит от собственного имени, от своего лица, его пером пишет История». А заглавными героями в романе являются не конкретные персонажи, но сама «Россия, ее история, революция. Так же, как Русь была истинным героем старых летописей». При этом подлинный авторский интерес направлен на изображение онтологической катастрофы [31, с. 65].

Несмотря на то что «повествование А.И. Солженицына создается из фрагментов разных жанров», здесь нет противоречия с летописным стандартом. Образ времени и авторское видение складываются из пересечения, взаимоналожения разных точек зрения, выраженных в документах, репликах и монологах героев. Еще одним аргументом в пользу летописной ткани «Красного Колеса» можно привести то, что писатель независимо от объекта повествования стремится к объективному описанию. Парадоксально, но по

Солженицыну «герои и антигерои «Красного колеса» должны сами высказать – утвердить или разоблачить – себя» [16, с. 179-180, 186].

Б. Хазанов высказывает мнение о монофоничности романа-эпопеи и сводит его к «много-томной иллюстрации исторической концепции автора» [34, с. 11]. В. Живов считает, что в «Красном Колесе» как почти в любом большом романе имеют место «сильные главы, хрестоматийные по мастерству письма», которые соседствуют с главами относительно неудачными», а структурная основа «Красного Колеса» представлена противопоставлением «документально-исторических и беллетристических глав» [4, с. 247-248].

Здесь наиболее верным представляется подход П.Е. Спиваковского согласно которому, истинная содержательная сущность «Красного Колеса» состоит в изображении бытийной катастрофы в России, в ходе которой глубинное «переплетение разнонаправленных волей и намерений огромного числа людей сочетается с действием Промысла, проявляющимся через мнимые случайные события и символически значимые детали» [31, с. 32]. При этом А.И. Солженицын никоим образом не преуменьшает значение отдельной личности, напротив, артикулирует идею значимости роли конкретной личности в историческом процессе: выйдут ли на забастовки и манифестации питерские рабочие и представители интеллигенции, присоединятся ли к ним рядовые и офицеры или предпримут попытки предотвратить и остановить революционное безумство» от этого и будет зависеть исход «Февральского узла» [16, с. 188].

По заключению Р.Б. Гуля, «музыку книги» – узла первого – «Августа Четырнадцатого» составляет описание «русскости душ, русскости психологий». На основании этого делается вывод о том, что «Солженицын – писатель почвенник». Указанное «почвенничество» раскрывается через глубинную любовь писателя «ко всему русскому и к России, как месторазвитию этой особой душевности». Литературными предшественниками А.И. Солженицына следует признать славянофилов – тогда этим возможно объяснить удивительную глубину и точность в описании А.И. Солженицыным русских персонажей – «Иван Денисович, Матрена, Нержин, Спиридон, ген. Самсонов и такие русские сцены, как – солдаты, еле-еле прорывающиеся из немецкого окружения и все-таки несущие на носилках своего мертвого полкового командира, которого они и

отпевают в лесу». Именно такие сцены «поднимают Солженицына до вершин русской классической литературы». В данном контексте образ генерала А. Самсонова описан и представлен не в разрезе документалистики, но как «символ всей гибнущей зря, ни за что, России и эту свою страшную гибель принимающей, как не принял бы ее ни один европейский генерал, ни один западный народ» [2, с. 27-30]. В последнее время рассмотрение некоторых общественно-политических и культурологических взглядов А.И. Солженицына в разрезе почвенничества получило детальное развитие [8; 36].

Определяющей оценкой творчества А.И. Солженицына остается то, в чем он как историк сумел предугадать современные подходы к истории и концепции ее познания [15, с. 462], ведь «создание исторического романа-эпопеи, предполагает добросовестность» исследователя. По словам самого крупного современного солженицыноведа Л.И. Сараскиной, писатель честным и титаническим трудом воссоздал «картину событий, полагаясь на свое собственное видение истории, а не на какие бы то ни было политические теории», при этом «обуздывая» свою богатую творческую фантазию и историческое воображение. Он смог организовать работу по изучению соответствующих «архивных материалов и действовал при этом как историк» без извращения исторических фактов в угоду политической конъюнктуре [17].

Выводы. Солидаризуемся с А.М. Ранчиным на предмет того, что подлинное чтение «Красного Колеса» невозможно без острого ощущения чувства формы, жанра, нормы. Это произведение заняло уникальное, доселе неизвестное, но достойное, высокое место в русской словесности» [16, с. 191-192].

Композиционно «Красное Колесо» сродни архитектуре готического собора, где разнообразные и нередко противоречивые элементы находят объединение в замке свода. Равным образом все бытие противоборствующих сторон (героев) эпопеи соединяется в онтологической призме под названием «предстояние перед Богом». При этом мнимая свобода героев не освобождает их от реалий и катастроф революционных и последующих лет, а главное – «от ответственности перед Богом» [31, с. 67] за деяния, которые привели Россию не только к политической и гуманитарной катастрофе, но и серьезным социокультурным разломам. Заглавное культурфилософское значение «Красного Колеса» состоит в

его проспективно-предостерегающей роли: «чего нужно избегать, чтобы уйти от повторения прошлого» [1, с. 233, 239]. Читать, исследовать и интерпретировать произведения А.И. Солженицына, в том числе и «Красное Колесо» следует еще и потому, что писатель раскрывает причины и пути выхода из современных глобальных конфликтов: социально-политического, социокультурного и других [10, с. 285]. При этом, литературная критика и литературоведение еще только на пути к признанию «Красного Колеса» в качестве глобального культурного феномена русской литературы XX века [33, с. 335].

По-нашему мнению, роман-эпопею «Красное Колесо» следует квалифицировать не только как

летопись или художественную летопись, но как документально-художественную летопись, поскольку рассмотренное в настоящей статье произведение аккумулирует признаки, исторического (описание событий с использованием архивных материалов, воспоминаний свидетелей и непосредственных участников чьи образы воссозданы с опорой на фактические данные), литературного (художественное осмысление исторического материала, присутствие вымышленных персонажей) и эпического (использование летописных приемов подачи и изложения материала) фундаментального труда.

1. Гальцева, Р. А. Эпоха неравновесия. Общественные и культурные события последних десятилетий. – М.: СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. – 639 с.
2. Гуль, Р. Б. Одвуконь: советская и эмигрантская литература. – Нью-Йорк: Мост, 1973. – 322 с.
3. Гуськов, В. В. Кто раскрутил Красное Колесо? Система персонажей исторической эпопеи А.И. Солженицына «Красное Колесо». – Благовещенск, 2010. – 228 с.
4. Живов, В. Как вращается «Красное колесо» // Новый мир. – 1992. – №. 3. – С. 246-249.
5. Жуйкова, Е. В. Народная точка зрения на события Первой мировой войны в эпопее А.И. Солженицына «Красное колесо» // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2018. – № 4. – С. 187-195.
6. Жуйкова, Е. В. Об одном из прототипов образа Ленина в эпопее А.И. Солженицына «Красное Колесо» // Филологический класс. – 2018. – № 2. – С. 172-176.
7. Кублановский, Ю. М. Стил и историософия «Красного Колеса» А.И. Солженицына // Стрелец. – 1989. – № 1. – С. 283-293.
8. Кулько, К. А. «Почвеннические» вопросы о Земле и народных началах в публицистике Ф.М. Достоевского и А.И. Солженицына // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2021. № 2. – С. 241-253.
9. Лосев, Л. В. Великолепное будущее России (заметки при чтении «Августа Четырнадцатого» А. Солженицына // Континент. – 1984. – № 42. – С. 289-320.
10. Лосев, Л. В. Солженицын и Бродский как соседи. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2010. – 604 с.
11. Немзер, А. С. «Красное Колесо» Александра Солженицына. Опыт прочтения. – URL: <https://www.litres.ru/andrey-nemzer/krasnoe-koleso-aleksandra-solzhenicyna-opyt-prochteniya/> (дата обращения: 22.02.2022).
12. Немзер, А. С. Проза Александра Солженицына. Опыт прочтения. – URL: <https://www.litres.ru/andrey-nemzer/proza-aleksandra-solzhenicyna/> (дата обращения: 22.02.2022).
13. Непомнящий, В. Солженицына надо заслужить // Между двумя юбилеями, 1998-2003: писатели, критики, литературоведы о творчестве А.И. Солженицына: альманах. – М.: Русский путь, 2005. – С. 170-173.
14. Плетнев, Р. В. А. И. Солженицын. Paris: YMCA-press, 1973. – 173 с.
15. Приорова, И. В. К вопросу о вопросе... // А.И. Солженицын: русская и национальные литературы: материалы Международной научно-практической конференции, 3-5 октября 2018 г.: к 100-летию со дня рождения А.И. Солженицына. – Ереван: Лусабац, 2018. – С. 459-472.
16. Ранчин, А. М. Летопись Александра Солженицына // Стрелец. – 1995. – № 1. – С. 176-192.
17. Сараскина, Л. И. К дискуссиям о месте Александра Солженицына в истории. – URL: <http://www.pravmir.ru/lyudmila-saraskina-k-diskussiyam-o-meste-aleksandra-solzhenitsyina-v-istorii/> (дата обращения: 22.02.2022).
18. Солженицын, А. И. Собрание сочинений в 30 т. Т. 10. Красное колесо: Повествование в отмеренных сроках. Узел II: Октябрь Шестнадцатого. Книга 2. – М., 2007. – 592 с.
19. Солженицын, А. И. Собрание сочинений в 30 т. Т. 11. Красное колесо: Повествование в отмеренных сроках. Узел III: Март Семнадцатого. Книга 1. – М., 2008. – 744 с.
20. Солженицын, А. И. Собрание сочинений в 30 т. Т. 12. Красное колесо: Повествование в отмеренных сроках. Узел III: Март Семнадцатого. Книга 2. – М., 2008. – 800 с.

21. Солженицын, А. И. Собрание сочинений в 30 т. Т. 13. Красное колесо: Повествование в отмеренных сроках. Узел III: Март Семнадцатого. Книга 3. – М., 2008. – 776 с.
22. Солженицын, А. И. Собрание сочинений в 30 т. Т. 14. Красное колесо: Повествование в отмеренных сроках. Узел III: Март Семнадцатого. Книга 4. – М., 2008. – 736 с.
23. Солженицын, А. И. Собрание сочинений в 30 т. Т. 15. Красное колесо: Повествование в отмеренных сроках. Узел IV: Апрель Семнадцатого. Книга 1. – М., 2010. – 624 с.
24. Солженицын, А. И. Собрание сочинений в 30 т. Т. 16. Красное колесо: Повествование в отмеренных сроках. Узел IV: Апрель Семнадцатого. Книга 2. – М., 2010. – 792 с.
25. Солженицын, А. И. Собрание сочинений в 30 т. Т. 7. Красное колесо: Повествование в отмеренных сроках. Узел I: Август Четырнадцатого. Книга 1. – М., 2007. – 432 с.
26. Солженицын, А. И. Собрание сочинений в 30 т. Т. 8. Красное колесо: Повествование в отмеренных сроках. Узел I: Август Четырнадцатого. Книга 2. – М., 2006. – 636 с.
27. Солженицын, А.И. Собрание сочинений в 30 т. Т. 9. Красное колесо: Повествование в отмеренных сроках. Узел II: Октябрь Шестнадцатого. Книга 1. – М., 2007. – 512 с.
28. Солженицын, А. И. Публицистика: в 3 т. Т. 3: Статьи, письма, интервью, предисловия. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1997. – 559 с.
29. Спиваковский, П. Е. «Красное колесо» А.И. Солженицына: от традиционализма к авангарду // Русский язык за рубежом. – 2018. – №6. – С. 77-80.
30. Спиваковский, П. Е. Символические образы в эпосе А.И. Солженицына «Красное Колесо» // Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка. – 2003. – Т. 62. – №. 1. – С. 30-40.
31. Спиваковский, П. Е. Феномен А.И. Солженицына: новый взгляд: (к 80-летию со дня рождения). – М.: ИНИОН РАН, 1998. – 135 с.
32. Струве, Н. А. О «Марте Семнадцатого» // Вестник Русского христианского движения. – 1988. – №154. – С. 137-147.
33. Урманов, А. «Красное Колесо»: проблемы изучения в вузе // Путь Солженицына в контексте Большого Времени: сборник памяти, 1918-2008. – М.: Русский путь, 2009. – С. 334-341.
34. Хазанов, Б. Сломанная стрела // Литературная газета. 1991. 20 ноября 1991 года. – №46. – С. 11
35. Хирамацу, Д. Кибернетика и немота: «Красное Колесо» А. Солженицына в его информационном аспекте // Slavistika. – 2020. – №35. – С. 147-167.
36. Шаповалова, К. А. Специфика идей почвенничества в публицистике Ф.М. Достоевского и А.И. Солженицына // Век информации (сетевое издание). – 2018. – Т.2. – № 2. – С. 7-10.
37. Щедрина, Н. М. Книга «Красное Колесо» в контексте творчества А.И. Солженицына // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. – 2019. – №1. – С. 6-11.
38. Щедрина, Н. М. Принцип психологизма в изображении исторического лица (по роману Александра Солженицына «Красное Колесо») // Словесное искусство Серебряного века и Русского зарубежья в контексте эпохи («Смирновские чтения»). – 2019. – С. 216-222.
39. Щедрина, Н. М. Творчество А.И. Солженицына в контексте «Красного колеса» // Русская и белорусская литературы на рубеже XX-XXI веков. 2018. – С. 29-35.
40. Яранцев, В. На пути к «Энциклопедии «Красного Колеса» - URL: <http://www.sibogni.ru/content/na-puti-k-enciklopedii-krasnogo-kolesa> (дата обращения: 23.02.2022).
41. Mahoney, D. J. Solzhenitsyn's «Red Wheel» // First Things. – 2015. – № 253. – P. 41.
42. Monika, S. The truth of the literary past:(on the issue of the narrative peculiarity in A. Solzhenitsyn's epic «the Red Wheel») // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2015. – Т. 8. – №7. – P. 1436-1442.
43. Nizhnikov, S. A. «The red wheel» by A.I. Solzhenitsyn in the context of modernity // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. – 2012. – №1. – P. 97-106.
44. Pontuso, J. F. Aleksandr Solzhenitsyn, March 1917, Node III, The Red Wheel. Trans. Marian Schwartz: South Bend, IN: University of Notre Dame Press, 2017. – 672 pp.
45. Purcell, B. Philosophical and Theological Historiography in Aleksandr Solzhenitsyn's The Red Wheel // Claritas: Journal of Dialogue and Culture. – 2014. – Т.3. – №1. – P. 40-51.

LITERARY CRITIQUE OF THE EPIC NOVEL A.I. SOLZHENITSYN «RED WHEEL»: CULTURAL PHILOSOPHICAL ASPECT

©2022 I.Yu. Makarchuk

Ivan Yu. Makarchuk, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Philosophy

<https://orcid.org/0000-0003-2632-2772>

E-mail: imakarchuk@sfu-kras.ru

**Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russia**

The work of the outstanding Russian writer A.I. Solzhenitsyn (1918–2008) has a significant cultural and philosophical potential, since it can serve as a source of moral, ethical, philosophical, cultural and other knowledge. In this plane, the corpus of works (fiction-historical and journalistic) of the writer can contribute to the implementation of the tasks of historical and patriotic education, since it contains detailed answers to traditional questions of socio-cultural development, demonstrates the victories and defeats of past generations, depending on the chosen ontological platform. As part of the construction by the author of the cultural-philosophical model of A.I. Solzhenitsyn, the article presents the views of literary-critical researchers on the epic novel «The Red Wheel». In different years, the genre, compositional and socio-cultural features of the work under consideration became the subject of literary criticism, as well as a general literary assessment of the novel, its place in Russian literature was assessed. According to the results of the study, the author concludes that the «Red Wheel» is a documentary and artistic chronicle, since it combines elements of a historical, literary and epic work. The work considered in the article reflects a wide panorama of the socio-cultural life of Russian society in a critical era, when there was a change in the cultural and mental structure of the Russian people formed over the centuries.

Keywords: literary criticism, A.I. Solzhenitsyn, epic novel «Red Wheel», literary genre, artistic chronicle, cultural and philosophical model

DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-86-82-90

1. Gal'ceva, R. A. Epoha neravnovesiya. Obshchestvennye i kul'turnye sobytiya poslednih desyatiletij (The Age of Disequilibrium. Social and cultural events of recent decades). – M.: SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2016. – 639 s.
2. Gul', R. B. Odvukon': sovetskaya i emigrantskaya literature (Odvukon: Soviet and emigrant literature). – N'yu-York: Most, 1973. – 322 s.
3. Gus'kov, V. V. Kto raskrutil Krasnoe Koleso? Sistema personazhej istoricheskoy epopei A.I. Solzhenitsyna «Krasnoe Koleso» (Who spun the Red Wheel? The system of characters of the historical epic A.I. Solzhenitsyn «Red Wheel»). – Blagoveshchensk, 2010. – 228 s.
4. Zhivov, V. Kak vrashchaetsya «Krasnoe koleso» (How the «Red Wheel» rotates) // Novyj mir. – 1992. – №3. – S. 246-249.
5. Zhujkova, E. V. Narodnaya tochka zreniya na sobytiya Pervoj mirovoj vojny v epopee A.I. Solzhenitsyna «Krasnoe koleso» (The people's point of view on the events of the First World War in the epic of A.I. Solzhenitsyn «Red Wheel») // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. – 2018. – №4. – S. 187-195.
6. Zhujkova, E. V. Ob odnom iz prototipov obraza Lenina v epopee A.I. Solzhenitsyna «Krasnoe Koleso» (About one of the prototypes of the image of Lenin in the epic by A.I. Solzhenitsyn «Red Wheel») // Filologicheskij klass. – 2018. – №2. – S. 172-176.
7. Kublanovskij, Yu. M. Stil' i istoriosofiya «Krasnogo Kolesa» A.I. Solzhenitsyna (Style and historiosophy of the «Red Wheel» by A.I. Solzhenitsyn) // Strelec. – 1989. – №1. – S. 283-293.
8. Kul'ko, K. A. «Pochvenniceskie» voprosy o Zemle i narodnyh nachalah v publicistike F.M. Dostoevskogo i A.I. Solzhenitsyna («Soil» questions about the Earth and folk principles in the journalism of F.M. Dostoevsky and A.I. Solzhenitsyn) // Izvestiya YUzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki. – 2021. – № 2. – S. 241-253.
9. Losev, L. V. Velikolepnoe budushchee Rossii (zametki pri chtenii «Avgusta CHetyrnadcatogo» A. Solzhenitsyna) (The magnificent future of Russia (notes when reading «August the Fourteenth» by A. Solzhenitsyn)) // Kontinent. – 1984. – №42. – S. 289-320.
10. Losev, L. V. Solzhenitsyn i Brodskij kak sosedi (Solzhenitsyn and Brodsky as neighbors) – SPb.: Izdatel'stvo Ivana Limbaha, 2010. – 604 s.
11. Nemzer, A. S. «Krasnoe Koleso» Aleksandra Solzhenitsyna. Opyt prochteniya («Red Wheel» by Alexander Solzhenitsyn. Reading experience) - URL: <https://www.litres.ru/andrey-nemzer/krasnoe-koleso-aleksandra-solzhenitsyna-opyt-prochteniya/> (data obrashcheniya: 22.02.2022).
12. Nemzer, A. S. Proza Aleksandra Solzhenitsyna. Opyt prochteniya (Prose of Alexander Solzhenitsyn. Reading experience) - URL: <https://www.litres.ru/andrey-nemzer/proza-aleksandra-solzhenitsyna/> (data obrashcheniya: 22.02.2022).
13. Nepomnyashchij, V. Solzhenitsyn nado zaslužhit' (Solzhenitsyn must be earned) // Mezhdvumyaya yubileyami, 1998-2003: pisateli, kritiki, literaturovedy o tvorchestve A.I. Solzhenitsyna: al'manah. – M.: Russkij put', 2005. – S. 170-173.
14. Pletnev, R. V. A.I. Solzhenitsyn (A. I. Solzhenitsyn). – Paris: YMCA-press, 1973. – 171 s.

15. Priorova, I. V. K voprosu o voprose... (To the question of the question ...) // A.I. Solzhenitsyn: russkaya i nacional'nye literatury: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, 3-5 oktyabrya 2018 g.: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya A.I. Solzhenitsyna. – Erevan: Lusabac, 2018. – S. 459-472.
16. Ranchin, A. M. Letopis' Aleksandra Solzhenitsyna (Chronicle of Alexander Solzhenitsyn) // Strelec. – 1995. – № 1. – S. 176-192.
17. Saraskina, L. I. K diskussiyam o meste Aleksandra Solzhenitsyna v istorii (To discussions about the place of Alexander Solzhenitsyn in history). – URL: <http://www.pravmir.ru/lyudmila-saraskina-k-diskussiyam-o-meste-aleksandra-solzhenitsyna-v-istorii/> (data obrashcheniya: 22.02.2022).
18. Solzhenitsyn, A. I. Sobranie sochinenij v 30 t. T. 10. Krasnoe koleso: Povestvovan'e v otmerennykh strokakh. Uzel II: Oktyabr' Shestnadcatogo. Kniga 2 (Collected works in 30 volumes. Vol. 10. Red wheel: Narrative in measured terms. Node II: October Sixteenth. Book 2). – M., 2007. – 592 s.
19. Solzhenitsyn, A. I. Sobranie sochinenij v 30 t. T. 11. Krasnoe koleso: Povestvovan'e v otmerennykh strokakh. Uzel III: Mart Semnadcatogo. Kniga 1 (Collected works in 30 volumes. Vol. 11. Red wheel: Narrative in measured terms. Node III: March Seventeenth. Book 1). – M., 2008. – 744 s.
20. Solzhenitsyn, A. I. Sobranie sochinenij v 30 t. T. 12. Krasnoe koleso: Povestvovan'e v otmerennykh strokakh. Uzel III: Mart Semnadcatogo. Kniga 2 (Solzhenitsyn A.I. Collected works in 30 volumes. Vol. 12. The Red Wheel: Narrative in measured terms. Node III: March Seventeenth. Book 2). – M., 2008. – 800 s.
21. Solzhenitsyn, A. I. Sobranie sochinenij v 30 t. T. 13. Krasnoe koleso: Povestvovan'e v otmerennykh strokakh. Uzel III: Mart Semnadcatogo. Kniga 3 (Collected works in 30 volumes. Vol. 13. Red wheel: Narrative in measured terms. Node III: March Seventeenth. Book 3). – M., 2008. – 776 s.
22. Solzhenitsyn, A. I. Sobranie sochinenij v 30 t. T. 14. Krasnoe koleso: Povestvovan'e v otmerennykh strokakh. Uzel III: Mart Semnadcatogo. Kniga 4 (Collected works in 30 volumes. Vol. 14. Red wheel: Narrative in measured terms. Node III: March Seventeenth. Book 4). – M., 2008. – 736 s.
23. Solzhenitsyn, A. I. Sobranie sochinenij v 30 t. T. 15. Krasnoe koleso: Povestvovan'e v otmerennykh strokakh. Uzel IV: April' Semnadcatogo. Kniga 1 (Collected works in 30 volumes. Vol. 15. Red wheel: Narrative in measured terms. Node IV: April the Seventeenth. Book 1). – M., 2010. – 624 s.
24. Solzhenitsyn, A. I. Sobranie sochinenij v 30 t. T. 16. Krasnoe koleso: Povestvovan'e v otmerennykh strokakh. Uzel IV: April' Semnadcatogo. Kniga 2 (Collected works in 30 volumes. Vol. 16. Red wheel: Narrative in measured terms. Node IV: April the Seventeenth. Book 2). – M., 2010. – 792 s.
25. Solzhenitsyn, A. I. Sobranie sochinenij v 30 t. T. 7. Krasnoe koleso: Povestvovan'e v otmerennykh strokakh. Uzel I: Avgust CHetyrnadcatogo. Kniga 1 (Collected works in 30 volumes. Vol. 7. Red wheel: Narrative in measured terms. Node I: August the Fourteenth. Book 1). – M., 2007. – 432 s.
26. Solzhenitsyn, A. I. Sobranie sochinenij v 30 t. T. 8. Krasnoe koleso: Povestvovan'e v otmerennykh strokakh. Uzel I: Avgust CHetyrnadcatogo. Kniga 2 (Collected works in 30 volumes. Vol. 8. Red wheel: Narrative in measured terms. Node I: August the Fourteenth. Book 2). – M., 2006. – 636 s.
27. Solzhenitsyn, A. I. Sobranie sochinenij v 30 t. T. 9. Krasnoe koleso: Povestvovan'e v otmerennykh strokakh. Uzel II: Oktyabr' Shestnadcatogo. Kniga 1 (Collected works in 30 volumes. Vol. 9. Red wheel: Narrative in measured terms. Node II: October Sixteenth. Book 1). – M., 2007. – 512 s.
28. Solzhenitsyn, A. I. Publicistika: v 3 t. T. 3: Stat'i, pis'ma, interv'y, predisloviya (Publicism: in 3 volumes. Volume 3: Articles, letters, interviews, prefaces). – Yaroslavl': Verh.-Volzh. kn. izd-vo, 1997. – 559 s.
29. Spivakovskij, P. E. «Krasnoe koleso» A.I. Solzhenitsyna: ot tradicionalizma k avangardu («Red Wheel» A.I. Solzhenitsyn: from traditionalism to avant-garde) // Russkij yazyk za rubezhom. – 2018. – №6. – S. 77-80.
30. Spivakovskij, P. E. Simvolicheskie obrazy v epopee A.I. Solzhenitsyna «Krasnoe Koleso» (Symbolic images in the epic of A.I. Solzhenitsyn «Red Wheel») // Izvestiya Rossijskoj Akademii nauk. Seriya literatury i yazyka. – 2003. – T.62. – №1. – S. 30-40.
31. Spivakovskij, P. E. Fenomen A.I. Solzhenitsyna: novyj vzglyad: (k 80-letiyu so dnya rozhdeniya) (The phenomenon of A.I. Solzhenitsyn: a new look: (to the 80th anniversary of his birth)). – M.: INION RAN, 1998. – 135 s.
32. Struve, N.A. O «Marte Semnadcatogo» (About «March 17th») // Vestnik Russkogo hristianskogo dvizheniya. – 1988. – №154. – S. 137-147.
33. Urmanov, A. «Krasnoe Koleso»: problemy izucheniya v vuze («Red Wheel»: problems of studying at the university) // Put' Solzhenitsyna v kontekste Bol'shogo Vremeni: sbornik pamyati, 1918-2008. – M.: Russkij put', 2009. – S. 334-341.
34. Hazanov, B. Slomannaya strela (Broken arrow) // Literaturnaya gazeta. – 1991. – 20 noyabrya 1991 g. – № 46. – S. 11.
35. Hiramacu, D. Kibernetika i nemota: «Krasnoe Koleso» A. Solzhenitsyna v ego informacionnom aspekte (Cybernetics and dumbness: A. Solzhenitsyn's «Red Wheel» in its informational aspect) // Slavistika. – 2020. – №35. – S. 147-167.
36. SHapovalova, K. A. Specifika idej pochvennistva v publicistike F.M. Dostoevskogo i A.I. Solzhenitsyna (The specificity of the ideas of soil movement in the journalism of F.M. Dostoevsky and A.I. Solzhenitsyn) // Vek informacii (setevoe izdanie). – 2018. – T.2. – №2. – S. 7-10.

37. Shchedrina, N. M. Kniga «Krasnoe Koleso» v kontekste tvorchestva A.I. Solzhenitsyna (The book «Red Wheel» in the context of A.I. Solzhenitsyn) // Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. – 2019. – №1. – S. 6-11.
38. Shchedrina, N. M. Princip psihologizma v izobrazhenii istoricheskogo lica (po romanu Aleksandra Solzhenitsyna «Krasnoe Koleso») (The principle of psychologism in the depiction of a historical person (based on the novel by Alexander Solzhenitsyn «The Red Wheel»)) // Slovesnoe iskusstvo Serebryanogo veka i Russkogo zarubezh'ya v kontekste epohi («Smirnovskie chteniya»). – 2019. – S. 216-222.
39. Shchedrina, N. M. Tvorchestvo A.I. Solzhenitsyna v kontekste «Krasnogo kolesa» (Creativity A.I. Solzhenitsyn in the context of the «Red Wheel») // Russkaya i belorusskaya literaturny na rubezhe XX-XXI vekov. – 2018. – S. 29-36.
40. Yarancev, V. Na puti k «Enciklopedii «Krasnogo Kolesa» (On the way to the «Red Wheel Encyclopedia») - URL: <http://www.sibogni.ru/content/na-puti-k-enciklopedii-krasnogo-kolesa> (data obrashcheniya: 23.02.2022).
41. Mahoney, D. J. Solzhenitsyn's «Red Wheel» // First Things. – 2015. – № 253. – P. 41.
42. Monika S. The truth of the literary past:(on the issue of the narrative peculiarity in A. Solzhenitsyn's epic «the Red Wheel») // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2015. – T.8. – №7. – P. 1436-1442.
43. Nizhnikov, S. A. «The red wheel» by A.I. Solzhenitsyn in the context of modernity // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. – 2012. – №1. – P. 97-106.
44. Pontuso, J. F. Aleksandr Solzhenitsyn, March 1917, Node III, The Red Wheel. Trans. Marian Schwartz: South Bend, IN: University of Notre Dame Press, 2017. – P. 672.
45. Purcell, B. Philosophical and Theological Historiography in Aleksandr Solzhenitsyn's The Red Wheel // Claritas: Journal of Dialogue and Culture. – 2014. – T.3. – №1. – P. 40-51.

УДК 130.2 (Философия культуры. Системы культуры. Культурологические учения)

**КЕЙСЫ ЭКСПРЕССИОНИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ДРАМАТУРГИИ И ТЕАТРЕ
(НА ПРИМЕРЕ ПЬЕС Т. ЛЕТТСА, В. СИГАРЕВА)**

© 2022 Э.А. Радаева

*Радаева Элла Александровна, кандидат филологических наук, доцент
кафедры литературы, журналистики и методики обучения*

<https://orcid.org/0000-0003-4209-1951>

E-mail: ellrad@yandex.ru

Самарский государственный социально-педагогический университет
Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 01.09.2022

В настоящей статье анализируются пьесы американского и российского авторов (Т. Леттс «Август. Графство Осейдж», В. Сигарев «Божьи коровки возвращаются на землю») на предмет рецепции экспрессионистской драматургии и театра. Автор использует системно-культурологический подход с элементами кейс-метода (ситуационного анализа). В результате исследования автор приходит к выводу о том, что в рассмотренных пьесах, несмотря на массу ментальных и мировоззренческих различий их авторов, разницу в творческом методе последних и в проблематике их произведений, социально-исторические условия, в которых создавались пьесы, обнаруживается экспрессионистская традиция (в большей или меньшей степени) – в тяготении к камерности, экзистенциальным ситуациям, проблеме свободы, теме отцов и детей, на уровне актерской игры, в отсутствии оптимистической перспективы и общей экспрессионистской концепции человека и мира, обозначенной Ю.Б. Боровым («смятенная хаосом мира индивидуальность»). Выбор был обоснован популярностью вышеназванных авторов и их произведений у отечественного зрителя, а также наличием международных премий. Художественное своеобразие произведений, на взгляд автора, обусловлено сложным и парадоксальным взаимодействием экспрессионистской эстетики с реалистическим методом.

Ключевые слова: Трейси Леттс, «Август. Графство Осейдж», Василий Сигарев, «Божьи коровки возвращаются на землю», экспрессионизм, традиции экспрессионизма

DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-86-91-99

Введение. Экспрессионизм начала прошлого века, продолжая традиции импрессионизма и символизма и придав им этический характер, стал реакцией на угрозу, а затем и ужасы первой мировой войны и революционных движений. Согласно расхожему мнению, закрепившемуся, в частности, во многих энциклопедических изданиях, с началом стабилизации политической обстановки сошел на нет, оставшись литературно-художественным направлением. Однако поэтика экспрессионистской драмы и соответствующая театральная техника оказали влияние на последующие поколения творцов искусства, хотя так называемый пафос нравственного преображения был уже существенно снижен.

Экспрессионистская эстетика в данном виде искусства уходит от «драмы состояний» в свободное нанизывание картин, объектов вещного мира, преломляющихся в восприятии субъекта – драматурга, режиссера-постановщика, который отчасти передает свои функции герою-протагонисту, или «новому человеку». Отсюда и отказ от

привычной психологии, иными словами, от ауэрбаховского мимесиса в построении художественного образа, реалистического детерминизма и, как следствие, деперсонализация персонажа. Поэтому каждый герой – какая-либо обобщенная фигура-символ, «сущность». Конфликт в экспрессионистской драме – субстанциональный. Хронотоп открыт в бесконечное пространство. Оптимистичной перспективы, как правило, нет. Но есть противостоящий этому враждебному миру (механистической, урбанистической, а затем и нейлоновой цивилизации) носитель некоего духовного начала. Эти коды экспрессионистской драмы могут «ложиться» на те или иные вызовы времени по сей день и отражать смятение души маленького человека (или носителя мелкобуржуазной психологии).

Методы исследования. В данной работе мы прибегли преимущественно к системно-культурологическому подходу, в соответствии с которым культура понимается как открытая система и предполагает интеграцию исследовательского

материала из различных областей знания, а также кейс-метод – метод ситуационного анализа.

История вопроса. В этой связи целесообразно рассмотреть традиции экспрессионизма в драмах современных и очень непохожих друг на друга авторов из разных стран – драматургов, выбранных исключительно по принципу факта популярности у зрителя, в первую очередь отечественного (репертуар российских театров), а также учитывая наличие у них международных премий. Ранее мы говорили о драматургии Петера Туррини (род. 1944 г.) (Австрия) [13, 14]. Но экспрессионистская эстетика, зародившись в немецкоязычных странах, параллельно развивалась практически во всем мире: «Как живое литературное движение экспрессионизм не вышел за рамки одного поколения, но как художественная модель мира оказался для искусства Германии началом нового этапа его развития и наиболее мощно проявил себя в своем влиянии на последующую мировую литературу XX века» [9]. Так, исследователи указывают на увлечение экспрессионизмом американца Ю. О'Нила, Т. Уильямса, в России – об экспрессионистской практике – в пьесах Л. Андреева, в театре В.Э. Мейерхольда, Е.Б. Вахтангова [8, с. 550-551]. В данной статье объектом исследования выберем относительно современные пьесы американского и российского авторов: Трейси Леттса (род. 1965 г.) и Василия Сигарева (род. 1977).

Результаты исследования. **Трейси Леттс. «Август. Графство Осейдж» (August: Osage County) (2013).** В последние годы на подмостках российских театров достаточной популярностью пользуется пьеса американского драматурга Трейси Леттса «Август: Графство Осейдж» (Tracy Letts. «August: Osage County»). Премьера спектакля состоялась в Чикаго в 2007 г. Позже пьесу также ставили в Нью-Йорке на Бродвее. В 2008 г. за свое произведение Т. Леттс был удостоен Пулитцеровской премии.

Как это нередко бывает, пьеса представляет собой семейную драму, которая, в свою очередь, может послужить зеркалом не только современной американской действительности (а подчас и сжатой проекцией всего исторического пути Америки в целом), но и проблеме нашей цивилизации, как таковой: система ценностей общества XXI в., его язвы и струпья, кризис личности, диалог (или, напротив, декоммуникабельность)

поколений, а также робкая надежда на всеобщее обновление. Поэтому театральные критики и рецензенты единодушны в одном: пьеса, как ни шаблонно это звучит, обречена на успех, т.к. каждый современный, даже самый невзыскательный, зритель находит в ней что-то свое: будь то семейные перипетии или любовная интрига, частные ли мировоззренческие установки или молодежная тема и т.д.: «...воодушевление российских театров по отношению к этой семейной драме даже превзошло энтузиазм заокеанских коллег. Графство Осейдж (это где-то в Оклахоме) успело побрататься и с Омской областью, и с Новосибирской, а теперь вот о его существовании знает и московский зритель» [16].

Рецензенты чаще воспринимали проблематику пьесы Т. Леттса с подачи актеров и режиссеров. Однако были и попытки выйти за рамки «местничества» и оценить пьесу в контексте истории драматургии: «...пьеса Леттса непроста и многослойна: в ней есть место и отсылкам к Чехову, и Юджину О'Нилу, и фарсу, и чёрной комедии, и мелодраме, и даже местами трагедии. Её можно сыграть в любом из этих жанров или попытаться совместить все в один» [1].

И тем не менее, жизнеспособность пьесы обеспечивается ее успехом в театральных постановках. И в отношении трагикомедии «Август. Графство Осейдж» о традициях экспрессионистской драмы особенно уместно говорить в свете режиссерского видения: не столько экспрессионистичной получилась сама пьеса, сколько ее постановки, которые, кстати сказать, имели шумный успех. Так, за омский спектакль в номинации «Золотой маски» был номинирован режиссер Анджей Бубень, а затем Марат Гацалов (новосибирский театр «Глобус»).

Несмотря на то что в пьесе для экспрессионистской драмы достаточно много действующих лиц, которых, к тому же, трудно назвать «деперсонифицированными», тем не менее каждое из них – фигура-символ, т.к. «в замке семейства Уэстон поселились все мыслимые и немыслимые пороки — подлость, ложь, супружеские измены, инцест, педофилия, наркомания и психопатия в форме тяжелого обострения» [4]. Глава семьи – Беверли Уэстон – эстетствующий любитель виски и Томаса Элиота, его жена – экзальтированная Вайолет – была когда-то светской львицей, а ныне находится в зависимости от препаратов. Супруги разобщены, стараются не мешать друг другу

хоронить себя в этих маленьких радостях. Беверли внезапно исчезает, затем его тело находят в реке, и остается до конца неизвестным, было ли это несчастным случаем или самоубийством (такая недосказанность также в духе экспрессионистского мировидения). По случаю его кончины и собираются три дочери (уже со своими «семьями»), а также сестра Вайолет. Дочери: Иви – старая дева, Барбара – жесткая и прагматичная бизнесвумен, брак которой уже «висит на волоске», ее дочь – распущенная нимфетка, ее муж – искалеченный какой-то подобия свободы от семейного гнета на стороне (молодая любовница, тайное курение марихуаны); Карен – легкомысленная гламурная блондинка, ее жених – мобильно-зависимый, при этом являет собой самую низкую и злобонную вариацию эпикурейца. Мэй, сестра Вайолет – чопорная брюзга, ее муж – подкаблучник, сын – хронический неудачник. В пьесе присутствует и Шериф – типичный «хороший парень», некогда влюбленный в Барбару и олицетворяющий саму возможность счастья, если бы этим миром правила любовь.

Пьеса вполне камерная – по ремарке, дом стоит уединенно, за городом: *«Весь дом завален книгами. Все окна в доме закрыты дешевыми клеенчатыми жалюзи, по краям приклеенными к стене черной изоляционной лентой, что обеспечивает полное отсутствие дневного света»* [7]. Несмотря на то что автор дает пространное описание этажей дома, театральные режиссеры этим часто пренебрегают (возможно, как их немецкие коллеги – из соображений экономии). Так, в Латвии режиссер Г. Эцис и художественный руководитель театра М. Карбаускис называют постановку «Семейной историей в 3D», поэтому на сцену проецируются 3D-инсталляции с интерьерами комнат. В иных спектаклях акцент делается только на одном предмете мебели: семейный стол, например, или книжный шкаф.

Актёрская игра также отличается вычурными жестами: Вайолет делает патетические выпады, Мэй срывает уродливый свой парик, дочь Барбары закатывает скандал из-за курицы, которую подают на семейном ужине, т.к. это противоречит ее вегетарианским убеждениям. Герои громко стучат вилками по пустым тарелкам, в склоненных над «едой» лицах – та же пустота, подчеркнуто монотонная беседа прерывается выходками Вайолетт, которая выглядит единственно живой среди этих манекенов, пытаясь «достучаться» до них, в связи с чем

родственниками принято решение сдать ее в клинику для душевнобольных.

Однако родственные связи остаются нерушимыми по определению, т.к. все персонажи – жертвы свободы, за которую так боролись – и друг с другом, и с окружающим миром, ведь Свобода – ключевое понятие американской идеологии. Здесь также становится очевидным, что трагикомедия в основе своей апеллирует к А. Стриндбергу, как и вся экспрессионистская драматургия. Конфликт у А. Стриндберга, как правило, сводится к тому, что герои не могут ужиться друг с другом, но и не могут жить друг без друга. Так и в пьесе Т. Леттса перманентно возникает вспышка нежности между матерью и дочерями.

Так, в экзистенциальной ситуации – перед лицом смерти (на поминках герои сидят за столом фронтально) – мы наблюдаем вымороженные отношения между людьми, ставшими чужими, а отсюда – между ставшими чуждыми друг другу поколениями и культурами. И гибель (смерть? самоубийство?) главы семейства оборачивается самоубийством рода, семьи и мира. Здесь мы видим вполне экспрессионистский конфликт отцов и детей, о котором говорила проф. Т.Н. Васильчикова, имея в виду немецких драматургов: «Конфликт «отцов и детей» трактуется уже в первых пьесах Зорге, Хазеклевера, Кайзера значительно шире, чем семейно-бытовой или конфликт поколений, переходя в плоскость общеполитических категорий. Противостояние поколений – не на жизнь, а на смерть» [3, с. 13]. И далее: «Экспрессионистическое поколение противостояло всем основным звеньям общественной структуры – идеологии, службе, религии, семье» [3, с. 18]. Что же противопоставляет апокалипсису в пьесе автора XXI века?.. Действительно, в «Графстве Осейдж» есть герой-протагонист – индианка Джонна – девушка 26 лет, которую незадолго до своей смерти нанял Беверли, что само по себе символично: он покинул этот тонущий семейный корабль, оставив всё на попечение представительницы коренного населения Америки. Вайолетт в пьесе олицетворяет историю Америки, в том числе и кровавую:

БАРБАРА. Их называют «коренные американцы», мама. <...>

ВАЙОЛЕТ. Они не более коренные, чем я [7].

Когда-то Америка была землей обетованной, а Вайолетт – романтической женщиной, любившей своего мужа (в пьесе есть эпизод, где она разговаривает с покойным, вспоминая Эмили Дикинсон: «Псалмы августа – ярость лета»... «Если это

увяданье – оно действительно прекрасно, если это умирающее – похороните меня в красном» [7].

Свобода оставила у разбитого корыта тех, кто ее так упорно добивался. Единственная цельная и нравственно здоровая натура – Джонна, причем девушка целенаправленно шла к культуре предков: отказалась от прежней обычной фамилии в пользу индейских прародителей. Кроме того, ее «протагонизм» в пьесе остальным героям даже материализуется: она с размаху ударяет лопатой жениха Карен, когда тот пристает к несовершеннолетней ее племяннице. И в финале только Джонна остается с беспомощной Вайолет – суровая и твердая, лишь напевающая сакраментальную фразу «Так кончается мир... Так кончается мир». Но, по верному замечанию одного рецензента, «простые люди не могут помочь тем, кто испытал порчу и счастье свободы. Свободы от. Остается просто свобода. Прекрасная пустыня, залитая солнцем, по которой продолжает плыть корабль-дом, лишенный книг, его поддерживавших» [6].

Вайолет вынуждена в финале пьесы одиноко и жалко прикорнуться на коленях у невозмутимой и сохранившей во всем этом вертепе свою твердую нравственную позицию индианки Джонны. Америка – с ее контрастами и пресловутой «американской мечтой», с ее жестко пропагандируемой необходимостью быть «примером для всего мира», «колыбелью демократии», истощенная голливудскими эталонами красоты и образа жизни и особенно изможденная неизменным участием во многих локальных военных конфликтах, – не сама ли эта страна, горячо любимая и жалеемая автором драмы Родина, получила свое иконическое воплощение в образе Вайолет Уэстон?.. Движущаяся по кругу история также обретает в финальной сцене символическое звучание: надежда на возрождение, смутно обозначенная многими критиками, но не получившая конкретных объяснений, с нашей точки зрения, кроется именно в обращении к истокам, к корням, кои олицетворяет Джонна – носительница культуры индейцев: ныне практически истребленных и рассеянных по всему свету, но по-прежнему являющихся в сознании людей хранителями здорового нравственного начала и незамысловатой простоты и красоты, освященными самой Природой. Для Вайолет это уже невозможно. Именно поэтому пьеса оборачивается

экспрессионистской «драмой крика» – одинокая, всеми покинутая героиня истошно вопит на лестнице дома.

Василий Сигарев. «Божьи коровки возвращаются на землю». Поистине феноменально реализуется экспрессионистская рецепция в творчестве Василия Владимировича Сигарева (род. 1977): с одной стороны, молодого режиссера, сценариста и драматурга можно упрекнуть, как когда-то упрекали экспрессионистов, за внимание «только к болезненным и отвратительным явлениям» [Цит. по: 5, с. 47], отметить почти тот же, что и у немецких драматургов-экспрессионистов, отказ от «буржуазного искусства слащавого утешительства» [5, с. 42], романтизма, с другой – вопреки «генеральной линии» вышеуказанных художников – оголтелый натурализм. В.В. Сигарев каждой своей работой (от спектакля до кино) эпатазирует зрителя, ломает его привычные представления о том, что можно и нельзя показывать, но делает это на материале того, что реально видел и «знает сам». В каждом произведении сквозным мотивом проходит зловонный чад быта социального дна, фекальная тема, патологически извращенная эротика, проблема психологического садизма как обыденного явления, серого, убогого, безвоздушного пространства российского города (поселка), в целом. Однако с начала 2000-х этот автор из Екатеринбурга был удостоен массы премий, а постановки его пьес осуществлены во многих театрах мира. Он лауреат премии «Антибукер», «Дебют – 2000», «Эврика – 2000», «Evening Standard – 2002», в 2009 г. он получает главный приз кинофестиваля «Кинотавр» (за фильм "Волчок", 2009) и др. Пьеса «Божьи коровки возвращаются на землю» была в 2002 г. удостоена премии «Новый стиль». Причем В.В. Сигарев стал первым в истории Evening Standard Award иностранцем, победившим в номинации «Самый многообещающий драматург». В ноябре 2002 г. он получил в Великобритании одну из важнейших театральных премий Европы – за пьесу «Пластинин». Классик английского театра драматург Том Стоппард, вручавший Сигареву премию, высказал мысль, что это произведения достойно пера Ф.М. Достоевского.

Однако примечательно, что ни один из критиков не обошелся в своих рецензиях без слова «чернуха». Подчас забавным представляется, что взгляды киноведов делятся на две группы: сторонников и противников видеть в творчестве В.

Сигарева «чернуху», однако сама лексема не сходит с уст как тех, так и других, что само по себе показательно.

Рассмотрим экспрессионистские мотивы в пьесе «Божьи коровки возвращаются на землю». Сюжет ее – социальное дно России 1990-х [12]. Молодые люди живут в районе заброшенного кладбища, в полуразвалившемся доме. Никто из них не имеет ни работы, ни образования. Это преимущественно алкоголики или наркоманы, которые зарабатывают тем, что крадут с могил памятники из нержавеющей стали и продают на лом. Памятников на кладбище почти не осталось.

И всё-таки, несмотря на молодежный новояз и иные коды современной действительности (так, Лерка – девушка из неблагополучной семьи, по тексту пьесы, написанной в начале 1990-х гг., продавала себя на вокзале за 20 руб., затем, в связи с инфляцией, режиссеры-постановщики «индексировали» эту сумму, чтобы была адекватной для «нулевых»), вполне «персонифицированных» персонажей (их немного, но у всех есть имена и даже возраст), художник, подобно своим немецким коллегам в начале прошлого века, творит свою реальность:

- 1) создает «новую акустику» (а именно так для театра выглядит речь персонажей – она режет слух, и, видимо, поэтому, например, в Самарском академическом театре драмы им. М. Горького пьесе разрешено было ставить только на камерной сцене);
- 2) вводит элемент притчи, апеллируя к сотворению мира: *«Вначале не было здесь ничего. Потом пришел человек и построил Город. Стали дома, улицы, площади, магазины, школы, заводы, сады коллективные. Стали улицы мощеными, а потом асфальтированными с белеными по праздникам бордюрами. Стали ходить по улицам люди, стали сидеть на лавочках, стали чихать от пуха тополиного, стали торговать семечками у заводской проходной, стали влюбляться. Стали рождаться люди – стали умирать. И стало Кладбище на краю Города. И стали свозить туда люди своих мертвых. Стали класть их в ямы и насыпать в ямы землю. Стали приходить туда в родительское и на годовины. Стали оставлять там печенье и конфеты с белой начинкой. Стали руками выпалывать там траву и садить на ее месте анютины глазки. И стало расти*

Кладбище. Но люди ни только умирали, но и рождались. Потому рос и Город. И вот однажды Город и Кладбище встретились. Построили люди дом пятиэтажный у самого Кладбища и стали жить в нем. Сперва жутко всем было, в окна боялись выглядывать. А потом привыкли, даже гаражи железные стали вдоль кладбищенского забора ставить, машины в них держать, мотоциклы, вещи разные старые. И даже название своему дому придумали с приколом. «Живые и мертвые» назвали. Так теперь и зовут. А новых мертвых стали хоронить в другом месте. А про старых вроде даже и забыли. Не стало на Кладбище ни печенья, ни конфет с белой начинкой. Ни анютиных глазок не стало. Ничего не стало. Все травой заросло ненормально огромной, буйной. И утонуло в той траве Кладбище. Исчезло. Нету его больше. Умерло. А вместе с ним и мертвые умерли все. Во второй раз умерли. Навсегда уж теперь» [15].

- 3) вводит конфликт отцов и детей. Однако это не тот случай, когда «неприкаянные мятежные и добрые сыновья отрекались от благополучных, корыстных и жестоких отцов» [5, с. 45]. В пьесе В.В. Сигарева Дима хватается за горло спившегося и регулярно избиваемого им отца (Кулёк, 50 лет), который когда-то был заведующим гороно и грозой всех школ, но не смог смириться со смертью жены, матери Димы, опустил себя и сына до нищеты и позора (эта линия – своего рода переложение драмы В. Хазенклевера «Сын», где герой поднимает на отца револьвер, но отец умирает от сердечного приступа). Претерпев потрясение (когда «друг» Димы – наркоман Славик – тайком пытается продать памятник матери Димы), парень, после очищенный собственной слезной истерикой, прощает и Славика, и отца, уходит утром в военкомат (отправляется служить в армию). В пьесе утверждается «естественная человечность» [5, с. 51].
- 4) каждого героя делает фигурой-символом: Дима – озлобленный на обездоленную жизнь молодой парень, Аркаша – оголтелый торгаш, Славик – полностью деградировавший наркоман, Лерка – наивная простушка, Юлька –

избалованная девушка из «приличной» семьи. «Расстановка сил» в драме – Аркаша и Юлька против Димы, Кулька, Славика и Лерки.

- 5) в финале пьесы выхода как такового не предлагает. Лера и Дима утешают друг друга, обнявшись. Дима отдает ей отвоенный у Славика и Аркаши памятник своей матери, чтобы та продала его и вложила злосчастную тысячу рублей в обещанный ей фирмой-мошенником приз, а когда получит много денег, поставит его матери уже мраморный памятник. Взбодрившиеся обоюдным теплом и взаимопониманием, они выбегают из дома навстречу новой жизни, с верой в светлое будущее, которого, разумеется, ни у того, ни у другого не будет. Таким образом, цель автора пьесы представляется такой же, как и у немецких драматургов 1920-х гг.: «чтобы искусство воссоздавало «новый облик» индустриализованного мира заводов, ...больших городов. <...> запечатлеть, выкричать и выпеть страдания, гнев, тоску, надежду, страх, возмущение» [5, с. 42].

- 6) наделяет персонажей иногда вычурными, иногда патетическими жестами (так, наркоман Славик, когда оказался разоблаченным с памятником диминой матери, выходит за дверь и изображает смех лягушонка Кермита из «Маппет-шоу»; войдя в квартиру парализованной Старухи – соседки снизу, постоянно просящей водички – возится в ее постели и находит муравья, облизывает его (в постановке пьесы самарским режиссером В. Гришко он снимает иконы над ее кроватью, чтобы продать их и получить денег на наркотики).

По словам вышеупомянутого режиссера В. Гришко, сюжет пьесы не был придуман В.В. Сигаревым. Тот лишь дословно описал свои юные годы, проведенные в нищете. Однако следует отметить, что иные темы и иная действительность не интересовали Сигарева даже тогда, когда отечественные и международные премии сделали его миллионером. Поэтому есть все основания полагать, что творчество В.В. Сигарева это не «только то, что он видел и знает», но и в

определенной степени работа на конъюнктуру, оседлание «своего конька» или экспрессионистское мировидение, которое «не отпускает» его по сей день. Подчеркнуто иллюзорным представляется и наличествующее светлое начало как в данной пьесе, так и в фильмах. По заявлению одного из критиков, это «не социальное кино и не чернуха», поскольку «высветлен светом внутреннего сопротивления» [10]. Мы видим, что если и возникает это «светлое начало», то оно выглядит притянутым за уши, а оттого даже комичным, нелепо «нахлобученным».

В пользу экспрессионистского мировидения В.В. Сигарева будет говорить обзор его творчества в целом. В интервью В.В. Сигарев признавался, что кино любит больше, чем театр. В театре ему «скучно». На наш взгляд, это и объясняет смысл его творчества: главное в конечном художественном «продукте» – не идея, ради которой этот продукт создавался, а подчас разрозненные картинки, монтаж, движение камеры – от растекающихся капель крови в луже молока до плавающих червячков в радужной оболочке глаза скупящего продавца-ларечника, от чавкающих сапог по грязи кладбища до ярких фантиков от конфет на серых могилах.

Эти пестрые «фантики» и завораживают зрителя, не позволяя ему остановиться в знакомстве с очередным шедевром В.В. Сигарева, какой бы «чернухой» он ни был пронизан. Хотя, очевидно, именно поэтому.

Как справедливо заметила М. Секацкая в своей рецензии на один из фильмов екатеринбургского режиссера: «Есть вещи, завораживающие своей мерзостью и западающие в душу именно в силу того отвращения, которое они в ней вызывают. Так дети, закрыв глаза в самом страшном месте фильма ужасов, тайком подглядывают сквозь пальцы, совсем чуть-чуть разведенные, так взрослые, пылая праведным гневом, с глубоко скрытым и почти незаметным им самим любопытством слушают сообщения про насильников и маньяков. Искусство с большой буквы, то самое, которое вечно должно, наверное, бороться с этим порывом. И все же почти в любом искусстве украдкой, неожиданно, намеками, недосказанностями проглядывает то, из чего сплетена зачистую его изнанка, – и тогда нам приоткрывается ненадолго страшное, жуткое, безысходное, безобразное и нечленораздельное, приоткрывается, чтобы вновь быть поглощенным и

преобразованным в искусство. Но такое проглядывание лишь яснее подчеркивает отличие искусства от того, на чем оно основывается и чему противостоит. Так происходит даже не потому, что искусство должно воспитывать и вдохновлять на добрые дела, ...а потому, что выведенная на первый план безжалостная и неприкрытая правда жизни становится чистой физиологией, как стон» [10].

Стоит обратить внимание также на то, что в авторском варианте пьесы нецензурная лексика как таковая отсутствует полностью. Видимо, режиссеры в большинстве российских театров (Пермь, Томск, Вологда, Южно-Сахалинск, Уссурийск и др.) решили по собственной инициативе еще больше «углубить» речевые портреты представителей социальных низов, но лишь в ряде случаев этот момент оказался выигрышным: так, «Уссурийский театр показал жестокий спектакль и выиграл. Он мог бы привезти вполне «безобидных» Булгакова, Пушкина... но предпочел шокую терапию, которая давно уже норма на столичных сценах, но для малой России, той, что простирается за МКАДом, это все ещё удар тока». Значительная часть тех, кто приходит в театр, предпочитает считать театр «священной коровой», неким сосудом с дистиллированной водой [11].

Примечательно также, что восторги по поводу трех кинолент В.В. Сигарева («Волчок» (2009), «Жить» (2012) и «Страна Оз» (2015) связаны, главным образом, с игрой актеров и работой оператора, т.е. с сугубо «техническими», а не «этическими» моментами. Премии, в т.ч. международные, также давались за вышеуказанные номинации (за лучшую режиссуру, за «высокую художественность звукового решения» и т.д.). Это дает основания полагать, что экспериментирование екатеринбургского режиссера с камерой, колористикой, светом и тенью, акустикой также роднит его творчество с экспрессионистами первых десятилетий XX в.

Выводы. Таким образом, в рассмотренных выше пьесах, несмотря на массу ментальных и мировоззренческих различий их авторов, разницу в творческом методе последних и в проблематике их произведений, социально-исторические условия, в которых создавались пьесы, обнаруживаем экспрессионистскую традицию (в большей или меньшей степени) в тяготении к камерности, экзистенциальным ситуациям, проблеме свободы, теме отцов и детей, на уровне актерской игры, в отсутствии оптимистической перспективы и общей экспрессионистской концепции человека и мира, обозначенной Ю.Б. Боровым: «смятенная хаосом мира индивидуальность» [2, с. 344].

1. Берман, Н. Трагедия положений, или Призрак худрука [Электронный ресурс] / Н. Берман. – URL: http://www.smotr.ru/2012/2012_mayak_august.htm (дата обращения: 25.03.2014).
2. Боров, Ю. Б. Эстетика / Ю.Б. Боров. – М.: Высш. шк., 2002. – 511 с.
3. Васильчикова, Т. Н. Драматургия Ханса Хенни Янна и типология немецкой экспрессионистической драмы / Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. докт.филол.н. – М., 2006. – 40 с.
4. Губайдуллина, Е. Евгения Симонова и Анна Ардова закатали семейный скандал. В новом спектакле Театра имени Маяковского разговоры на повышенных тонах не подвергаются даже минимальной художественной обработке [Электронный ресурс] / Е. Губайдуллина. – URL: http://www.smotr.ru/2012/2012_mayak_august.htm (дата обращения: 25.03.2014).
5. Копелев, Л. Драматургия немецкого экспрессионизма // Экспрессионизм. Сборник статей. – М.: Издательство «НАУКА», 1966. – С. 36-83.
6. Лаврова, А. ОМСК. Не взрыв, но всхлип // Газета «КУЛЬТУРА». – 2011 г. – февраль. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.omskdrama.ru/wwwroot/?gid=284&pid=33> (дата обращения: 25.03.2022).
7. Леттс, Т. Август. Графство Осейдж / Пер. с англ. О. Буховой. – М.: Рипол-Классик, 2014 – 256 с. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rulit.me/books/avgust-grafstvo-osejdz-read-348642-10.html> (дата обращения: 25.03.2022).
8. Макарова, Г. Театр и экспрессионизм / Г Макарова // Словарь экспрессионизма / под ред. П.М. Топера. – М.: ИМЛИ РАН, 2008. – С. 547-552.
9. Пестова, Н. В. Экспрессионизм – взгляд 100 лет спустя (montag, 28. april 2008) [Электронный ресурс]. – URL: <https://archive.prostory.net.ua/de/expressionsmus/56----100--> (дата обращения: 14.09.2022).
10. Плахов, А. Жить: На грани фолла [Электронный ресурс]: рецензия / А. Плахов. – URL: https://seance.ru/articles/zhit_guide/ (дата обращения: 23.11.2021).
11. Постановка уссурийского драматического театра встряхнула столичных театральных критиков. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ussur.net/news/19984/> (дата обращения: 23.11.2019).
12. Радаева, Э. А. Театр жизни и жизнь театра: к вопросу о феномене драматургии Василия Сигарева / Э.А. Радаева // Литература. Театр. Слово. Духовно-эстетический опыт эпохи: материалы Всерос. науч.-практ. конф.

2019 г. / ред. кол.: Н.С. Филатова, Э.А. Радаева. – Самара: Изд-во СРОУ «ЦДНВ "СЛОВО"»; Науч.-техн. центр, 2019. – С. 71-81.

13. Радаева, Э. А. Традиции экспрессионизма в современной драматургии (на примере пьес П. Туррини) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т.14. – Вып. 4. – С. 1059-1063.
14. Радаева, Э. А. Экспрессионизм в литературе конца XX века: Петер Туррини, драма «Всё, наконец» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т.14. – Вып. 3. – С. 686-690.
15. Сигарев, В. Божьи коровки возвращаются на землю: Пьеса в двух действиях [Электронный ресурс]. – URL: <http://vsigarev.ru/doc/korovki.pdf> (дата обращения: 01.09.2021).
16. Ситковский, Г. Много градусов по Фаренгейту. «Август. Графство Осейдж» в Театре им. Маяковского [Электронный ресурс] / Г. Ситковский. – URL: http://www.smotr.ru/2012/2012_mayak_august.htm (дата обращения: 25.03.2014).

CASES OF EXPRESSIONISM IN MODERN DRAMATURGY AND THEATER (ON THE EXAMPLE OF PLAYS BY T. LETTS, V. SIGAREV)

© 2022 E.A. Radaeva

*Ella A. Radaeva, Candidate of Philology, Associate Professor
of the Department of Literature, Journalism and Teaching Methods*

<https://orcid.org/0000-0003-4209-1951>

E-mail: ellrad@yandex.ru

**Samara State University of Social Sciences and Education
Samara, Russia**

This article analyzes the plays of American and Russian authors (T. Letts "August. Osage County", V. Sigarev "Ladybugs Return to Earth") for the reception of expressionist dramaturgy and theater. The author uses a system-cultural approach with elements of the case method (situational analysis). As a result of the study, the author comes to the conclusion that in the considered plays, despite the mass of mental and worldview differences of their authors, the difference in the creative method of the latter and in the problems of their works, the socio-historical conditions in which the plays were created, an expressionist tradition is found (to a greater or lesser extent) - in the attraction to intimacy, existential situations, the problem of freedom, the theme of fathers and children, at the level of acting, in the absence of an optimistic perspective and the general expressionist concept of man and the world, designated by Yu.B. Borev ("individuality, confused by the chaos of the world"). The choice was justified by the popularity of the above authors and their works among the domestic audience, as well as the presence of international awards. The artistic originality of the works, in the author's opinion, is due to the complex and paradoxical interaction of expressionist aesthetics with the realistic method.

Key words: Tracey Letts, "August. Osage County", Vasily Sigarev, "Ladybugs Return to Earth", expressionism, expressionist traditions
DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-86-91-99

1. Berman N. Tragediia polozhenii, ili Prizrak khudruka (The Tragedy of Provisions, or the Ghost of the Artistic Director) [Elektronnyi resurs] / N. Berman. – URL: http://www.smotr.ru/2012/2012_mayak_august.htm (data obrashcheniia: 25.03.2014).
2. Borev, Iu. B. Estetika (Aesthetics) / Iu.B. Borev. – M.: Vyssh. shk., 2002. – 511 s.
3. Vasil'chikova, T. N. Dramaturgiia Khansa Khenni Ianna i tipologii nemetskoi ekspressionisticheskoi dramy (Dramaturgy of Hans Heny Jann and the typology of German expressionist dram) / Avtoref. diss. na soisk. uch. step. dokt.filol.n. – M., 2006. – 40 s.
4. Gubaidullina, E. Evgeniia Simonova i Anna Ardova zakatili semeinyi skandal. V novom spektakle Teatra imeni Maiakovskogo razgovory na povyshennykh tonakh ne podvergaiutsia dazhe minimal'noi khudozhestvennoi obrabotke (Evgenia Simonova and Anna Ardova started a family scandal. In the new performance of the Mayakovsky Theater, conversations in raised tones are not subjected to even minimal artistic processing) [Elektronnyi resurs] / E. Gubaidullina. – URL: http://www.smotr.ru/2012/2012_mayak_august.htm (data obrashcheniia: 25.03.2014).
5. Kopelev, L. Dramaturgiia nemetskogo ekspressionizma (Dramaturgy of German Expressionism) // Ekspressionizm. Sbornik statei. – M.: Izdatel'stvo «NAUKA», 1966. – S. 36-83.
6. Lavrova, A. OMSK. Ne vzryv, no vskhlip (OMSK. Not an explosion, but a sob) // Gazeta «KUL'TURA». – 2011 g. – fevral'. [Elektronnyi resurs]. – URL: <http://www.omskdrama.ru/wwwroot/?gid=284&pid=33> (data obrashcheniia: 25.03.2022).
7. Letts, T. Avgust. Grafstvo Osejdz (August. Osage County) / Per. s angl. O. Bukhvoi. – M.: Ripol-Klassik, 2014 – 256 s. [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://www.rulit.me/books/avgust-grafstvo-osejdz-read-348642-10.html> (data obrashcheniia: 25.03.2022).

8. Makarova, G. Teatr i ekspressionizm (Theater and Expressionism) / G Makarova // Slovar' ekspressionizma / pod red. P.M. Topera. – M.: IMLI RAN, 2008. – S. 547-552.
9. Pestova, N. V. Ekspressionizm – vzgliad 100 let spustia (montag, 28. april 2008) (Expressionism - a look 100 years later (montag, 28. april 2008)) [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://archive.prostory.net.ua/de/expressionismus/56----100--> (data obrashcheniia: 14.09.2022).
10. Plakhov, A. Zhit': Na grani fola (Live: On the verge of a foul) [Elektronnyi resurs]: retsenziia / A. Plakhov. – URL: https://seance.ru/articles/zhit_guide/ (data obrashcheniia: 23.11.2021).
11. Postanovka ussuriiskogo dramaticheskogo teatra vstriakhnula stolichnykh teatral'nykh kritikov (The production of the Ussuri Drama Theater shook the capital's theater critics). [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://ussur.net/news/19984/> (data obrashcheniia: 23.11.2019).
12. Radaeva, E. A. Teatr zhizni i zhizn' teatra: k voprosu o fenomene dramaturgii Vasiliia Sigareva (Theater of life and the life of the theater: on the phenomenon of Vasily Sigarev's dramaturgy) / E.A. Radaeva // Literatura. Teatr. Slovo. Dukhovno-esteticheskii opyt epokhi: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. 2019 g. / red. kol.: N.S. Filatova, E.A. Radaeva. – Samara: Izd-vo SROU «TsDNV "SLOVO"»; Nauch.-tekhn. tsentr, 2019. – S. 71-81.
13. Radaeva, E. A. Traditsii ekspressionizma v sovremennoi dramaturgii (na primere p'es P. Turrini) (Traditions of expressionism in modern drama (on the example of P. Turrini's plays)) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2021. – T.14. – Vyp. 4. – S. 1059-1063.
14. Radaeva, E. A. Ekspressionizm v literature kontsa KhKh veka: Peter Turrini, drama «Vse, nakonets» (Expressionism in the literature of the late twentieth century: Peter Turrini, drama "Everything, finally") // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2021. – T.14. – Vyp. 3. – S. 686-690.
15. Sigarev, V. Bozh'i korovki vozvrashchaiutsia na zemliu: P'esa v dvukh deistviiakh (Ladybugs return to earth: A play in two acts) [Elektronnyi resurs]. – URL: <http://vsigarev.ru/doc/korovki.pdf> (data obrashcheniia: 01.09.2021).
16. Sitkovskii, G. Mnogo gradusov po Farengeitu. «Avgust. Grafstvo Oseidzh» v Teatre im. Maiakovskogo (Many degrees Fahrenheit. "August. Osage County" at the Theater. Mayakovsky) [Elektronnyi resurs] / G. Sitkovskii. – URL: http://www.smotr.ru/2012/2012_mayak_avgust.htm (data obrashcheniia: 25.03.2014).

УДК 130.2: 7.067 (Философия культуры. Системы культуры. Культурологические учения / Искусство с различных точек зрения. Социальная значимость искусства. Искусство и общество)

ВЛИЯНИЕ СОБЫТИЙНЫХ ФОТО ПОРТАЛОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ РАЗМЕЩЕНИЯ ИНТЕРНЕТ-КОНТЕНТА В РОССИИ

© 2022 О.Ю. Романов, И.Л. Сиротина

Романов Олег Юрьевич, аспирант кафедры дизайна и рекламы

E-mail: olegmenus@gmail.com

Сиротина Ирина Львовна, доктор философских наук, профессор кафедры дизайна и рекламы

E-mail: sirotinail@mail.ru

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарёва
Саранск, Россия

Статья поступила в редакцию 29.09.2022

Объект статьи – фото порталы в системе интернет-ресурсов. Предмет статьи – влияние событийных фото порталов на формирование пользовательской культуры размещения интернет-контента в России. Цель проекта: рассмотреть проблемы современного интернет-контента в связи с общедоступностью создания и размещения фотографий; проанализировать появление, развитие и трансформацию фото порталов в соответствии с меняющейся реальностью. Методология работы: в качестве материалов использовались научные публикации российских специалистов в области интернет-исследований и рейтинговые данные из открытых источников; исследование выполнено в русле комплексного подхода, в основу положен принцип системности, использовались методы: анализ, синтез, обобщение и интеграция данных. Результаты работы: потребность в получении качественного бесплатного фото контента сегодня обеспечивается фото порталами; специфика интернет-коммуникации порождает дихотомию виртуальной идентичности пользователя и реальной личности; наличие доступа в интернет и владение цифровым гаджетом делает элементарной публикацию хроники своей жизни, что создает определенную эстетику, а зачастую порождает различные виды киберагрессии. Область применения результатов: результаты исследования могут использоваться в качестве информационной основы для совершенствования пользовательской культуры интернет-ресурсов и для дальнейшей разработки теории фотографии. Вывод: появление фото порталов повлияло на формирование пользовательской культуры размещения персонального интернет-контента в России.

Ключевые слова: Фото портал, интернет-контент, социальные сети, фотография, аватар, имидж, мобилография
DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-86-100-104

Введение. На развитие культуры потребления контента в России на рубеже XX-XXI вв. оказали влияние многие факторы. Самыми значительными из них можно считать возможность приобрести цифровую фототехнику и доступность интернета. Технологическая эволюция создала новые возможности, а также новые паттерны поведения аудитории. Глобализация предоставила ещё ряд инструментов для генерации социального капитала.

Методы исследования. В качестве материалов авторами использовались научные публикации российских специалистов в области интернет-исследований и рейтинговые данные из открытых источников; исследование выполнено в рус-

ле комплексного подхода, в основу положен принцип системности, использовались методы: анализ, синтез, обобщение и интеграция данных.

История вопроса. У жителей России, имеющих доступ в интернет, появилась возможность демонстрации собственного образа жизни. Появление социальных сетей и функция размещения собственных фотографий активно осваивалась разными слоями населения. Стоит заметить, что подобные действия могли интерпретироваться по-разному.

Так, В.И. Круткин считает, что «визуальная составляющая виртуальной личности, являясь инструментом интеграции в структуру социаль-

ной сети, одновременно становится средством идентификации и персонализации пользователя, механизмом его самовыражения и признания. По своей сути такие визуальные составляющие выступают в качестве одного из вариантов огромного числа восприятий повседневной жизни, в этом феномене отображаются социально значимые реальности» [5, с. 41].

Пользователи транслировали элементы культурного кода, не всегда точно прогнозируя реакцию посетителей личного аккаунта. Процесс создания желаемого образа имеет свою специфику. Главная его особенность – субститутарность. Субститутер (заместитель-транслятор) – набор визуальных коммуникаций, первой из которых выступает фотография профиля, или аватар. Аватар долгое время считался идентификатором человека, ведь впечатление об обладателе страницы у аудитории создаётся посредством размещаемого контента. Становясь пользователем социальных сетей, человек автоматически становился публичным. Это ещё один из факторов, который трансформируется в цифровом пространстве. Данная позиция требует внимательных действий к возможности открытости и доступа к личной жизни. Выбор аватара свидетельствует о желании человека создать определенный имидж.

Сегодня существует множество определений имиджа в соответствии с научным подходом или сферой применения. Так, филолог-журналист К.В. Киуру дает такое определение: «Имидж в цифровой среде – это конструируемый образ, возникающий, благодаря опосредованности взаимодействия прототипа имиджа и его аудитории, направленный на его позиционирование и обеспечение требуемого присутствия в цифровом информационном пространстве» [4, с. 185]. А философ Шепель В. М. Определяет имидж как «индивидуальный облик или ореол, создаваемый СМИ, социальной группой или собственными усилиями в целях привлечения к себе внимания» [9, с. 381]. Имидж обладает рядом характеристик, делающих его важным инструментом любого интернет-контента. К основным характеристикам имиджа можно отнести символичность, информативность, активность и динамичность. «Символичность наделяет имидж свойствами знака. Информативность имиджа позволяет давать различную информацию. Активность имиджа помогает воздействовать на эмоции, сознание других людей» [2, с. 125]. Динамичность и пластичность имиджа отражают его способность к изменениям. Однако для создания желаемого

имиджа человек должен опубликовать определенную информацию о себе, что автоматически делает его уязвимым для стороннего воздействия.

Часть пользователей размещали собственный контент и сталкивались с таким явлением как «киберагрессия». Данный феномен активно изучается учёными из разных стран, параллельно развитию интернет-культуры. Принцип явления – создание деструктивной коммуникации. Понятийный аппарат в данном направлении окончательно не сформирован. Встречаются повторения и смежные трактовки, регулярно появляются новые варианты агрессии. Ученые Г.У. Солдатова, Е.И. Рассказова, С.В. Чигарькова выделяют «наиболее важные в контексте деструктивной коммуникации в сети виды киберагрессии: флейминг, хейтинг, троллинг, киберсталкинг и кибербуллинг» [6, с. 5].

Явление имиджа в цифровой среде способствовало развитию цифрового контента. Наличие профессиональных фотографий для публикации в интернете становилось важным и для рядовых пользователей, и для организаций.

По мнению А.И. Беленького, фотография в медиа выполняет несколько основных функций:

- передачу информации;
- привлечение внимания или аттрактивную функцию;
- иллюстративную или оформительскую функцию;
- синергетическую или подтверждающую функцию [1].

С популярными глянцевыми изданиями и телевидением начали конкурировать событийные фото порталы, которые предоставляли фото- и видеоотчёты о происходящих развлекательных событиях.

Результаты исследования. Выделим ключевые причины популярности этого явления.

Во-первых, фотографии событий появляются на подобных ресурсах оперативно. От скорости размещения зависит популярность портала и трафик. Чем больше трафик – тем больше интерес у заведений, которые приглашают ресурс, и у рекламодателей.

Во-вторых, фотографии специально снимают гостей для того, чтобы они смогли увидеть себя и сохранить фотографии для личного пользования, но с указанием бренда. Участники события освобождаются от необходимости иметь собственный гаджет и делать фотографии, за них это делает профессионал.

В-третьих, подобное явление очень быстро масштабировалось по регионам и за рубеж. На момент написания статьи крупнейший событийный фото портал в России www.geo.pro, который сам себя характеризует как «Крупнейший федеральный медиа проект, специализирующийся на создании фото и видео контента» [10] имеет фотоотчеты из 79 регионов, www.night2day.ru, позиционирующий как «Портал, освещающий ресторанную, светскую и клубную жизнь России, а также стран Восточной и Западной Европы» [11] – из 27 регионов, а организаторы событий имеют в качестве партнера сильный бренд и дополнительную точку контакта на стороннем ресурсе. Кроме того, у организаторов также пропадает необходимость наличия собственного фотографа для мероприятия. Фото портал имеет собственный пул фотографов. Ресурс при этом получает дополнительный доход.

В-четвертых, имиджевые технологии позволили сделать подобное явление модным. Отношение к бренду можно получить как посредством обладания брендованными элементами сайта, так и присутствием на фотоотчётах. Несмотря на общедоступность фотоматериалов, создаётся впечатление привилегированности. Стратегия продвижения ресурсов содержит кроссмаркетинговые активности, развитие персонального бренда ключевых лиц. Коммуникационные каналы и субъекты PR-деятельности добиваются привлечения внимания не только в цифровом пространстве, они наносят имиджевый ущерб классическим СМИ.

Возможность постоянного существования подобных фото порталов обеспечена следующими факторами:

- стабильность трафика для рекламодателей;
- обеспечение регулярного дохода для фотографов;
- заказы от событийных организаций;
- системный интерес пользователей.

Технологическое развитие и эволюция пользовательского опыта меняют модели работы с аудиторией. Эволюция цифровой культуры в середине 2010-х гг. в России вывела на лидирующие позиции использование приложений социальных сетей в смартфонах [см. 7]. Использование браузеров стало сокращаться. Ежедневное время пользования гаджетом росло. В социальных сетях стали появляться лидеры мнения или

трендсеттеры, демонстрирующие высокое качество публикуемого контента. Соответствие им также сказалось на вариантах самоидентификации поклонников в социальных сетях. Появился тренд на мобильную фотографию. Возможности смартфонов способствовали появлению новой эстетики, которая к тому же постоянно меняется, так как очень чувствительна к трансформациям реальности, смене моды и проч.

М.М. Иерусалимова пишет: «Фундаментальное отличие мобилографии от обычной фотографии заключается в изменении стиля съемки, отношения к ней фотографа и тех, кого он снимает. Мобильная фотография – это не только синтез устройств, но и синтез технологий» [3, с. 26]. Функциональный анализ мобилографии позволил исследователю выявить функции мобильной фотографии. К центральным относятся коммуникативная и моделирующая, поскольку при своей ключевой роли мобильное изображение используется как средство общения, передачи информации и визуализации повседневности. Она обращает внимание на то, что изображение – это мощный инструмент продвижения. К выявленным функциональным особенностям мобилографии относятся:

- наблюдение (отражение в мобилографии изображения того, за чем наблюдает пользователь);
- формирование образа, мифологизация образа; обмен культурным опытом и образами различных культур; социализация.

Л.В. Чернавина и С.Т. Махлина, например, подчеркивают статусное самоопределение при помощи мобилографии, что позволяет пользователю заявить о себе и своей социальной позиции [см. 8].

Однако, не всегда наличие устройства с хорошей оптикой гарантировало создание хорошей фотографии. Фото порталам пришлось адаптироваться под данную реальность. Чуть позже стали меняться технические и визуальные требования. Снимки готовились в том числе и для размещения в вертикальной ориентации, приспособленной под популярные разрешения смартфонов. Деятельность ресурсов не останавливалась. Пользователь стремился присвоить себе момент, где ему хорошо, и он выглядит тоже хорошо. К тому же получал он все это совершенно бесплатно.

К 2020-м гг. тренд на мобильную фотографию нивелировался, а популярность фото порталов вышла на новый виток.

Выводы. Таким образом, данный дискурс подтверждает нашу основную мысль, что присутствие в интернете – один из самых распространенных способов напоминания о себе, а дихотомия виртуальной идентичности пользователя и реальной личности может привести к негативным последствиям. Потребность в получении

качественного бесплатного фото-контента была обеспечена фото порталами, появление которых повлияло на формирование пользовательской культуры размещения персонального интернет-контента в России, так как требования к размещаемым материалам, тем более к персональным, могут быть достаточно высоки для соответствия желаемой социальной группе или соответствия имиджа цифровой среде, что создает условия для формирования определенной эстетики.

1. Бельский, А. И. Фотожурналистика в современных медиа. – М.: ООО «Издательство "КноРус"», 2022. – 164 с.
2. Зеленая, А. В. Формирование имиджа в социальных сетях // Новые импульсы развития: вопросы научных исследований. – 2020. – №3. – С. 124–127.
3. Иерусалимова, М. М. Мобильная фотография: функции и значение в современном обществе // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. – 2019. – № 4. – С. 24–28.
4. Киуру, К. В. Селфи как имиджевый медиатекст в условиях тотальной визуальности цифрового пространства // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2018. – № 4(30). – С. 184–194.
5. Круткин, В. Л. Пьер Бурдь: фотография как средство и индекс социальной интеграции // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». – 2006. – №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pier-burdie-fotografiya-kak-sredstvo-i-indeks-sotsialnoy-integratsii> (дата обращения: 10.05.2022).
6. Солдатова, Г. У., Рассказова, Е. И., Чигарькова, С. В. Виды киберагрессии: опыт подростков и молодежи // Национальный психологический журнал. – 2020. – № 2(38). – С. 3–20.
7. Социальные сети в России: Цифры и тренды // Brand Analytics [Электронный ресурс]. – URL: <https://brand-analytics.ru/blog/social-media-russia-2021/> (дата обращения: 09.05.2022).
8. Чернавина, Л. В. Роль фотографии в виртуальной жизни человека // Наука России: Цели и задачи: Сборник научных трудов по материалам VII Междунар. науч. конф., Екатеринбург, 10 февраля 2018 года. – Екатеринбург: Научно-издательский центр «Л-Журнал». – 2018. – С. 71–75.
9. Шепель, В. М. Эффективный менеджмент: мыслить по-русски. – М.: Финансы и статистика, 2005. – 381 с.
10. GEOPRO: репортажи, события, эксклюзивы в городе [Электронный ресурс]. – URL: <https://geo.pro/msk/> (дата обращения: 25.07.2022).
11. Night2day.ru: Портал, освещающий ресторанную, светскую и клубную жизнь России, а также стран Восточной и Западной Европы [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.night2day.ru/> (дата обращения: 25.07.2022).

THE INFLUENCE OF EVENT PHOTO PORTALS ON THE FORMATION OF USER CULTURE OF THE INTERNET CONTENT PLACEMENT IN RUSSIA

© 2022 O.Y. Romanov, I. L. Sirotina

Oleg Yu. Romanov, Postgraduate student of the Department of Design and Advertising

E-mail: olegmenus@gmail.com

Irina L. Sirotina, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Design and Advertising

E-mail: sirotinail@mail.ru

Ogarev Mordovia State University

Saransk, Russia

The object of the article is photo portals in the system of Internet resources. The subject of the article is the influence of event photo portals on the formation of the user culture of Internet content placement in Russia. The purpose of the project: to consider the problems of modern Internet content in connection with the accessibility of creating and posting photos; to analyze the emergence, development and transformation of photo portals in accordance with the changing reality. Methodology of the work: scientific publications of Russian experts in the field of Internet research and rating data from open sources were used as materials; the study was carried out in line with an integrated approach, based on the principle of consistency, methods were used: analysis, synthesis, generalization and integration of data. Results of the work: the need to obtain high-quality free photo content today is provided by photo portals; the specifics of Internet communication generates a dichotomy of the virtual identity of the user and the real person; having access to the

Internet and owning a digital gadget makes it elementary to publish a chronicle of your life, which creates a certain aesthetic, and often generates various types of cyber aggression. Scope of the results: the results of the study can be used as an information basis for improving the user culture of Internet resources and for further development of the theory of photography. Conclusion: the appearance of photo portals influenced the formation of the user culture of posting personal Internet content in Russia.

Keywords: Photo portal, Internet content, social networks, photography, avatar, image, mobilography

DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-86-100-104

1. Belen'kii, A. I. Fotozhurnalistskaia v sovremennykh media (Photojournalism in modern media). – M.: ООО «Izdatel'stvo "KnoRus"», 2022. – 164 s.
2. Zelenovskaia, A. V. Formirovanie imidzha v sotsial'nykh setiakh (Formation of the image in social networks // New development impulses: questions of scientific research) // Novye impul'sy razvitiia: voprosy nauchnykh issledovani. – 2020. – №3. – S. 124–127.
3. Ierusalimova, M. M. Mobil'naia fotografiia: funktsii i znachenie v sovremennom obshchestve (Mobile photography: functions and meaning in modern society) // Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Ural'skii region. – 2019. – № 4. – S. 24–28.
4. Kiuru, K. V. Selfi kak imidzhevyy mediatekst v usloviakh total'noi vizual'nosti tsifrovogo prostranstva (Selfie as an image media text in the conditions of total visibility of the digital space) // Znaki: problemnoe pole mediaobrazovaniia. – 2018. – № 4(30). – S. 184–194.
5. Krutkin, V. L. P'er Burd'e: fotografiia kak sredstvo i indeks sotsial'noi integratsii (Pierre Bourdieu: photography as a means and index of social integration) // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Filosofiia. Psikhologiiia. Pedagogika». – 2006. – №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pier-burdie-fotografiya-kak-sredstvo-i-indeks-sotsialnoy-integratsii> (data obrashcheniia: 10.05.2022).
6. Soldatova, G. U., Rasskazova, E. I., Chigar'kova, S. V. Vidy kiberagressii: opyt podrostkov i molodezhi (Types of cyberaggression: the experience of adolescents and youth) // Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal. – 2020. – № 2(38). – S. 3–20.
7. Sotsial'nye seti v Rossii: Tsifry i trendy (Social networks in Russia: Figures and trends) // Brand Analytics [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2021/> (data obrashcheniia: 09.05.2022).
8. Chernavina, L. V. Rol' fotografii v virtual'noi zhizni cheloveka (The role of photography in the virtual life of a person) // Nauka Rossii: Tseli i zadachi: Sbornik nauchnykh trudov po materialam VII Mezhdunar. nauch. konf., Ekaterinburg, 10 fevralia 2018 goda. – Ekaterinburg: Nauchno-izdatel'skii tsentr «L-Zhurnal». – 2018. – S. 71–75.
9. Shepel', V. M. Effektivnyi menedzhment: myslit' po-russki (Effective management: think in Russian). – M.: Finansy i statistika, 2005. – 381 s.
10. GEOPRO: reportazhi, sobytiia, ekskluzivny v gorode (GEOPRO: reports, events, exclusives in the city) [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://geo.pro/msk/> (data obrashcheniia: 25.07.2022).
11. Night2day.ru: Portal, osveshchaiushchii restorannuiu, svetskuiu i klubnuiu zhizn' Rossii, a takzhe stran Vostochnoi i Zapadnoi Evropy (Night2day.ru: A portal covering the restaurant, social and club life of Russia, as well as the countries of Eastern and Western Europe) [Elektronnyi resurs]. – URL: <http://www.night2day.ru/> (data obrashcheniia: 25.07.2022).

УДК 821.161.16.: 130.2 (Русская литература / Философия культуры. Системы культуры.
Культурологические учения)

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В СЕМЕЙНОМ ФОРМАТЕ: КАРАМАЗОВЫ ЦИТИРУЮТ ШИЛЛЕРА

© 2022 М.М. Халиков

*Халиков Магомед Магомедович, доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой лингвистики
e-mail: magomed_samara@mail.ru*

Самарский государственный университет путей сообщения
Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 01.07.2022

Статья посвящена дискурсивно-лингвистическому анализу феномена интертекстуальности на примере функционирования цитатных и аллюзивных заимствований из произведений Ф.Шиллера в художественном пространстве романа Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы». При чтении произведения легко обнаруживается, что все четверо Карамазовых проявляют интерес к творчеству классика немецкого романтизма и периодически включают извлечения из его произведений в свои речевые партии. На основе этого эмпирического наблюдения высказана гипотеза о неслучайном характере появления шиллеровских интертекстуализмов в речевой ткани титульных персонажей и о возможности их индивидуализированной функциональной нагруженности в тексте романа. Последовательно проведенный анализ речевых партий отца и братьев Карамазовых показал, что употребление заимствованных из текстов Шиллера художественно-поэтических элементов в вербально-коммуникативной практике членов семьи характеризуется как общими особенностями их функционирования, так и индивидуально-специфическими признаками, в определенной степени соответствующими их социально-психологическому и ментально-языковому типу, субъективной коммуникативной стратегии и прагматической интенциональности речевого высказывания в данной точке развертывания сюжета. Сделанные наблюдения свидетельствуют о глубинной функционально-знаковой гармонии художественно-текстовой субстанции Достоевского, которая контрастирует с давно отмеченной внешней стилистической небрежностью его произведений и определяет, во взаимодействии с ней, их уникальный лингвистический колорит.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, роман «Братья Карамазовы», интертекстуальность, речевая партия персонажа, художественный образ

DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-86-105-113

Введение. Роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» примечателен во многих отношениях. Значительный интерес представляет он, в частности, в аспекте языковой организации своего содержания, т.е. с точки зрения того, какие единицы, формы и структуры языка писатель использует для художественно-текстового воплощения идейно-тематического, философского и сюжетно-событийного содержания своего произведения. Это значимо не только для идентификации и типологической репрезентации авторского идиостиля (выявления техники письма в аспекте ее литературной образцовости) как явления уникального и эстетически-релевантного в художественно-речевой системе данного языка. Художественный текст в той или иной степени обладает свойством автореферентности, т.е. не только изображает по законам эстетики определенные стороны

внеязыковой действительности, но и передает значимую информацию об интеллектуальной, мировоззренческой и языковой личности автора. Поэтому описание вербально-субстанциональной основы произведения не следует трактовать только как эпистемологическую задачу определения качественной специфики исследуемого литературного текста, рассматриваемого в своей структурно-смысловой завершенности и функциональной автономии; в этой работе возникает необычный вопрос: об обусловленности художественно-текстовой субстанции произведения явлениями, связанными с событийной и духовной биографией писателя, по существу – вопрос о связи между художественным вымыслом и документальной правдой о жизни и личности автора. В романе Ф.М. Достоевского к числу текстовых феноменов, непосредственным образом отражающих важную сторону

мировоззренческой и интеллектуальной личности создателя, можно отнести интертекстуальные включения из произведений Ф. Шиллера, духовную близость с которым писатель не раз отмечал.

В структуре художественного произведения могут быть выделены лингвистические элементы двоякого рода – субстанционально-релевантные, существенно необходимые для реализации художественно-повествовательного замысла автора, формирующие корневую содержательную и стилистическую индивидуальность произведения, и релевантные по случаю, не определяющие художественно-повествовательного своеобразия литературного текста. К явлениям первого рода, ярко и рельефно характеризующим идейно-содержательное своеобразие произведения и художественного мира писателя, в романе «Братья Карамазовы» можно отнести присутствие в тексте большого количества интертекстуальных включений из произведений Ф. Шиллера.

История вопроса. В литературе о Ф.М. Достоевском об этом писали не раз (см., например, работы: [2, 3, 7, 8, 11]), в основном – с позиций теории диалога литературно-художественных процессов, рассматривая это явление с точки зрения его роли и места в организации идейно-художественного ландшафта произведения и социально-психологического портретирования его персонажей. Лингвистические аспекты этого феномена, связанные с формированием языкового функционального пространства текста, предметом специального рассмотрения не стали.

Методы исследования. Для данного исследования был выбран наиболее рельефно выраженный аспект шиллеровской интертекстуальности в последнем и самом значительном произведении великого русского писателя – дискурсивно-стилистические особенности актуализации заимствований текстовых фрагментов и мотивов из произведений классика немецкого романтизма в речевых партиях главных действующих лиц. Существенной композиционно-стилистической особенностью этих включений является, во-первых, то, что к ним прибегают все четыре члена изображаемого семейства, и, во-вторых, все шиллеровские интертекстуализмы актуализованы либо в речевых партиях титульных персонажей, либо в контекстно-референционной

связи с ними – в вербальной субстанции других персонажей. Такая функциональная спецификация не может быть случайной: яркие, колоритные, экзотические цитатные и аллюзивные вставки из текстов Ф. Шиллера адаптированы к решению основной задачи художественно-образного изображения действительности – создания психологически достоверного портрета скандального семейства. В связи со сказанным возникает вопрос: нет ли определенной корреляции между ментально-психологическим портретом персонажей, членов семьи Карамазовых, и характером употребления ими интертекстуализмов? Попытка найти ответ на этот вопрос и является предметно-целевой задачей данной публикации.

Результаты исследования. Можно предположить, что для писателя значим не только выбор тех или иных текстовых фрагментов из произведений Ф. Шиллера, т.е. семантико-прагматические и текстообразующие аспекты заимствованных включений, но также их локализация, порядок появления в тексте. Есть определенные элементы интенциональности в хронологии актуализации исследуемых объектов в романе: они появляются сначала – компактно и концентрированно – в речевой партии отца семейства Федора Павловича (и больше они его не интересуют); затем они вводятся в текстовую субстанцию старшего сына Дмитрия и представлены в ней единственным сюжетным эпизодом; уже после этого указанные интертекстуализмы имплементируются в прямую и косвенную речь младших сыновей – Ивана и Алексея. Такое композиционное решение вряд ли можно считать случайным, оно провоцирует мысль о существовании первоначального замысла (возможно – стихийного, неартикулированного, имплицитного): представить всех членов семейства знатоками творчества Ф. Шиллера и раскрыть их индивидуальность через призму гуманистических идеалов великого немца.

Сохраняя указанную выше последовательность, будут обрисованы ниже речевые портреты главных героев романа – с преимущественным вниманием к индивидуальной специфике применения ими интертекстуального материала.

Федор Павлович Карамазов. Как уже отмечалось, шиллеровские текстовые вкрапления впервые появляются в художественном

пространстве романа в речевых партиях отца «семейки», Федора Павловича Карамазова; их всего четыре, они локализованы в пределах одного сюжетного события – пребывания семейства в монастыре, у старца Зосимы («Книга вторая. Неуместное собрание») и образуют, если исходить из задачи персонологической конкретизации рассматриваемой здесь группы интертекстуальных феноменов, компактную и композиционно-завершенную дискурсивную целостность. Они разноплановы по лингвистической текстовой субстанциональности, различна и мера очевидности их интертекстуальной природы. Начинается серия с эпизода, в котором Федор Карамазов представляет старших сыновей и себя самого отцу Зосиме; здесь он прибегает к приему пародийно-игровой референции, в театральном жесте отождествляя всех троих с литературными героями: Иван аттестован как Карл Моор, Дмитрий назван Францем Моором («...оба из “Разбойников” Шиллера, а я, я сам в таком случае уж Regierender Graf von Moor [Владелец граф фон Моор]»). Таким образом, первое появление шиллеровской интертекстуальной художественно-текстовой субстанции в романе маркировано в предельно эксплицитной форме. Этот же прием иронически-игровой многосмысловой прагматики реализован повторно при описании сцены отъезда из монастыря; Федор Карамазов, прощаясь с сыном Иваном, говорит ему:

«– А Алешку-то я все-таки из монастыря возьму, несмотря на то, что вам это очень неприятно будет, почтительнейший Карл фон Моор».

Иван Федорович презрительно вскинул плечами...».

Иной характер эксплицитности интертекстуального повествовательного элемента в речевой субстанции старшего Карамазова находим в сцене скандальной размолвки между ним и сыном Дмитрием, когда отец в театрально-пафосной манере говорит о невозможности, ввиду родственных связей, дуэли «на пистолетах, на расстоянии трех шагов...через платок». Здесь текстуально близко воспроизводятся сюжетные мотивы драмы Шиллера «Коварство и любовь», но отличие этого примера – в отсутствии метатекстовых индикаторов интертекстуальности (ср. в первом примере – название пьесы, фамилия автора, немецкий текст). Идентифицировать этот повествовательный ход как прием

заимствования может только читатель, внимательно читавший Ф. Шиллера.

Ф. Шиллер существенным образом повлиял на формирование интеллектуальной, нравственной и творческой личности Достоевского, немецкий классик дорог ему – и как личность, и как творец. Вот примечательный фрагмент из его письма к брату Михаилу: «...Я вызубрил Шиллера, говорил им, бредил им <...> имя же Шиллера стало мне родным, каким-то волшебным звуком, вызывающим столько мечтаний» [4, с. 69]. В сложной семиотике текстов Ф.М. Достоевского знаки актуализации этой духовной близости появляются с определенной регулярностью, поразительно многочисленны и способны художественно-смысловой адаптации текстовой субстанции Ф. Шиллера в его произведениях. Вполне определенно можно утверждать, что писатель целенаправленно экспериментирует в области заимствования художественно-речевых форм, которые в новых контекстных условиях получают нехарактерные оригиналу коннотации. Примечателен в этом отношении интертекстуальный фрагмент, взятый из речевой партии Федора Карамазова, в которой он обвиняет старцев в ханжестве и лжи: «... Знаем мы эти поклоны! “Поцелуй в губы и кинжал в сердце”, как в “Разбойниках” Шиллера». У Ф. Шиллера эти слова произносит благородный Карл Моор, в устах распущенного и циничного старика Карамазова они звучат как антитеза высокой прагматике оригинального текста.

Интертекстуальный дискурс отца «семейки» пронизан антитезными креативными мотивами, интенциями транспонирования содержания оригинальных текстов в область противоположных смыслов. Начнем с того, что обращение этого персонажа к творчеству Ф. Шиллера само по себе можно трактовать как прием парадоксального и комически-разоблачительного сближения противоположностей (оксюморон). В этом же ключе можно трактовать и ложное отождествление им сыновей с персонажами «Разбойников»; старик полагает, что Иван – это благородный и честный Карл Моор, а Дмитрий – коварный и склонный к предательству Франц. В действительности же дело обстоит наоборот: предателем оказался Иван. Та же игра противоположностями имеет место в немаркированном интертекстуализме из «Коварства и любви»: старик идентифицирует себя как молодого и благородного Фердинанда, а пышущему

здоровьем и экспансивному сыну Дмитрию отводит роль немощного и боязливого гофмаршала.

Таким образом, в качестве характерной особенности актуализации интертекстуализмов из произведений Шиллера в речевой субстанции Федора Карамазова можно отметить интенцию их преувеличенно-театрализованного применения (в аспекте создания интонационно-прагматической атмосферы гротесково-фантастического повествования) и установку на поляризацию семантики, экспериментально-игровое, иронически и комически окрашенное, антонимическое преобразование заимствованных художественно-речевых фрагментов. Примечательной отличительной чертой шиллеровских вкраплений в речь этого персонажа является и то, что они выступают как средства саморазоблачения, вовлечены в интенсивно разрабатываемый художественными методами дискурс нравственных оценок.

Дмитрий Карамазов. Символично, что Дмитрий Карамазов вдохновляется поэтическими шедеврами Шиллера в переломный момент своей жизни («Теперь мир на новую улицу вышел»), когда он, в отчаянном презрении к своему прошлому, размышляет о возможности через любовь возродиться в человекоподобии. Существенный для раскрытия образа персонажа и этической философии самого писателя смысл интертекстуальности в этом случае акцентирован в архитектонике и семантической структуре текста: герой анонсирует важность предстоящего разговора («Я бы хотел начать...мою исповедь...гимном к радости Шиллера»); в сюжетной линии Дмитрия данное интертекстуально маркированное коммуникативное событие является единственным (больше он к творчеству Ф. Шиллера не обращается); уникальна и его культурологическая масштабность (такой концентрации интертекстуальности нет ни в одном другом месте романа: в одной сюжетной точке сходятся цитаты и мотивы из Евангелия, произведений А.С. Пушкина, Н.А. Некрасова, А.Н. Майкова, А.А. Фета, И.-В. Гете и Ф. Шиллера, а по существу – и переводчиков немецкой поэзии, величайших поэтов Жуковского и Тютчева); фигура и творчество Ф. Шиллера выделены особым образом среди выдающихся имен (только он представлен в анализируемом фрагменте эксплицитно, в прямом фамильном

именовании; ср. метатекстовую реплику героя по поводу воспроизведенной им же строчки из Гете: «Чей это стих?»); только тексты Ф. Шиллера цитируются в таком репрезентативном количестве). Чрезвычайно важно и то, что массированно цитируются идеологически-нагруженные произведения немецкого классика: стихотворение «Элевзинский праздник», в котором провозглашается вера в возможность гармонично обустроенного мира и гуманистического прогресса человечества, и гимна «К радости», насыщенного жизнеутверждающим оптимистическим смыслом. Здесь формируется резонансный концептуально-смысловой узел произведения – со множеством импликаций, имеющих значение для развития корневой идеологии романа, в частности – для развертывания дискурса о феноменологии зла – важнейшего конструктивного элемента философии Достоевского. Цитируемые тексты по нравственной, понятийной и коннотативно-символической интонированности как будто находятся в кричащем противоречии с образом персонажа (сладострастным «насекомым», как он себя аттестует, используя термин Шиллера), но они созвучны его глубинной человеческой сущности, им же порушенному миру своих идеалов. Весьма показательно, что, согласно подготовительным записям к роману, Достоевский планировал включить в выступление Дмитрия на суде фразу: «Я Шиллера любитель, я идеалист. Кто решил, что я пакостник, – тот меня еще не знает» [5, с. 297].

Обширные поэтические цитаты из произведений Шиллера служат, с одной стороны, необходимым семантическим и идеологическим фоном для нюансировки драматически-противоречивого образа персонажа, а с другой – в своем полифоническом звучании они реализуют авторефлексивную функцию повествования, раскрывают важнейший аспект личности писателя – его увлеченность философией и творчеством Ф. Шиллера. (Мотивы гимна «К радости» рекуррентны в произведениях писателя.) В текстовой материи романа слились три голоса – Ф. Шиллера, Ф.М. Достоевского и Дмитрия Карамазова.

В аспекте лингвистической рецепции интертекстуальной словесно-текстовой субстанции анализируемого фрагмента следует отметить, что цитируемый здесь материал не претерпевает каких-либо изменений по сравнению с оригиналом: не появляются новые смысловые и

стилистические акценты на словесном уровне; не создаются особые контекстные условия для формирования иных, генерируемых автором повествования, возможностей трактовки поэтических образов. Дмитрий демонстрирует почти научный подход к выстраиванию своего дискурса: точное цитирование, обрамленное смысловыми комментариями и нравственно-мировоззренческими рефлексиями персонажа. Возможно, это не случайный элемент повествования – академически-стилизованная чистота и аккуратность обращения персонажа с оригиналом, проведенная им четкая метаязыковая граница между своим и заимствованным текстом характеризуют его как человека прямолинейного, не склонного к ухищрениям.

Суммируя сказанное, можно выделить в качестве существенных особенностей функционирования интертекстуализмов из Ф. Шиллера в речевой субстанции Дмитрия Карамазова их значимую роль для обрисовки психологического портрета персонажа, их созвучность нравственным и гуманистическим идеалам самого писателя, а также сохранение их аутентичной семантико-стилистической нагруженности в тексте романа.

Можно отметить в качестве частной особенности и то, что Дмитрий – единственный из Карамазовых, о котором эксплицитно известно, что он оперирует исследуемым здесь интертекстуальным материалом в русском переводе («...я по-немецки не знаю»).

Иван Карамазов. В речевой субстанции Ивана Карамазова интертекстуализмы из произведений Шиллера представлены в разнообразии коммуникативно-смысловых реализаций и форм взаимодействия с авторским повествовательным контекстом. Надо сразу отметить, что они количественно доминируют над аналогичными вкраплениями в вербальных партиях каждого из остальных членов семейства.

Первый по времени появления шиллеровский интертекстуализм в устах Ивана воспринимается как значимый характерологический штрих к его портрету; в сцене прощания с Катериной Ивановной он воспроизводит по-немецки строчку из баллады «Перчатка»: *Den Dank, Dame, begehrt ich nicht* [«Благодарности, сударыня, я не требую»], произнесенную рыцарем де Лоржем в момент возвращения им перчатки, брошенной Кунигундой на арену с тиграми и львами, чтобы испытать его чувства к ней. Примечательно, что это единственный в

романе пример синтаксически полновесного цитирования Ф. Шиллера на языке оригинала. Но пример интересен прежде всего происшедшей в нем существенной трансформацией семантико-прагматической контекстуальности. Важный сигнал содержится в речи от автора, сопровождающей словесно-цитатный жест героя: «Прибавил он с искривленной улыбкой...». Эпитет *искривленный* метонимически определяет направление семантической интерпретации речевого сигнала: этому верить нельзя, это игра уязвленного самолюбия, знак растерянности. Указанный эпитет точно отражает контекстную ситуацию параллелизма по контрасту между текстом оригинала и его цитатным воспроизведением: де Лорж реально рисковал жизнью, у Ивана – банальная бытовая коллизия; твердость и безусловная необратимость поступка рыцаря противостоит лукаво-двусмысленной позиции Карамазова (ср. его же слова здесь «Потом прощу, а теперь не надо руки»). Семантические и модально-оценочные импликации очевидны: попытка рыцарской самоидентификации Ивана пародийна, театрально-артикулирована, комична. Как видим, в цитируемой строке произошли серьезные изменения в денотативном содержании (референция события) и коннотативной семантике (оценочное восприятие читателем).

И в дальнейших эпизодах употребления цитатного материала из произведений Ф. Шиллера проявляется амбивалентная антропологическая сущность этого персонажа. Касаясь, в разговоре с Алексеем, вопроса о его отношении к богу, Иван прибегает к приему интертекстуального развертывания дискурса, отвечая в словесно-текстовой манере Франца Моора, но в отличие от последнего, заявившего вполне категорично «Нет бога», он избегает такой откровенности: «...Ну представь же себе, может быть, и я принимаю бога, – засмеялся Иван, – для тебя это неожиданно, а?». Здесь вполне тривиальный глагол *засмеялся* выступает как важнейший фактор, определяющий семантическую субстанцию высказывания и модус его оценочной рецепции – в значительном дистанцировании от прототекста. Пластичность позиции персонажа акцентирована и вводной конструкцией *может быть*.

Следующее, по сюжету, включение шиллеровского интертекстуализма в речевой дискурс Ивана представляет собой этимологически неэксплицированную аллюзию на

стихотворение «Резиньяция»: «...Да и слишком дорого оценили гармонию, не по карману нашему вовсе столько платить за вход. А потому свой билет на вход спешу вернуть обратно. И если только я честный человек, то обязан вернуть его как можно заранее. Это я и делаю. Не бога я не принимаю, Алеша, я только билет ему почтительнейше возвращаю». Нарратив о возвращении билета в романе отличается от прототекста иным составом элементов референтной ситуации (в последнем – обращение души усопшего к вечности, вместо билета – Vollmachtbrief zum Glücke «письмо, гарантирующее счастье») и дискурсивной модальностью (у Ф. Шиллера – прямая речь), но самым важным в аспекте прагматики речи отличием является существенно более низкая контекстно-семантическая подготовленность упоминания самого возвращаемого предмета в романе, что, по-видимому, можно трактовать как элемент общей повествовательной стратегии – придания образу персонажа ореола таинственности. Текстовые феномены подобного рода обладают свойством реинтерпретируемости [6, с. 217], предполагают возможность постоянного открытия новых смыслов и горизонтов прочтения, доступность и полнота которых в значительной степени определяются интертекстуальным тезаурусом личности [9, с. 186], подготовленностью читателя к восприятию сложноорганизованных типов информации.

В этом же семантическом ключе, с интенцией создания атмосферы интеррогативности (Что это – откуда и о чем?) выступает цитата из Ф. Шиллера, включенная в сюжет о великом инквизиторе (текст в тексте; сочинение Ивана Карамазова, навеянное образом Grossinquisitor из драмы «Дон Карлос»); ср.: «...ибо пятнадцать веков уже минуло с тех пор, как прекратились залоги с небес человеку:

*Верь тому, что сердце скажет,
Нет залогов от небес.*

И только одна лишь вера в сказанное сердцем!».

Процитированный отрывок из стихотворения «Желание» (в переводе В.А. Жуковского) появляется без ссылки на его источник, причем повествовательный контекст организован таким образом, что в его структуре в принципе нет такой возможности. Примечательным моментом является также вариативное удвоение приема интертекстуальности – сначала в

повествовательном тексте от автора, затем в виде цитаты.

Важным композиционно-стилистическим приемом усложнения идейно-семантического ореола образа Ивана Карамазова и акцентирования демонически-мистической его сущности в романе является эпизод, когда он, после свершившегося убийства отца, впадает в состояние болезненного ментального кризиса, фигуративно раздваивается и появляется в собственных видениях в виде черта и ведет с ним дискуссию. Примечательно, что в речевой партии двойника Ивана также появляются интертекстуальные включения из Шиллера: два раза упоминается дискурсивная формула «великое и прекрасное» из трагедии «Разбойники», выражающая идеалы романтизма, довольно популярная в просвещенных кругах России того времени и рекуррентно встречающаяся в текстах Достоевского.

Таким образом, наиболее заметной индивидуально-стилевой особенностью включения интертекстуализмов из Ф. Шиллера в речевую ткань Ивана Карамазова является интенция создания эффекта семантического рассеяния его образа, сгущения дискурса зловещей деструктивной неопределенности, в эпицентре которого находится эта фигура.

Алексей Карамазов. Есть очевидное противоречие между декларируемой в предисловии к роману первостепенной ролью Алексея как идеального героя и центрального персонажа эпического повествования и относительно скромным, минимальным по сравнению с остальными домочадцами, удельным весом его речевых партий – он мало говорит, много слушает. В редуцированной речевой активности героя вполне органично проявляются важнейшие его личностные характеристики – свойственная истинно верующему человеку рефлексивность, сосредоточенность на проблематике нравственного и духовного облика человека, нерасположенность к самоактуализации. Сказанное в полной мере относится и к особенностям употребления исследуемого здесь материала для дискурсивно-речевого представления персонажа. Оно предельно ограничено; в прямой речи Алексея текстуально точного цитирования произведений Ф. Шиллера нет, а в виде трансформированной цитаты – не маркированной ни графически, ни указанием на источник –

шиллеровский текст в его речевой партии впервые появляется в насыщенной драматизмом реплике, обращенной к брату Дмитрию: «...не убивай себя отчаянием, не убивай!». Это дискурсивная интертекстуальная цитата – из трагедии «Разбойники», где старый граф Моор просит Франца быть сдержанным в письме к брату: «...не доводи его до отчаяния!» Идентификация интертекстуализма в данном случае – явление вероятностного характера, целиком зависящее от того, знаком читатель с творчеством немецкого классика или нет. Усиление семантики *не доводи* → *не убивай* путем лексической замены можно объяснить требованиями синтаксиса, вытекающими из различий в предметно-референтных ситуациях, или же свойственной творчеству Ф.М. Достоевского установкой на максимализацию эмоциональной действенности речи. Примечательно, что здесь транспозиция вербально-эмоционального жеста из одного произведения в другое выступает как часть сложного художественно-повествовательного приема: параллелизм словесных форм актуализован на фоне совпадения других существенных аспектов содержания произведений немецкого и русского классиков – персоналогического (Дмитрий Карамазов – Карл Моор), диспозиционного (трагический разлад между отцом и сыном) и сюжетно-событийного (герои в момент сильнейшего психологического кризиса).

В прямой речи Алексея шиллеровский интертекстуализм появляется еще один раз – в беседе с братом Иваном: «...Ведь ты вчера у отца провозгласил, что нет бога, – пытливо поглядел на брата Алеша». Мотив богоотрицания, выраженный в короткой фразе «Нет бога», также заимствован из «Разбойников»; по существу, здесь воспроизводятся из прототекста все значимые детали повествования: тип коммуникации – диалог, субъекты дискурса Франц Моор (протагонист Ивана Карамазова) и его собеседник пастор Мозер (Алеша верующий). Пример полифонии: Одна и та же реплика актуализована в трех исполнениях: Франц Моор, Иван Карамазов, Алексей Карамазов.

Как уже отмечалось, цитатно-интертекстуальный статус включений из произведений Ф. Шиллера в двух проанализированных примерах ни вербально, ни текстотехнически не обозначен. Их природа понятна только для знатоков творчества гения немецкого романтизма, искренне и страстно почитаемого Ф.М. Достоевским. В этом плане Алексей оказывается

единственным из Карамазовых, кто никаким образом в своей речи не указывает на цитатный характер высказывания. Между тем, для писателя важно включение всего семейства в художественный и мировоззренческий дискурс Шиллера, значимо для него и соответствующее восприятие читателем романа, прежде всего – при трактовке образов главных действующих лиц. Чтобы сделать эксплицитной релеванность шиллеровский сюжетов, мотивов и персонажей для интеллектуальной и коммуникативной личности Алексея, писатель прибегает к приемам косвенной индикации. Всего их два, и связаны они с интерпретацией упомянутого выше эпизода прощания Ивана Карамазова с Катериной Ивановной. Во фразе «...что и он может читать Шиллера до заучивания наизусть, чему прежде не поверил бы Алеша» синкретично выступают два голоса – автора (повествователя) и персонажа (Алексея); такая формулировка не была бы возможна, если бы Алексей не был основательно знаком с текстами Ф. Шиллера. Второй раз подобная актуализация происходит в речевой партии госпожи Хохлаковой; характеризуя поступок Ивана и его самого, она говорит Алексею: «...И этот стишок немецкий сказал, ну точно как вы!» Отметим в качестве дополнительного штриха, что в обоих примерах заметна ироничность, которая составляет «в интертекстуальности очень важную категорию» [1, с. 367].

Характерными приметам актуализации шиллеровских интертекстуализмов в речевом дискурсе и контексте художественно-образного представления Алексея Карамазова можно считать их дескриптивно-иконический характер, неотягощенность эксцентрикой и коннотативными приращениями, лаконичность и сдержанность.

Выводы. Подводя итог проведенного анализа, нельзя не подчеркнуть, что роман «Братья Карамазовы» интертекстуален в целом, как мону-ментальный литературно-художественный проект. В его концепции, идеологии и вербальной субстанции явственно обнаруживаются знаковые параллели с трагедией Ф. Шиллера «Разбойники»: brutальная семейная коллизия, тема отцеубийства, проблематизация феномена зла.

Интертекстуальность в романе выступает как комплексный автореферентный знак, сигнализирующий об особом, идеологически-релевантном отношении Ф.М. Достоевского к

личности и творчеству великого немецкого романтика. Рекуррентность любого текстового феномена свидетельствует о его личностно-смысловой или идеостилевой значимости, поэтому пронизывающие весь повествовательный корпус романа текстовые включения из произведений Шиллера характеризуют самого писателя как носителя и творца определенных духовно-мировоззренческих ценностей.

К этой общесимптоматической примете, определяющей характер использования шиллеровских цитат и мотивов в романе, следует добавить еще две. Первая связана с таким значимым для творчества писателя явлением, как диалог автора с читателем. Не все интертекстуальные включения снабжены вербальными индикаторами, эксплицирующими источник их происхождения; и не все читатели готовы к их идентификации в качестве литературного заимствования. Автор по существу ставит перед читателем особую когнитивную задачу, вступает с ним в диалог, опосредованный сюжетно-событийным развертыванием текста. Модальность этого диалога определяется провокативной интенцией («узнаешь – не узнаешь»), установкой на коммуникативную игру с читателем, предметно-ориентированной не только на определение источника литературной цитаты или аллюзии, но и на отслеживание того, как в новых условиях контекста трансформируется семантика и прагматика интертекстуальной вставки, приобретая несвойственные оригиналу референтно-смысловые и коннотативно-экспрессивные окраски.

И, наконец, в качестве общей характеристики всех заимствованных из произведений Ф.

Шиллера элементов повествования в романе «Братья Карамазовы» необходимо отметить, что они функционально не связаны с субстанциональным содержанием текста, не определяют его сюжетно-событийную динамику; они, главным образом, используются в характерологической функции, для акцентирования тех или иных сторон личности героев.

На фоне указанных общих особенностей актуализации исследуемого материала в речевой субстанции титульных персонажей романа обнаружена также индивидуально-речевая специфичность его применения ими, в существенной степени коррелирующая с социально-психологическим типом личности каждого из Карамазовых и набором коммуникативных интенций, которыми определяется развертывание художественного повествования ими в конкретной точке движения сюжетного повествования.

Художественно-образная обусловленность лингвистического качества и функции интертекстуальных включений в речи персонажей позволяет говорить об их детерминированности глубинным творческим замыслом и интенциональной установкой писателя.

Интертекстуализм, знаково-диалогически актуализованный в интеллектуальном (творческом) пространстве межкультурной коммуникации, выступает как полифонически структурированный, семиотически усложненный элемент сообщения, который в повышенной степени «обостряет момент игры в тексте» [10, с. 66], стимулирует «удовольствие активного чтения» [1, с. 439].

1. Арнольд, И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность /Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 448 с.
2. Вильмонт, Н. Н. Достоевский и Шиллер. – М.: Сов. Писатель, 1984. – 284 с.
3. Герик, Х.-Ю. Достоевский и Шиллер. Предварительный опыт поэтологического сравнения // Достоевский. Материалы и исследования. – №19. – 2020. – С. 5-15.
4. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 28. – Л.: Наука, 1990. – 554 с.
5. Достоевский. Материалы и исследования. – Л., 1935. – 604 с.
6. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 264 с.
7. Касаткина, Т. А. Шиллер у Достоевского: Элевсинские мистерии в «Братьях Карамазовых»//Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. – 2019. – №4(8). – С. 68-89
8. Криницын, А. Б. Достоевский и Шиллер. Часть четвертая. Мотивы и идеи Шиллера в «Братьях Карамазовых»: «Разбойники». – URL: https://www.portal-slovo.ru/philology/46077.php#_ednref12 (дата обращения: 20.06.2022)
9. Кузьмина, Н. А. Интертекст: тема с вариациями. Феномены языка и культуры в интертекстуальной интерпретации. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 272 с.

10. Лотман, Ю. М. Семиосфера. – СПб.: Искусство, 2004. – 704 с.
11. Реизов, Б. Г. Борьба литературных традиций в «Братьях Карамазовых» // Б.Г. Реизов. Из истории европейских литератур. – Л.: Ленинградский университет, 1970. – С. 139-158.

INTERTEXTUALITY IN FAMILY CONTEXT: KARAMAYOV'S CITING SCHILLER

© 2022 M.M. Khalikov

*Magomed M. Khalikov, Doctor of Philological Sc., Professor,
Head of Department of Linguistics
E-mail: magomed_samara@mail.ru
Samara State Transport University
Samara, Russia*

The article is devoted to the discursive-linguistic analysis of the phenomenon of intertextuality on the example of the functioning of quotation and allusive borrowings from the works of F. Schiller in the artistic space of F.M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov". When reading the work, it is easy to find that all four Karamazovs show interest in the work of the classic of German romanticism and sporadically include extracts from his works in their speech parts. On the basis of this empirical observation, a hypothesis is expressed about the non-accidental nature of the appearance of Schiller's intertextualisms in the speech fabric of the titular characters and about the possibility of their individualized functional load in the text of the novel. A consistent analysis of the speech parties of the father and brothers Karamazov showed that the use of artistic and poetic elements borrowed from Schiller's texts in the verbal and communicative practice of family members is characterized by both the general features of their functioning and individually specific features that to a certain extent correspond to their socio-psychological and mental-linguistic type, subjective communicative strategy and pragmatic the intentionality of the speech utterance at this point in the unfolding of the plot. The observations made testify to the deep functional and symbolic harmony of Dostoevsky's artistic and textual substance, which contrasts with the long-noted external stylistic carelessness of his works and determines, in interaction with it, their unique linguistic colour.

Keywords: F.M. Dostoevsky, the novel "The Brothers Karamazov", intertextuality, the speech part of the character, the artistic image

DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-86-105-113

1. Arnold, I. V. Semantika. Stilistika. Intertetexual'nost' (Semantics. Stylistics. Intertextuality). – М.: Knizhniy dom LIBROKOM, 2010. – 448 s.
2. Vilmont, N. N. Dostoevskiy i Schiller (Dostoevskiy and Shiller). – М.: Sov. Pis., 1984. – 284 s.
3. Gerik, H.-J. Dostoevskiy i Schiller. Predvaritelnyy opyt poetologicheskogo sravneniya (Dostoevskiy and Shiller. A Preliminary Experience of Poetical Comparison) // Dostoevsky. Materials and research. – №19. – 2020. – P. 5-15.
4. Dostoevskiy, F. M. Polnoye sobraniye sochineniy v 30 tomakh (Complete works in 30 volumes). V. 28. – Л.: Nauka, 1990. – 554 s.
5. Dostoevsky. Materialy I issledovaniya (Materials and research). – Л., 1935. – 604 s.
6. Karaulov, Y. N. Russkiy yazyk I Yazykovaya lichnost (Russian language and linguistic personality). – М.: Nauka, 1987. – 264 s.
7. Kasatkina, T. A. Schiller u Dostoyevskogo: Elevsinskiye mysterii v "Bratyakh Karamazovykh" (Shiller in Dostoyevskiy: The Eleusinian Mysteries in The Brothers Karamazov) // Dostoevskiy i mirovaya kultura (Dostoevskiy and world culture) // Philological Journal. – 2019. – № 4(8). – P. 68-89
8. Krinizyn, A. B. Dostoevskiy i Schiller (Dostoevskiy and Shiller). Part 4. Shiller's motives and ideas in "The Brathers Karamazov"; "Robbers". – URL: https://www.portal-slovo.ru/philology/46077.php#_ednref12 (Reference date: 20.06.2022).
9. Kuzmina, N. A. Intertext: tema s variatsiyami. Phenomeny yazyka I kultury v intertextual'noy inbterpretatsii (Intertext: theme with variations. Phenomena of language and culture in intertextual interpretation). – М.: Knizhniy dom LIBROCOM, 2011. – 272 s.
10. Lotman, Y. M. Semiosfera (The Semiosphere). – SPb.: Iskustvo, 2004. – 704 s.
11. Reizov, B. G. Bor'ba literaturnykh traditsiy v "Bratyakh Karamazovykh" (The Struggle of Literary Traditions in The Brothers Karamazov)/B.G.Reizov. Iz istorii evropeyskikh literature (From the history of European literatures). – Л.: Leningradskiy universitet. 1970. – P. 139-158.

**Издание журнала осуществлено при финансовой поддержке
Гранта губернатора Самарской области**

**The edition of the Academic journal is carried out with
Financial support Grant of the Governor of the Samara region**

Сдано в набор 01.10.2022 г.
Офсетная печ.

Подписано к печати 04.10.2022
Усл.печ.л. 13,25 Тираж 300 экз.

Формат бумаги 60x84 1/8
Зак. № 017 от 04.10.2022

Отпечатано в типографии ООО «СЛОВО»
443070 Самара, ул. Песчаная, 1.
Тел.8(846) 267-36-82

**"ИЗВЕСТИЯ САМАРСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК.
Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки"**

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

1. Текст статьи представляется в формате Microsoft Word (любая версия). Объем статьи – от 9 тысяч знаков без пробелов до 30 тысяч знаков без пробелов. Распечатка макета формат А4 – поля – не менее 2-х см с каждой стороны, текст – кегль 12, одинарный межстрочный интервал. Отступ первой строки абзаца – 0,5 см. Шрифты – Times New Roman, Arial, Symbol.
 2. Таблицы, рисунки, формулы. Рисунки размещаются как в самом тексте статьи, так и в отдельных файлах. Формат – TIFF или JPEG, режим – градиент серого или битовый, разрешение – 300 пикс/дюйм. Размещение рисунков в отдельных файлах предпочтительнее. Обязательно наличие подрисунковых подписей и подписей к таблицам: "Рис. 1. Название рисунка", "Таб. 1. Название таблицы". Длина формул не более 80 мм. Не допускается применение в тексте вставных символов Word, символы должны выполняться в математическом редакторе.
 3. В каждой статье указываются: коды УДК; название статьи; фамилия, имя, отчество автора(ов) (полностью); научная степень, должность, место работы автора(ов) в именительном падеже; реферат к статье; ключевые слова – на русском и английском языке; эл. адрес каждого автора – публикуется в открытом доступе e-Library и на сайте; контактная информация по статье – почтовые адреса и телефоны в открытом доступе не публикуются.
 4. Статьи издаются как на бесплатной основе, так и на платной договорной основе с авторами и организациями по направлениям: педагогика, теория и история культуры (философия, социология, история, культурология, искусствоведение, язык как феномен культуры). Статьи на договорной основе публикуются из расчета — одна макетная страница объемом 3 тысячи знаков стоит 800 рублей. Минимальная публикация — 9 тысяч знаков, а максимальная — 30 тысяч знаков без пробелов.
 5. Основанием публикации в журнале является входное рецензирование статьи и комплекта сопроводительных документов. Статьи и сканированные документы принимаются на постоянной основе научным редактором: radaeva@ssc.smr.ru.
- Почтовый адрес:** 443001, г. Самара, Студенческий переулок, 3А, РИО СамНЦ РАН.

**«BULLETIN OF THE SAMARA SCIENTIFIC CENTRE OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES.
Social, humanitarian, medicobiological sciences»**

MANUSCRIPT SUBMISSION GUIDELINES

1. The manuscript is submitted in the Microsoft Word format (any version). The recommended length is 9 - 30 thousand characters without spaces. Print-out template is the A4 format, margins – at least 2 cm each, the text – font size 12, single line spacing. First line indent – 0,5 cm. Fonts – Times New Roman, Arial, Symbol.
 2. Tables, figures, formulas. Figures are submitted both in the text of the manuscript, and in separate files. Acceptable formats – TIFF or JPEG, grayscale or bitmap, resolution – 300 dpi. Submitting separate figures files is preferable. Figure and table captions are obligatory: "Fig. 1. Caption of the figure", "Tab. 1. Caption of the table". The formula length should not exceed 80 mm. Use of inserted Word symbols is not allowed, characters are to be input in a mathematical editor.
 3. Each article contains: UDC code; name of the article; author(s)' surname, name, middle name (in full); scientific degree, job title, place of employment of the author(s) in the Nominative case; the abstract; keywords – in Russian and English; e-mail address of each author – is published in open access of e-Library and on the website; contact information on the article – postal addresses and phones are not published in open access.
 4. Articles are published both on a non-repayable basis for authors and on a paid contract basis with authors and organizations, in such spheres as: pedagogics, theory and cultural history (philosophy, sociology, history, cultural science, art criticism, language as culture phenomenon). One model page amounting to 3 thousand characters of the articles on a contractual basis costs 800 roubles. The minimum publication size is 9 thousand characters, and maximum one is 30 thousand characters without spaces. Contractual registers are created 4 times a year — every quarter (February, May, August, November).
 5. Peer-review is the basis for article publication. Articles and the scanned documents are accepted on a regular basis by the scientific editor: radaeva@ssc.smr.ru
- The postal address:** 443001, Samara, Studenchesky pereulok, 3A, RIO SamSC RAS